

история/география/этнография

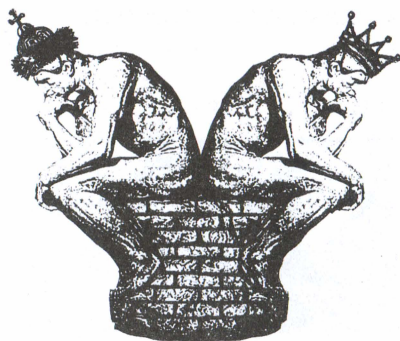

Геннадий Коваленко

Русские и шведы
от Рюрика
до Ленина

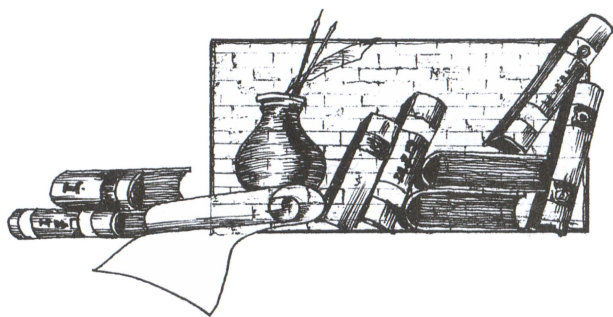
Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Геннадий Коваленко

Русские и шведы
от Рюрика
до Ленина

Контакты и конфликты

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

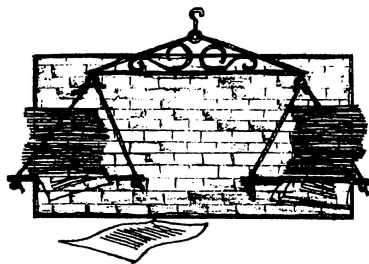
УДК 327
ББК 26.89
К56

Художник Г. Сенечко

ISBN 978-5-91678-004-8

© Г. Коваленко, 2010
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

От автора

С глубокой древности войны и торговля связали Русь и Швецию. При этом сотрудничество в экономической, культурной, политической, а порой и военной сферах тесно переплеталось с соперничеством, а контакты с конфликтами.

В их совместной истории было немало войн и военно-политических конфликтов, настороженности и недоверия. Но отношения между ними никогда не отличались ожесточением, религиозной или национальной враждой или нетерпимостью.

Как отметил видный историк русского зарубежья Е. Ф. Шмурло, «продвигаясь к Балтийскому морю, Россия встретила на своем пути сопротивление, главным образом, со стороны Швеции; но так как на этом море она искала одни только гавани, свободный выход, то отношения к этому противнику сложились у нее иначе, чем к Польше: спор шел только о территории, о политическом преобладании, на духовные же ценности соперника ни та, ни другая сторона не посягали: ни Швеция не думала о завоевании России, ни России не нужна была Швеция. Поэтому в их столкновениях больше спокойствия и терпимости, нет едкого чувства злобы и обиды, какая выросла у поляков и русских на почве религиозной распри и отстаивания национальной самобытности, породив обидные клички: „лях” для одних, „москаль” для других».

Даже в годы самой масштабной и кровопролитной русско-шведской войны Петр I писал: «Хотя Мы сию войну с короною шведскою ради государственного интереса и резона имеем, однако же партикулярной противности к тому народу никакой не имели, но наипаче оной за военный почитали».

А последняя русско-шведская война 1808–1809 гг., сыгравшая заметную роль в формировании государственности и национального самосознания финнов, носила довольно шадящий характер, что позволило свести к минимуму жертвы среди мирного населения и избежать разорения территорий. Не случайно некоторые финские историки иногда называют ее «Прекрасной войной» (*Mainio sota*).

Рубеж XIX — XX вв. был в России временем увлечения странами Северной Европы, прежде всего Швецией. Происходившие в ней процессы индустриализации, демократизации, модернизации духовной и художественной жизни воспринимались как «прорыв в современность». Россияне стремились заимствовать у шведов их достижения в области техники, лесоводства, сельского хозяйства, лечебной гимнастики, призрения бедных. Генерал А. А. Игнатъев, побывавший в Швеции в 1908 г., вспоминал, что ему «пришлось не только испытать чувство зависти, но и построить в голове целый план подражания шведской культуре для исцеления своей родины от самой страшной ее болезни — бездорожья».

В начале XX века восхищение Швецией достигло высшей точки, сформировалось представление об особой роли скандинавов в становлении Древнерусского государства. «Для нас священная навеки/страна, ты помнишь ли, скажи,/тот день, как из Варягов в Греки/пошли суровые мужи?» — писал в 1917 г. Николай Гумилев и тут же задавался вопросом: «И неужель твой ветер свежий/вотще к нам в уши сладко выл,/к Руси славянской, печенежьей/вотще твой Рюрик приходил?»

В послевоенный период представления советских людей о Швеции во многом были мифологическими: в Швеции все богаты, даже безработные, у шведов сухой закон,

и за воровство отрубают руку, там произошла сексуальная революция, а потому существует полная свобода половых отношений.

Для многих советской людей Швеция долгое время была маяком победоносной социал-демократии, символом торжества новой прогрессивной идеологии, воплощением третьего пути между капитализмом и дискредитировавшим себя коммунизмом.

Возрождение интереса к Швеции в России на рубеже XX и XXI вв. объясняется не только ее географической близостью, а также развитием экономического сотрудничества и культурного обмена, но и тем, что многим россиянам, уставшим от экономической и политической нестабильности, разгула преступности, коррупции, неэффективности системы социальной защиты, Швеция представляется образцом для подражания и землей обетованной, где торжествуют принципы равенства, взаимовыручки, сотрудничества и безопасности для всех.

Героиня рассказа Натальи Толстой «Праздник Средневековья» решила изучать шведский язык, полагая, что он «откроет ей окно в чудесный мир, где живут умные, красивые и добрые люди. Состарившись, они ничем не болеют и путешествуют по всему миру. Там нет очередей, нет убожества и хамства».

Особое внимание российской прессы этого времени привлекали кооперативное и фермерское движение, молодежная политика, опыт решения социальных и экологических проблем в Швеции. Популярной стала мысль о возможности использования «шведской модели» в деле построения новой России, тем более что одним из ключевых советников кремлёвских реформаторов во время президентства Бориса Ельцина был известный шведский экономист Андерс Ослунд, прописавший России «шоковую терапию». В возможность этого, кажется, поверили и шведы. Так в 1999 г. министр экономики Швеции Лейф Пагроцкий заявил, что шведы намерены «содействовать развитию России по пути демократического правового государства с эффективной системой управления и рыночной экономикой».

Однако «шведская модель» России не подошла, поскольку для того «дикого капитализма», который начали строить на развалинах социализма, в ней оказалось слишком много социализма и уравниловки.

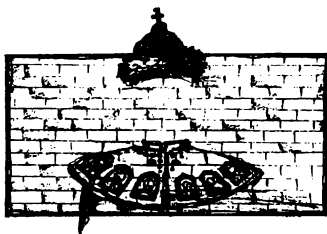
Построить «шведскую модель» в России не получилось, и в отношениях между странами наступило охлаждение, но все равно для большинства россиян, как когда-то для Петра I, шведы остаются «славным и регулярным народом», а Швеция образцовым государством, где короля штрафуют за неправильную парковку, а поводом для отставки министра может послужить неуплата налога на телевизор, неверные сведения о доходах или «серая» зарплата домработнице. Не случайно, отмечая какие-то «нестроения» в современной России, россияне нередко говорят: «А вот в Швеции...»

Русский взгляд на шведов в начале XXI в. мало изменился по сравнению с XIX и XX веками. Основными чертами шведов в глазах россиян остаются трудолюбие, аккуратность, доброта, законопослушание, готовность к компромиссу, сдержанность в проявлении чувств, любовь к порядку, чувство справедливости и сострадание к тем, кто испытывает нужду и лишения.

Ассиметрия в русско-шведских отношениях нового и новейшего времени, отмеченная известным специалистом по истории русско-шведских отношений А. С. Каном, состоит еще и в том, что если россияне, как правило, никогда не испытывали чувства «партикулярной противности» в отношении своих северных соседей, то шведы, поколения которых вырастали с предвзятым отношением к России, почти всегда относились к своему восточному соседу с чувством страха или недоверия.

Еще в первой половине XIX века известный шведский историк и публицист Эрик Густав Гейер писал о том, что при сопоставлении слов «Швеция» и «Россия» обнаруживается так мало соответствия, что «они кажутся сопротивляющимися маленькому союзу «и», который соединяет их как ненадежный мостик, переброшенный над обрывом, из глубин которого слышится шум и поднимается туман многолетней вражды».

Тем не менее вот уже несколько поколений историков, как с той, так и с другой стороны, пишут популярные книги и специальные исследования, публикуют источники, чтобы перекинуть свой мостик над этим обрывом. Эти краткие популярные очерки по истории русско-шведских политических и культурных связей представляют собой еще одну попытку поставить союз «и» между Россией и Швецией.

Рюрик — легенда и символ

Рюрик, тот, что нами правил
В достославные года,
Впечатление оставил
У потомков навсегда.

И. Иртеньев

Нас вырастил Рюрик на верность народу,
Хотя этот Рюрик неведомо who.

Д. Быков

Центральной фигурой памятника «Тысячелетие России», открытого в центре Новгородского кремля в 1862 году, является Рюрик. Он опирается на щит с датой основания Древнерусского государства: «лета *†*стѣ» — 6370 (862). За начальную точку отсчета в истории российской государственности был принят 862 год, когда, согласно летописному преданию, варяжский князь Рюрик был приглашен на княжение в Новгород. Концепция памятника, который был первоначально задуман как монумент «первому русскому государю Рюрику», вполне соответствовала норманской теории. Поэтому он подвергся яростной критике со стороны антинорманистов. Д. И. Иловайский назвал его свидетельством того, «в каком жалком состоянии находилась русская историческая критика» второй половины XIX века.

Сегодня этот памятник является одним из символов новой России. Однако это не единственный памятник, связанный с именем легендарного варяжского князя. В маленьком шведском городе Нортелье есть памятник Рюрику. Согласно местной легенде, именно отсюда когда-то он отплыл на Русь. Однако, несмотря на бытование такой легенды, каких-либо упоминаний о Рюрике в скандинавских источниках нет.

Единственный источник, к которому восходят все наши сведения о Рюрике, — это «Повесть временных лет», написанная через 250 лет после Рюрика. Повествуя о начале Русского государства, летописец отмечает варяжское происхождение правящей династии и возводит его название к названию варяжского племени — русь. «Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варяг прозвалась Русская земля».

Более двух столетий ученые изучают летописный рассказ, который принято называть легендой о призвании варягов, но так и не пришли к единому мнению о его происхождении. Текстологический анализ легенды и историко-археологическое изучение эпохи, к которой она отнесена, привели исследователей к противоположным результатам. Тем не менее сегодня у нас есть достаточно оснований считать, что в его основе лежит устный источник новгородского происхождения, который в свою очередь восходит к какому-то скандинавскому источнику.

Известный археолог Е. Н. Носов считает, что «в свете новейших археологических материалов, полученных при раскопках Рюрикова Городища, события летописного «Сказания о призвании варягов» представляются достаточно реальными — если уж не в своей конкретной, то в общеисторической канве». Раскопки на Городище свидетельствуют, что культурный слой, который там начал формироваться во второй половине IX века, носит не толь-

ко элитный характер княжеской резиденции, но и ярко выраженные скандинавские черты. Они подтверждают, что Рюрик действительно был, и его княжеская резиденция на Городище — реальность.

Сообщение «Повести временных лет» кочевало из летописи в летопись, обрстая новыми деталями и подробностями. Так в новгородском летописании XV века появилась новая версия призвания варягов, согласно которой Рюрик был внуком легендарного новгородского старейшины Гостомысла, по совету которого он и был призван на княжение. В период феодальной раздробленности, когда Русь боролась за византийское наследство и была повернута лицом на юг, о Рюрике практически не вспоминали, хотя легенда о призвании варягов переписывалась из летописи в летопись.

Когда Россия, сбросив монголо-татарское иго, начинает прокладывать путь на Запад, рождается новая историческая концепция, согласно которой Рюрик стал связующим звеном между Москвой и Римом. В литературно-публицистическом памятнике первой четверти XVI века «Сказание о князьях Владимирских», использовавшемся для укрепления авторитета великокняжеской и царской власти и ставшем официальной концепцией политической теории и исторических прав Русского государства, Рюрик был объявлен потомком Пруса — родича кесаря Августа, посланного последним на княжение в одну из подчиненных ему земель на берега Вислы.

Эта легенда была использована при составлении Воскресенской летописи, Государева родословца в 1555 году и включена в Степенную книгу. Идеи «Сказания» были использованы Иваном IV в дипломатической борьбе с Юханом III и в обосновании своих прав на Польшу и Литву. Версия о римском происхождении Рюриковичей имела определенные политические резоны, а ее направленность была обращена не столько внутрь, сколько вовне Русского государства. Тема генеалогического превосходства русских князей над литовскими носила производный, подчиненный более общей задаче характер.

В XVII веке теорию родства Ивана Грозного с Августом через Рюрика подверг критике швед Петр Петрей: «Свирепый Иван Васильевич говорил, что ведет свой род от брата славного римского императора Августа, по имени Пруса, жившего в Придцене, но это отвергают все историки, и Иван ничем не мог доказать того».

С ним был солидарен серб Юрий Крижанич. Он, в частности, писал: «Другая глупость, будто бы царь Иван или Владимир Великий происходили из рода Августа. Ведь во времена Владимировых предков в Пруссии не было ни римлян, ни курфюрстов, ни вообще немцев. В Риме род Августа кончился на самом Августе...»

Тем не менее и сегодня на одной из стен Грановитой палаты Московского кремля можно увидеть изображение Рюрика с надписью: «В Руси самодержавное царское жезлоправление начася от Рюрика, иже приде из варяг со двема братомя своимя и с роды своимя, иже бе от племени Прусова. Прус же брат бысть единоначальствующего на земли Римского кесаря Августа, и великий же князь Рюрик, в Великом Новгороде царствуя, остави сына своего Игоря».

О варяжском происхождении Рюрика вспомнили в Смутное время в связи с планами избрания на вакантный российский престол шведского принца Карла Филиппа. Одним из аргументов в пользу шведского кандидата было его родство с пресекшимся царским родом: «...прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика»*. После этого Рюрик исчез из русских исторических концепций и вернулся через полтора столетия всерьез и надолго в качестве краеугольного камня норманской теории.

Научные основы норманизма были заложены в 1730–1760-х годах. Работавший в Российской академии наук

* В пользу того, что в Новгородских землях бытовало какое-то предание о том, что варяги были выходцами из Швеции, свидетельствует тот факт, что иконник Тихвинского монастыря Иродион Сергеев, описавший осаду монастыря шведами в 1613 г., называет шведов «зловерными и погаными варягами, иже свиянами наречуются».

крупный немецкий лингвист и филолог Готлиб Зигфрид Байер нашел в немецком переводе «Повести временных лет» это давнее историческое построение о призвании варягов и изложил его в своих работах. У Байера эту концепцию подхватили и развили Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер и другие историки преимущественно немецкого происхождения.

Норманская теория подверглась резкой критике со стороны русских ученых. Главным критиком норманистов был М. В. Ломоносов. Он считал, что в русской истории не может и не должно быть таких постыдных страниц как призвание скандинава Рюрика. В 1749 г. он перевел научный спор в политическую плоскость, написав рапорт на имя императрицы, в котором обвинил Миллера в том, что он «изобразил Россию столь бедным народом, каким еще ни один самый подлый народ ни от какого писателя не представлен». Саму постановку вопроса о варяжских истоках российской государственности он посчитал не только национальным оскорблением, но и политической ошибкой: «Ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, не будут ли из этого выводить какого опасного следствия?» Ломоносов пытался «русифицировать» Рюрика. Его спор с Байером, Шлецером и Миллером шел, главным образом, по вопросу о происхождении Рюрика, которого он считал славянином из Пруссии.

Полемика норманистов и антинорманистов носила не только научный характер, она зависела от политической конъюнктуры. При Елизавете она обострилась как реакция на бироновщину. При Екатерине II вопрос о том, хорошо или плохо приглашать иностранцев на русский престол, предпочитали не обсуждать. В это время сюжет о призвании варягов начинает проникать в художественную литературу.

Первая литературная обработка этого сюжета принадлежит перу Екатерины II. О своей пьесе «Из жизни Рюрика» она писала Гримму: «Я не посмела поместить свои умозаключения относительно Рурика в „Историю“, так как они основывались только на нескольких словах из лето-

писи Нестора и из „Истории Швеции” Далена, но, познакомившись тогда с Шекспиром, я в 1786 г. придумала воплотить их в драматическую форму». Императрице было важно подчеркнуть иноземное происхождение основателя российской династии, показать, что порядок в России установился только с приходом к власти Рюрика. Главная задача пьесы, сюжет которой сводится к тому, что неуравновешенный честолюбец Вадим уступает трон просвещенному монарху Рюрику и становится его верным слугой, состояла в обосновании мысли о том, что монархические формы государственности были присущи сознанию русского народа уже на заре его исторической жизни.

Наибольшей остроты полемика норманистов и антинорманистов достигла в середине и второй половине XIX века. Классики норманизма датчанин В. Томсен и русский ученый А. А. Куник сформулировали основные положения и систему аргументации норманской теории. Ведущие представители антинорманизма С. А. Гедеонов и Д. И. Иловайский подвергли серьезной критике главные положения норманской теории. Д. И. Иловайский отрицал какое бы то ни было историческое значение летописного известия о призвании варягов и считал норманизм «легендарным наростом, который уселся на самом корне русской историографии».

Многие российские ученые стали антинорманистами главным образом по патриотическим соображениям, считая, что лишь «автохтонное» рождение народа прямо из своей земли гарантирует «правильный» ход истории этой земли и этого народа. Подвергая сомнению то сам факт призвания Рюрика, то его скандинавское происхождение, они занимались поисками этнической среды, из которой вышли варяги, и искали их то в Финляндии, то в Литве, то в западнославянском Поморье и даже в Приильменьи. Они были готовы считать Рюрика кем угодно — хорватом, кельтом, прибалтийским славянином, карелом — только не шведом.

Выдвинутая еще в XIX веке теория, отождествлявшая Рюрика с предводителем викингов Рёриком (Рориком) Ютландским (Фрисландским), враждовавшим с нем-

цами и со шведами, имеет своих сторонников и в наше время. В целом эта теория восходит к датскому летописцу XII века Саксу Грамматику, который упоминает в своей хронике о событиях на Ютландском полуострове, память о которых сохранилась в народных преданиях. Король Дании Рёрик (Рорик) назначил братьев Фенге и Эрвенделя, женатого на королевской дочери Геруде, военачальниками в Ютландии. Фенге убил Эрвенделя и женился на Геруде. Сын Геруды и Эрвенделя Гамлет (Амлет) не решился сразу открыто выступить против Фенге и притворился сумасшедшим. Убив Фенге, он стал королем ютландцев, а после смерти Рёрика — королем Дании. Его история послужила сюжетом для драмы Шекспира. Тогда получается, что Рюрик был дедом Гамлета.

Польский историк Хенрик Ловмянский считает, что отождествление Рюрика Новгородского с Рориком Фрисландским сомнительно не столько вследствие географической отдаленности Фрисландии от России, сколько ввиду отсутствия четких данных о русско-датских и русско-фрисландских отношениях. Поэтому Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского следует рассматривать как две разные личности.

После того как к середине нашего столетия обе концепции оказались в тупике, наметилась тенденция к их сближению. Сегодня норманская проблема изучается не как иноземное завоевание, следствием которого стало создание Древнерусского государства, а как система взаимоотношений между славянами и скандинавами. История варягов на Руси — это история их включения в закономерные и противоречивые социально-экономические отношения эпохи становления Древнерусского государства.

Сегодня российских историков больше занимает вопрос не о том, откуда пришел Рюрик, а о том, какая форма правления была связана с его именем.

В свое время Н. М. Карамзин характеризовал призвание варягов как «удивительный и едва ли не беспримерный случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных и хитрость

честолюбивых вводили самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан».

По мнению академика В. Л. Янина, призвание варягов было связано с вечевой новгородской традицией. Рюрик был приглашен для исполнения судебных и правоохранительных функций. С ним был заключен договор — «ряд», в котором были оговорены права князя и условия его содержания. Согласно этому «ряду», князь не мог владеть землями на территории новгородских волостей и собирать дань*. То государство, которое образовалось на севере в результате призвания варягов в середине IX века, было основано на принципах строгого соблюдения приглашенным князем и его дружиной выработанных новгородцами условий. Тогда получается, что именно Рюрик стоял у истоков новгородской демократии. Его антиподом был Олег, нарушивший договор с новгородцами и обосновавшийся на юге в Киеве. Убив Аскольда и Дира и обложив налогами древлян, северян и радимичей, он стал самодержавным правителем. Так в Киеве возникла власть, основанная не на договоре, а на завоевании. Киев изначально развивается как монархия. В Новгороде же сложилась боярская демократия, которая сохранилась до конца XV века.

Противоположной точки зрения придерживается И. Я. Фроянов. Он считает, что Рюрик был призван не на княжение, а для оказания военной помощи новгородским словенам. По всей вероятности, он успешно справился с этой задачей, и это побудило его посягнуть на местную княжескую власть. Он совершил государственный переворот, сопровождавшийся истреблением словенских князей и знатных людей.

* То, что новгородцы сами формировали свой бюджет, подтверждается раскопками 1999 г., когда на Троицком раскопе было найдено около 40 деревянных пломб, которыми запечатывали мешки с данью, поступавшей в Новгород. Эта находка позволила сделать важный вывод о том, что доходы с Новгородских земель поступали не к князю на Городище, а в административный центр, который находился в Новгороде.

В Швеции Рюрик известен гораздо меньше, чем в России. Впервые о нем написал в своем сочинении «История о Великом княжестве Московском» (1615) шведский дипломат и историк Петр Петрей. О призвании новгородцами варягов, «знатных и многими делами славных господ Рюрика, Синая (Зиная) и Трувора», писал Ф. И. Страленберг. Он считал, что они происходят из варягов, живших «около моря Балтийского, которое в России называют Варяжским». Ю. Г. Спарвенфельдт с большим доверием относился к версии о римском родстве московских государей. Х. Г. Портан был не согласен с мнением О. Далина о длительной зависимости Русского государства от варягов и отвергал идею норманского завоевания. В целом же в XVIII веке Рюрик не стал известной фигурой в научном мире Швеции. Во всяком случае, в 1790 году Карл Столхаммар назвал Рюрика одним из предводителей поселившихся на Днепре армян и греков. Он ничего не знал о шведском происхождении Рюрика и о роли варягов в истории России.

Норманский вопрос становится в Швеции самостоятельной проблемой в середине XIX века. Им занимались А. Фрюксель, Г. Гейер, Ф. М. Францен. К нему обращался также известный шведский историк Харальд Йерне. Его первой работой по русской истории стала статья «Анти-норманизм в русской историографии» (1879). В ней он подверг критике то направление, которое опровергало достоверность летописного сообщения о призвании варягов и варяжской колонизации. Йерне считал Рюрика реальной исторической личностью и полагал, что нет никаких оснований сомневаться в том, что он и его люди пришли непосредственно из Швеции или из других близлежащих земель. В государственном устройстве Новгородской республики историк видел основные черты порядков норманских дружин.

Антиподом Рюрика не столько в истории, сколько в литературе стал Вадим — легендарный вождь новгородцев, поднявший восстание против Рюрика и убитый им. Несмотря на то, что ссылкой на поздние летописные источники он упоминается В. Н. Татишевым, Н. М. Карам-

зиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, в целом Вадим представляется личностью мифической. Даже его имя, достаточно популярное в наши дни, не было известно в IX веке. В литературу образ Вадима ввела Екатерина II в своей уже упоминавшейся исторической драме «Из жизни Рюрика», где честолюбивому Вадиму она противопоставила мудрого и великодушного Рюрика, олицетворявшего монархическую власть. В том же духе была написана трагедия П. А. Плавильщикова, в которой он устами дочери Вадима Пламиры осудил вольность: «Везде славянами славянска кровь льется — вот иго страшное, что вольностью зовется».

Я. Б. Княжнин представил Вадима как первого защитника русской свободы и демократии. Его трагедия по приказу императрицы была предана сожжению, но она положила начало традиции, согласно которой Вадим вошел в русскую литературу как первый русский демократ, к образу которого в своем творчестве обращались декабристы, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов.

Нам неизвестно, где родился Рюрик и как он выглядел*, неизвестно также, где его могила. В классических текстах русских летописей не указывается место смерти Рюрика, но из контекста ясно, что это, скорее всего, могло произойти в Новгороде. В одном из летописцев XVII в. под 6387 (879) г. читается известие: «Умре Рюрик в Кореле в войне, тамо положен бысть в городе Кореле». Согласно старолადожскому устному преданию, он похоронен в Старой Ладоге в подземных ходах, носящих название Танечкины пещеры, или на дне озера подле Тайничной башни. В Новгороде бытовало предание, что его последним пристанищем стало Городище. В. Л. Янин вспоминает, что именно там в послевоенные годы советовали археологам искать «золотой гроб Юрика» коренные новгородцы.

* Все известные изображения Рюрика являются плодом фантазии их авторов. В этой связи В. Л. Янин вспоминает, как побывавший в Новгороде в 1960-х гг. известный шведский неонорманист Х. Арбман у памятника «Тысячелетие России» сказал: «Я счастлив, что наконец-то увидел, как выглядел Рюрик».

Уже в начале нашего столетия слава «могилы Рюрика» закрепилась за так называемой Шум-горой, расположенной в Передольском Погосте — одном из важных административных, ремесленных и торговых центров Новгородской земли, изобилующей древними городищами, сопками и курганами.

Память о Рюrike была увековечена не только в памятнике «Тысячелетие России», но и в названиях нескольких кораблей русского флота. Его имя носили военный бриг, совершивший в 1815–1818 годах кругосветное плавание под командованием адмирала О. Е. Коцебу; крейсер, отличившийся в бою в Корейском проливе в августе 1904 г., а также броненосный крейсер, участвовавший в войне на Балтике и в Ледовом походе 1918 года.

Отношение к Рюрику в различные эпохи было различным. История обработки предания о Рюрике отражает политические настроения общества. На разных этапах его развития Рюрик был то скандинавским князем, приглашенным новгородцами для исполнения судебных и правоохранительных функций, то потомком легендарного Пруса, родственника императора Августа, то просто наемником — солдатом удачи IX века, совершившим военный переворот, то предводителем профессиональной разбойничьей шайки, то мудрым правителем, стоявшим у истоков новгородской демократии, то самодержавным тираном.

Если сам Рюрик представляется многим историкам достаточно предположительной фигурой, то еще более «предположительны» другие персонажи, часто упоминаемые в связи с Рюриком, — его мать Умила, дочь Гостомысла, жена Ефанда, дочь норманского князя, его соперник Вадим. Даже имена его братьев Синеуса и Трувора некоторые ученые считают неправильно понятыми словами какого-то древнескандинавского источника. По словам Б. А. Рыбакова, «историки давно обратили внимание на анекдотичность братьев Рюрика, который сам, впрочем, является историческим лицом, а братья оказались русским переводом шведских слов *sine hus* (свой дом) и *thru war* (верная дружина). Другими словами, в лето-

пись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский язык, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев».

Не все разделяют такую точку зрения. Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, напротив, считают, что «необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена Синеус и Трувор как осмысленные летописцем в качестве личных имен древнешведские фразы «со своим домом и верной дружиной», подразумевающие восхождение легенды к прототипу на древнешведском языке. Прямо противоречит всему тому, что известно о языковых связях Древней Руси и Скандинавии, это предположение не учитывает и того, что скандинавские имена, рефлексам которых являются Синеус и Трувор, хорошо известны, в частности, по руническим надписям X—XI вв.».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Рюрик — не столько реальная историческая личность, сколько один из символов, связующих наши страны.

Литература:

Гринев Н. Н. Легенда о призвании варяжских князей//История и культура древнерусского города. М., 1989; *Клейн Л. С.* Спор о варягах. СПб., 2009; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии//Вопросы истории. 1995/2; *Михайлович Д. М.* Сага о конунге Рорике и его потомках. М., 1995; *Никитин А.* Первый Рюрик – миф или реальность//Наука и религия. 1991/4; *Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы//Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Л., 1983; *Янин В. Л.* Русь на Волхове//Родина, 1999/8; *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Жена Ярослава Мудрого

Шведская принцесса Ингигерд, жившая в конце эпохи викингов, является знаковой фигурой в истории русско-шведских отношений раннего средневековья. Ее имя довольно часто встречается в исландских сагах, упоминают ее и русские источники. Она гораздо более реальная по сравнению с Рюриком историческая личность. Конечно, исторические источники лишь в самых общих чертах рисуют ее облик, тем не менее, она уже не предположительный, а реальный персонаж, оставивший след в истории двух стран.

Ее отцом был воспетый в исландских сагах Улоф Шётконунг, принявший христианство и ставший первым королем свеев и гетов. Ее мать — вендская (балтославянская) принцесса Эстрид. Едва достигнув совершеннолетия, Ингигерд была вовлечена в политику, но при этом она не была пешкой в чужой игре, а пыталась играть самостоятельную роль, отвечавшую ее амбициям и запросам.

Норвежский конунг Олав Харальдссон в своем стремлении к объединению Норвегии и ликвидации ее зависимости от Швеции и Дании оказался в состоянии военного конфликта с Улофом Шётконунгом. В 1017 г. он решил помириться с ним и послал к нему своих послов Бьерна и Хьяльти, поручив им посватать за него Ингигерд. Выслушав Хьяльти, Ингигерд сказала: «Если Олав в самом деле такой достойный человек, как ты об этом рассказыва-

ешь, то я не пожелала бы себе лучшего мужа». Она попыталась склонить отца к миру: «Тебе самому только хуже от того, что ты хочешь владеть Норвегией... На твоём месте я позволила бы Олаву Толстому владеть своей отчиной и помирилась с ним». Но Улоф не считал Олава равным себе конунгом и отказался выдать за него дочь. Он заявил ей: «Ты хочешь, чтобы я отказался от Норвегии и выдал тебя замуж за Олава Толстого? Этому не бывать! Лучше я этой зимой объявлю в Упсале на тинге (народном собрании. — Г. К.) всем шведам, что народ должен собираться на войну. Я отправлюсь в Норвегию и предам эту страну огню и мечу». Однако на тинге в Упсале в феврале 1018 г. бонды (свободные земледельцы. — Г. К.) заявили Улофу: «Мы хотим, чтобы ты помирился с Олавом Толстым, конунгом Норвегии, и дал ему в жены дочь свою Ингигерд», и Улоф дал обещание помириться с Олавом Харальдссоном и выдать за него дочь.

Ингигерд уже считала себя невестой Олава и послала ему шелковый плащ с золотым шитьем и серебряный пояс. Весной Олав отправился в свадебную поездку на шведско-норвежскую границу, но не дождался невесты. Улоф медлил с исполнением обещания, а Ингигерд «была озабочена и удручена», поскольку боялась, что он не сдержит данного им слова. Ее опасения не были напрасны, ибо в конце концов он «возненавидел Олава так, что никто не осмеливался произносить при нем его имя», и сказал Ингигерд: «Как бы ты ни любила этого толстяка, тебе не бывать его женой, а ему твоим мужем. Я выдам тебя замуж за такого правителя, который достоин моей дружбы».

Ингигерд не стала женой Олава, но она не забыла его, и, когда в 1028 г. он приехал в Новгород, «все знатные и славные люди ценили Олава конунга, когда он был там, но всех больше — Ингигерд княгиня, потому что Олав и Ингигерд любили друг друга тайной любовью».

Новый искатель руки шведской принцессы не замедлил явиться. Им стал новгородский князь Ярослав Владимирович, который лучше других русских правителей известен по исландским сагам (как Ярицлейв). Он решил жениться на дочери Улофа, чтобы обезопасить себя от нападений

с севера и получить шведскую помощь в борьбе со Святополком и Брячиславом за великокняжеский престол.

Исландские саги сообщают о двух посольствах Ярослава: «К конунгу шведов... прибыли с востока из Хольмгарда послы Ярицлейва конунга, чтобы сосватать дочь Улофа конунга, и он хорошо принял их сватовство» и обещал отдать за него дочь.

На следующий год Ярослав вновь послал своих послов в Швецию «узнать, собирается ли Улоф конунг сдержать свое обещание». Ингигерд дала свое согласие, поставив два условия: Ярослав должен дать ей в управление (в вено) город Альдейгьюборг (Ладогу) и прилежащие к нему земли*. Такой свадебный дар князя должен был соответствовать величине приданого («большому богатству»), которое давал за нее шведский конунг. Кроме того, она хотела взять с собой ярла Рагнвальда, который в Новгороде получил бы те права и почести, которые имел в Швеции. Улоф был недоволен тем, что выбор дочери пал на человека, которого он считал изменником, но уступил просьбам дочери и сказал, что отпускает Рагнвальда, только пусть он уезжает из Швеции и никогда не возвращается назад. Рагнвальд снарядил корабли и отправился «на восток в Гардарики», где Ингигерд пожаловала ему Альдейгьюборг, «и он стал ярлом всей той области и правил там долго». Так в низовьях Волхова образовалось русско-норманское ярлство, в задачу которого входила оборона северных рубежей страны.

Как сообщают исландские саги, Ингигерд стала женой Ярослава в 1019 г. Это косвенно подтверждает Начальная русская летопись, где сказано, что Владимир родился в 1020 г. Этот брак укрепил отношения Швеции с Русским государством и усилил роль и влияние Швеции на севере Европы, а также способствовал решению шведско-норвежского пограничного конфликта.

* Существует предание, что с тех пор эти земли носят название Ингерманландия, то есть «земля Ингигерд». Скорее всего, название этой территории происходит от финского Inkerinmaa (земля Инкери), то есть земля вдоль реки Ижоры (Inkerijoki). Это соответствует и славянскому названию края — Ижорская земля.

В средневековой Европе существовала практика переименования невест при заключении династических браков. Поэтому, попав в новую этнокультурную среду, Ингигерд сменила имя. Предположение В. Н. Татищева о том, что Ингигерд приняла христианское имя Ирины («сия великая княгиня, в язычестве Ингигерда, называлась христианским именем Ирины») подтверждается тем, что в 1037 г. Ярослав Мудрый основал в Киеве монастырь св. Георгия и св. Ирины. Под этим именем ее упоминает святитель Илларион в своем «Слове о законе и благодати». Мысленно обращаясь к крестителю Руси князю Владимиру, он пишет: «Взгляни на сноху твою Ирину, взгляни на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Бог их хранит, как они соблюдают веру, которую ты им завещал, как они восхваляют Имя Христово!»

Этим, практически, исчерпываются все сведения об Ингигерд, которые можно найти в русских источниках. Поэтому о ее жизни на Руси мы можем судить, главным образом, на основании источников скандинавских, в которых она упоминается как жена Ярослава и правительница Русского государства. При этом саги не только преувеличивают ее роль в политической жизни, но и противопоставляют ее мужу, даже подчеркивают ее превосходство над ним: «Она была мудрее всех женщин и хороша собой... великодушна и щедра на деньги, а Ярицлейв конунг не слыл щедрым».

Из саги «Гнилая кожа» мы узнаем о том, что Ярослав «так любил ее, что почти ничего не мог сделать против ее воли». Однако эта же сага рассказывает о конфликте между супругами, закончившемся рукоприкладством.

«Ярицлейв велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями... Она была обтянута парчой и ценными тканями. Сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на своем высоком месте. Он пригласил к себе многих почетных гостей своих и устроил пышный пир. И вошла в палату княгиня в сопровождении прекрасных женщин, и встал конунг к ней навстречу, и хорошо приветствовал ее, и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую пре-

красную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое большое убранство?» Княгиня отвечала: «Господин, в этой палате хорошо, и редко где найдется такая большая красота и столько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах». Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны твои слова, — сказал он, — и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу» — и ударил ее по щеке... Ушла она разгневанная и говорит друзьям своим, что хочет уехать из его земли и больше не принимать такого позора».

Возможно, не все было гладко в супружеской жизни Ингигерд и Ярослава. Тем не менее можно говорить о том, что, обладавшая силой воли и политическим чутьем, Ингигерд (Ирина) стала не только «первой леди», но и советником Ярослава, вместе с которым жила попеременно то в Киеве, то в Новгороде. В отсутствие великого князя она сама управляет делами. («Конунг Ярицлейв правил Гардарики и княгиня Ингигерд».) Она давала советы Ярославу и в самые критические моменты принимала личное участие в разрешении конфликтов.

Приехав на Русь, Ингигерд оказалась в эпицентре междоусобной борьбы русских князей. Активное участие в ней принимают скандинавские наемники под предводительством норвежского викинга Эймунда Хрингссона. «Он сделался человеком, охраняющим страну конунга Ярицлейва и получившим от него большое уважение». Ярослав обещал предоставить его людям дом, лучшие припасы и платить каждому воину эйрир (около 27 граммов) серебра. Наемники постоянно требовали увеличения жалования, и на этой почве у них часто возникали конфликты с князем. Однажды они просили Ингигерд быть посредницей в споре. Она согласилась, но предупредила их, что будет защищать интересы мужа. Когда Эймунд с дружиной из-за задержки с выплатой жалования решил уйти от Ярослава к его врагу полоцкому князю Вартилаву (Брячиславу), она пыталась убить Эймунда. Но ее

план не удался, и Эймунд перешел на службу Брячиславу и воевал против Ярослава. Однажды ему удалось захватить ее в плен, и он привез ее к Брячиславу. Но даже свое пребывание в плену она использовала на пользу Ярославу. Склонив на свою сторону Эймунда, она сумела убедить Брячислава прекратить междоусобную борьбу. Вместе с Эймундом она производит раздел русских земель: «Эймунд конунг и Ингигерд должны были решать все трудные дела».

Когда против Ярослава восстал его брат Мстислав Тмураканский, Ирина предложила решить спор в поединке с ней. Мстислав ответил, что с женщинами бороться не привык, и уступил брату.

Ингигерд оказала благотворное влияние на развитие отношения Руси со странами Северной Европы, сыграла заметную роль в установлении мира между Швецией и Норвегией. При дворе Ярослава Мудрого нашел приют изгнанный из Норвегии Олаф Харальдссон, назвавший ее «самой выдающейся из женщин». Здесь же после его гибели воспитывался его сын Магнус, ставший впоследствии конунгом Норвегии. Ингигерд была гостеприимной хозяйкой для сыновей английского короля Эдмунда — Эдуарда и Эдвина, бежавших на Русь после завоевания Англии датчанами. Позднее в Киеве нашли убежище Ингвар, Анунд, Якун, Шимон, Эйлиф. Около 1036 г. в Киев прибыл сын Эймунда — Ингвар Путешественник, отсюда он совершил поход на Восток, ставший последним военным предприятием викингов в Восточной Европе.

Укреплению международных связей Русского государства способствовали родственные связи с правителями западных стран. В том, что Русское государство при Ярославе Мудром играло важную роль в жизни Европы, была немалая заслуга княгини, которая стала «европейской тещей». Ее дочери стали «золотым фондом» для престолов европейских государств. Королевой Франции стала Анна Ярославна, за венгерского короля Андрея вышла замуж Анастасия. В 1030 г. в Киев приехал норвежский принц Харальд. Об истории его романтической любви к Елизавете

те Ярославне, известной, прежде всего, по «Саге о Харальде Суровом», рассказал Н. М. Карамзин:

«В юности своей, выехав из отечества, он служил князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь и вступил в службу императора восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения святым местам и, чрез несколько лет, с богатством и славою, возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства...»

Если Ингигерд так активно участвовала в политической жизни Древнерусского государства, то, по всей вероятности, можно говорить и о том, что ее заслуга есть и в культурных достижениях эпохи Ярослава Мудрого: «Правда Ярослава», школа в Новгороде, храмы Святой Софии в Киеве и Новгороде. Не случайно местом захоронения Ингигерд считают как Киевскую, так и Новгородскую Софию.

«Повесть временных лет» очень лаконично сообщает о ее кончине, не называя ни имени, ни места: «Представилась княгиня, жена Ярослава». В Новгородской первой летописи и в описаниях новгородских святынь XVII в. есть указания на то, что она была захоронена в Новгородском Софийском соборе вместе с сыном князем Владимиром. Во всех этих источниках она названа Анной. Под этим именем она вошла в пантеон русских святых, став первой русской святой скандинавского происхождения. Церковное почитание св. Анны 10 февраля и 4 октября было установлено в 1439 г. новгородским архиепископом Евфимием. Считается, что она «первая показала пример великим князьям и княгиням постригаться».

Пытаясь объяснить, как появилось новое имя жены Ярослава Мудрого, Н. М. Карамзин предположил, что «Ярославова супруга именовалась в свете Ириною, а перед кончиною постриглась и была названа в монашестве Анною». С тех пор это объяснение утвердилось в официальной историографии и агиографии, а также популярной литературе.

Писательница Лариса Васильева в своей книге «Жены русской короны» пишет о том, что, завершив «детородную функцию», Ингигерд «погружается в религию» и в 1045 году уезжает в Новгород к старшему сыну Владимиру по случаю закладки храма Святой Софии, где принимает монашеский постриг под именем Анны.

С такой изящной версией можно было бы вполне согласиться, если бы не саркофаг Ярослава Мудрого в Киевском Софийском соборе, где, как известно, покоились также женские останки. Какую же женщину захоронили вместе с ним? Логично предположить, что жену, но о новом браке Ярослава ничего не известно. Между тем, как показала экспертиза, эти останки принадлежат женщине скандинавского типа в возрасте 45–50 лет, в то время как женщина «северного типа», захороненная с князем Владимиром в Новгородском Софийском соборе, умерла в возрасте 30–35 лет.

В этой связи В. Л. Янин в своем исследовании о некрополе Новгородского Софийского собора отметил, что «летописные источники раннего времени не знают жены князя Ярослава Мудрого по имени Анна... Логично предполагать, что она скончалась и похоронена отнюдь не в Новгороде, а в Киеве... Мать Владимира Анна — лицо сугубо мифическое, а приписываемые ей мощи в лучшем случае могли оказаться останками жены Владимира».

С ним солидарна Т. Н. Джаксон: «Иногда Ингигерд отождествляют с Анной. Это восходит к поздней новгородской традиции, согласно которой так звали жену Ярослава и мать Владимира... Между тем в Киевской Софии сохранились останки женщины, которые с большой вероятностью можно отождествить с Ингигерд... Одновременно есть все основания предположить, что Ярослав ранее был женат. Останки женщины, похороненной в Новгородском Софийском соборе, принадлежат 30–35-летней женщине, которая могла быть женой сорокалетнего Ярослава». Можно также предположить, что женские останки, считающиеся останками Ингигерд, принадлежат жене Владимира Ярославича.

До тех пор, пока мы достоверно не определим, где и под каким именем упокоилась Ингигерд, обе версии имеют право на существование, и каждый сам вправе определять, какой из них отдать предпочтение.

Литература:

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. V. Древне-скандинавские источники. М., 2009; *Edberg R. Ingegerd Olof Skötkonungs dotter. Ett kvinnoöde från vikingatiden.* Stockholm, 1997; *Jakson T. Ingegerd, hustru till den ryske fursten Jaroslav den vise//Sigtuna-porten i Novgorod.* Sigtuna, 1997; *Ingelman-Sundberg C. Ingegerd — en bricka i det politiska spelet//Historiska Nyheter.* 2004—2005; *Алексеев С. В. Ярослав Мудрый.* М., 2006; *Гинзбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд//Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 7.* 1940; *Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв.* М., 1978.

Упырь или Эпир?

Одним из тех ученых, кто пытался перекинуть свой мостик над обрывом, о котором писал Э. Г. Гейер, и поставить свой союз «и» между Швецией и Россией, был известный шведский славист, профессор славянских языков Стокгольмского университета Свен Андерс Шёберг. Круг его научных интересов был довольно широк: от первых памятников славянской письменности — новгородских граффити и берестяных грамот — до современного русского языка. Его языковедческие статьи, основанные на материалах Новгородского оккупационного архива 1611–1617 гг., хранящегося в Швеции и частично изданного его учениками, познакомили с этим архивом широкие круги славистов в Швеции и за ее пределами.

Особый интерес Андерс Шёберг проявлял к истории шведско-русских культурных связей. Им были написаны статьи о переводчиках русского языка в Швеции, первых шведских изданиях книг на русском языке, а также о русских церковных колоколах в Швеции. Отмечая, что культурные связи между Россией и Швецией имеют глубинные корни, он стремился представить взаимовлияние и взаимообогащение двух культур во всем их многообразии, показать импульсы, не только исходящие из Швеции на Восток, но и получаемые ею с Востока. Этой теме он посвятил написанную им в увлекательной форме исторического расследования статью о рунорезце из Уппланда — Эпире, которого он отождествил с новгородским

священником Упырем Лихим, имя которого сохранилось на копии библейской Книги Пророков, сделанной Упырем в 1047 г. для князя Владимира*. Шёберг заинтересовался им потому, что его имя, как он полагал, не могло быть русским, иначе получалось, что христианского священника звали «злбный упырь», а этого, по его мнению, быть не могло.

В 1980 г. в книге о граффити Софийского собора в Новгороде Шёберг нашел сведения о том, что кто-то, называвший себя Farman, написал на стене Софийского собора по-русски, но с ошибками: «Господи, помози рабу своему Фарману, Глебову отроку (дружиннику князя Глеба — Г. К.)». Имя Фарман ранее встречалось ученому на одном из рунических камней, поэтому он предположил, что это один и тот же человек. Это натолкнуло его на мысль о том, что разгадка имени новгородского священника Эпира может заключаться в его скандинавском происхождении. Это казалось вполне вероятным, поскольку дочь шведского короля Улофа Шётконунга Ингигерд, ставшую в 1019 г. женой новгородского князя Ярослава, сопровождала многочисленная свита, в составе которой вполне мог быть священник. Имя Эпир означало «крикун» или «громогласный». Но именно громкий и сильный голос, по мнению Шёберга, требовался служителю православной церкви.

Чтобы установить, было ли имя Эпир распространенным в Швеции в XI в., он обратился к руническим надписям и установил, что в Швеции был только один человек с таким именем — рунорезец Urip (Öpir), автор более 30 рунических надписей на камнях, живший в Уппланде в 1050—1100 гг. Таким образом, новгородский священник и шведский рунорезец были современниками. Приняв во внимание необычность и сходство имен, Шёберг предположил, что речь идет об одном и том же человеке.

* «Слава тебе Господи царю небесный, яко сподоби мя написати книги си ис коуриловице князю Влодимиру Новгороде княжашю сынови Ярославлю болшему. Поучах же е писати в лето 655 месяца мая 14. А кончах того же лета месяца декабря в 19. Аз поп Оупирь Лихыи».

Он еще больше укрепился в своем мнении, когда обнаружил, что один из камней Эпир подписал как Öpir Ofeigr, т. е. Эпир Неробкий (Отважный). Шёберг предположил, что русское слово «лихой» имеет то же значение, что шведское ofeg, т. е. дерзкий, отважный. Так Шёберг уверился в том, что речь идет об одном и том же человеке. Более пристальное изучение рунических надписей Эпира дало еще некоторые подтверждения этому. Надпись на одном из наиболее известных рунических камней Эпира — камне из Шюсты — рассказывает о Руне и ее невестке Сигрид, по заказу которых была сделана надпись о четырех братьях, одного из которых звали Спяльбуд. О Спяльбуде сказано, что он умер в Хольмгарде в церкви Св. Олава. Характерно, что этот камень содержит дополнительные сведения только о том из братьев, который умер в Новгороде. Это дало Шёбергу основание предположить, что именно Эпир, покинув Новгород и вернувшись в Швецию, принес весть о смерти Спяльбуда.

По мнению ученого, Эпир вернулся в Швецию после смерти Ингигерд и Владимира, когда положение шведов при княжеском дворе сильно пошатнулось, и это могло послужить для многих причиной их возвращения в Швецию. Тогда же королем Швеции стал Стенкиль, считающийся старшим сыном ярла Рагвальда, которого Ингигерд взяла с собой в Новгород. Сын Стенкиля Ингве, по всей вероятности, вырос и получил воспитание при дворе в Новгороде. Возможно, именно он попросил Эпира следовать за ним в Швецию.

Шёберг считает, что многие надписи на рунических камнях могут получить новое объяснение, если предположить, что Эпир жил на Руси. Так, например, надписи, начинающиеся со слов «Здесь лежит», считаются инспирированными с западноевропейских надгробных камней с латинскими текстами, которые были введены в Швеции католической церковью. Эпир мог узнать этот тип надписей в России, куда они пришли из Болгарии. Вполне возможно, что этот обычай в Швецию завез Эпир, который высек надписи в такой манере на двух из трех камней.

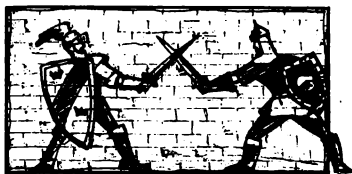
Шёберг отмечает, что на Эпире кончаются рунические надписи в Уппланде. Многие исследователи рунических надписей полагают, что это связано с изменением экономических отношений и организацией церквей и кладбищ: когда перестали ставить рунические камни вблизи жилищ, то интерес к ним как к мемориальным камням был утрачен. Но Шёберг дает другое объяснение. Он полагает, что руническая письменность в Уппланде исчезает в связи с тем, что в начале XII в. он подчиняется римско-католической церкви, не принимавшей народного языка и языческой рунической письменности.

Шёберг считает примечательным тот факт, что камни Эпира имеют кресты греческого типа, а не западноевропейские латинские кресты. Он отмечает также, что орнамент рунических камней, традиционно считающийся ирландским, может иметь и новгородское происхождение. Петли Эпира — так он называет плетеный орнамент его камней — это «звериный» орнамент, который имеется в русских рукописных книгах XII и XIII вв. Звери, напоминающие змей со шведских камней, составляют их заглавные буквы. В них есть узоры, похожие на петли Эпира.

Получив контроль над Скандинавией, римско-католическая церковь делала все, чтобы уничтожить все следы византийского влияния в Швеции. Но камни Эпира ей осилить не удалось.

Литература:

Sjöberg A. 1) *Pop Upir' Lichoј and the Swedish Rune-carver Ofeigr Upir//Scando-Slavica.* 28. 1982; 2) *Öpir, runristare i Uppland och hovpredicant i Novgorod//Långhundraleden - en seglats i tid och rum.* Uppsala, 1993; *Шёберг А.* Эпир - рунорезец Уппланда и придворный проповедник Новгорода//Чело. 1996/2; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979; *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977.

Ярл и князь

Если россиянин, знакомый с историей своего отечества по историческим романам, попадет в Стокгольм, то, оказавшись на улице ярла Биргера, он, очевидно, не без гордости вспомнит, что именно этого шведа разбил когда-то на невских берегах князь Александр Ярославич Невский. Если шведы помнят Биргера как основателя Стокгольма, финны — как основателя Хямеенлинны, то для русских он — агрессор, меченный копьем новгородского князя. Так уж случилось, что на уровне обыденного сознания Биргер вошел в нашу историю как антипод Александра Невского. Поединок князя Александра и Биргера до сих пор является популярным сюжетом для художников и писателей*.

Писать биографию Александра Невского крайне трудно. Немногочисленные источники, на основании которых потомки могут судить о нем, отличаются лаконичностью. К сожалению, этот вакуум иногда заполняется фантазиями и вымыслом, и делают это не только исторические романисты (что вполне допустимо), но и историки. Это касается и Невской битвы, в которой, как принято считать, встретились Александр Ярославич и Биргер Магнуссон. Как отметил В. А. Кучкин, «в исследованиях

* «Но силой горнею повитый/Уж Невский Биргера теснил/И на его
уже ланиты/Он знак кровавый положил...» (В. Петров. Поэма
«Александр Невский»).

о Невской битве очень многое идет от позднейшей традиции, разного рода соображений и расчетов историков в ущерб свидетельствам ранних и достоверных источников». Шведские источники о ней не упоминают. Русских же источников, по сути дела, всего два: Новгородская первая летопись, которая велась в канцелярии новгородского епископа, и Житие Александра Невского, составленное во Владимире в 80-е годы XII в. Ни в том, ни в другом Биргер не упоминается. В летописи говорится, что шведы пришли с князем и «пискупы» (епископом. — Г. К.) без упоминания имен. Житие в различных редакциях называет предводителя похода королем. Только в Новгородской четвертой летописи (памятнике новгородской письменности конца XV — нач. XVI в.) упоминается искаженное имя предводителя шведов: Бергель (Белгер, Белгерь), взятое из «Рукописания Магнуша».

«Рукописание Магнуша» — это публицистическое сочинение, написанное в форме политического завещания и предостерегающее шведов и норвежцев от войн с Русским государством. Считается, что оно было создано в Новгороде в первой половине XV в. «Рукописание» написано от лица шведского короля Магнуса Эрикссона, поход которого в новгородские земли в 1348 г. закончился разгромом шведского войска. Как отметил Д. С. Лихачев, «Рукописание» можно было бы считать подделкой, если бы оно было создано в XIX в., но с точки зрения историка литературы — это произведение XV в., характерное для своего времени. Его автобиографическая форма используется с явно публицистической целью. Перечисляя военные походы шведов в новгородские земли, всякий раз заканчивавшиеся неудачей, автор называет имена их руководителей. Список открывает «местер Бельгер», рать которого «поби князь великий Александр Ярославич». Вполне понятно, что в таком контексте неизвестному автору «Рукописания» важно было назвать противника князя по имени. Откуда же он его узнал? По мнению И. П. Шаскольского, источником информации могли стать рассказы шведских купцов, живших в Новгороде. Поскольку самым крупным государственным деятелем

лем Швеции XIII в. был Биргер, вероятно, только его имя могло сохраниться через 150–200 лет в памяти населения. Так что вполне естественно, что шведы сообщили автору «Рукописания» именно это имя.

В исторической литературе имя Биргера как организатора похода на Неву появляется в конце XVIII века. В 1791 г. российская императрица Екатерина II работает над «Записками касательно Российской истории». Только что закончилась война со Швецией, в которой она одержала победу над Густавом III. Поэтому Екатерину особенно интересует, кого же конкретно победил Александр Невский в 1240 г. В «Памятных записках» ее секретаря А. В. Храповицкого за 31 октября 1791 г. читаем: «Два раза призван был для разговора о Российской истории. Довольны, что нашли в Степенной книге имя опекуна Короля Шведского Вальдемара I, с коим сражался Св. Александр Невский». Какое же имя нашла императрица в «Степенной книге»? В описании Невской битвы имени Биргера нет. Он упоминается лишь в помещенном в «Степенной книге» все том же «Рукописании Магнуша». И это дает Екатерине II основания для предположения о том, что «здесь именованный король, вероятно, не иной как разве Виргер или Биргер, отец Вальдемара I короля Свейского. Сей управлял Швецией во время малолетства Вальдемара».

То, что Екатерина II, не будучи профессиональным историком, только предположила, стало впоследствии для многих историков-профессионалов непреложным фактом. Как отметил И. П. Шаскольский, в русской историографии со времен Карамзина утвердилось мнение о том, что организатором и предводителем шведского похода на Неву был Биргер. Это мнение некритически восприняли многие российские авторы. Оно поддерживается и некоторыми шведскими и финскими учеными.

Еще в 1951 г. И. П. Шаскольский указал на то, что в 1240 г. Биргер не мог быть руководителем похода, поскольку ярлом он стал только в 1248 г., а в 1240 г. ярлом был его двоюродный брат Ульф Фаси. Этот вывод получил весьма оригинальную интерпретацию: в ряде появ-

вившихся в последующие годы исследований было сказано, что шведское войско находилось под руководством Ульфа Фаси и Биргера, но Александр Ярославич ранил все же Биргера, а не Фаси. Другие же авторы вообще никак не прореагировали на это наблюдение и продолжали писать о Биргере как единственном руководителе похода.

Таким образом, все историки, писавшие о Биргере как организаторе похода на Неву, в конечном итоге исходили из «Рукописания Магнуша», которое является вторичным и менее достоверным источником, по сравнению с Новгородской первой летописью и Житием Александра Невского. Анализ же источников о Невской битве не дает достаточных оснований для утверждений о том, что руководителем похода 1240 г. был Биргер Магнуссон. Так что с Биргером Александр Невский, скорее всего, не встречался, а вот его брат Андрей Ярославич, бежавший в Швецию от Неврюевой рати в 1252 г., вполне мог встречаться с ярлом, который в 1250—1266 гг. был правителем страны при своем малолетнем сыне Вальдемаре I. Возможно, именно о нем сказано в летописи: «Местер же свейский встретил и принял его (Андрея Ярославича. — Г. К.) с честью».

Летописный рассказ о Невской битве увековечил имена нескольких дружинников Александра Ярославича, отличившихся в сражении. Среди них был правнук легендарного Ратши Гаврила Олексич. Один из его потомков, стрелецкий голова Федор Аминов, воевал на стороне Лжедмитрия и в 1609 г. был взят в плен шведами в Ивангороде. После гибели самозванца он вместе со своими сыновьями перешел на шведскую службу и в 1618 г. получил дворянское достоинство. Его ближайшие потомки несли военную службу в званиях от корнета до генерала, участвуя во всех войнах, которые вела великодержавная Швеция.

В начале XIX в. представители финляндской ветви рода Аминовых стали подданными Российской империи и оставили свой след в русской истории. Так, например, барон Бьёрн Алексис Аминов внес большой вклад в развитие

российских гидрокоммуникаций. Он руководил гидрографической экспедицией на Ангаре, участвовал в строительстве Ладожского канала в 1880 г. и канала, соединившего Обь и Енисей.

Примерно каждые сто лет за четырехсотлетнюю историю этого рода в его судьбе происходили крутые повороты. Такими поворотными пунктами в истории рода Аминовых были Смутное время, Северная война, русско-шведская война 1808—1809 гг., революция в России. В судьбах представителей этого рода, как в капле воды, отразилась история не только Финляндии и Швеции, но и России. Род Аминовых был одной из нитей, связующих эти страны с такой разной, но все-таки в чем-то общей историей.

Литература:

Екатерина II. Сочинения. Т. X. Труды исторические. Записки касательно Российской истории. СПб., 1901; *Кирпичников А. Н.* Две великих битвы Александра Невского//Александр Невский и история России. Новгород, 1996; *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси//Александр Невский и история России. Новгород, 1996; *Пашуто В. Т.* Александр Невский (ЖЗЛ). М., 1975; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978; *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007; *Aminoff V. H.* Släkten Aminoff. Ekenäs, 1978.

Новгородский инцидент 1557 года

Древнерусская живопись играла в жизни средневекового общества очень важную роль. Воплощавшие духовные истины христианства иконы (или образы) были одними из самых почитаемых святынь на Руси. Сохранилось множество преданий о том, как иконы спасали людей и целые города, а также о том, какая кара ожидала тех, кто осквернял эти святыни. Случалось и так, что неуважительное отношение к ним осложняло отношения Московского государства с соседями. Один из таких случаев зафиксирован в дипломатических документах.

В 1557 г. через Новгород в Москву проезжало шведское посольство Стена Эрикссона, цель которого состояла в прекращении вооруженного конфликта между Московским государством и Швецией. В составе посольства был выдающийся финский просветитель и церковный реформатор, епископ Финляндии Микаэль Агрикола. Пребывание посольства в Новгороде было омрачено серьезным инцидентом, грозившим серьезно осложнить и без того непростые отношения между двумя государствами.

Послы должны были уехать из Новгорода 4 февраля, но из-за непогоды они перенесли отъезд на следующий день. Утром 5 февраля, когда все было готово к отъезду, к ним пришли приставы. Они изъяли из помещения, в котором жили посольские слуги, обгорелые иконы и унесли их наместнику. Наместник потребовал у посла

объяснений. Прежде всего, он хотел знать, произошло это по желанию или с ведома послов или нет.

Расследовав обстоятельства случившегося, посол сказал, что это случилось без его ведома и не по злому умыслу, а по неосторожности одного из слуг, находившегося в состоянии сильного опьянения. Они обещали примерно наказать его. Однако этим инцидент не был исчерпан. Приставы забрали у послов лошадей и сообщили, что поездка в Москву отменяется, что великий князь считает уничтожение икон большим злом, чем уничтожение его подданных, поэтому он нападет на Финляндию, чтобы отомстить. Они обвиняли шведов в том, что они и раньше во время военных действий уничтожали иконы.

Послы еще раз выразили сожаление в связи со случившимся и сообщили приставам, что виновный уже закован в кандалы и получит суровое тюремное наказание. Тем не менее новгородские власти не удовлетворились этим и потребовали предать его смертной казни за богохульство. Только в этом случае они могли согласиться отпустить посольство в Москву.

На это послы ответили, что виновный будет наказан по их божьим и человеческим законам, но о смертной казни не может быть и речи. Если русские хотят нарушить посольскую неприкосновенность, то им не остается ничего как лишь уповать на Бога. На это им было сказано, что поскольку послы не хотят соответствующим образом наказать слугу, то они покрывают его, следовательно, иконы были осквернены по их указанию.

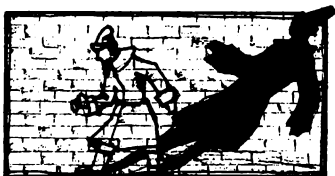
Члены посольства были задержаны в Новгороде и лишены продовольственного содержания. Их резиденцию окружили вооруженные люди, которые вели себя агрессивно. Шведам перестали давать еду и запретили выходить в город, чтобы купить еды. Три дня послы вели переговоры с наместником, они отказались предать виновника смерти, а предложили до их возвращения из Москвы содержать его под стражей в Новгороде, предоставив самому царю решить его участь. 8 февраля они получили разрешение продолжить свой путь в Москву.

Переговоры в Москве прошли успешно, шведские послы были вынуждены принять предложенные им русской стороной условия. Довольный их исходом, царь простил виновника инцидента, ожидавшего своей участи в Новгороде: «Царь и великий князь велел вам говорить: писали есте к нам наперед сего, что послов княж Штеньев человек образ жег свечею, и вы его вкинули в турму. И на отпуске посол князь Штень нам бил челом, что человек его по грехи в вину пришел в великую, со пьяна образ попортил, и нам бы его пожаловати, винному милость показати, того человека ему отдати. И мы князя Штенья тем человеком пожаловали и вы б князю Штенью того его человека отдали, как придет князь Штень в Новгород».

Шведская исследовательница Маргарета Аттиус Сольман в своем исследовании о восприятии русского православия на Западе отметила, что Европа красила Россию и русских в мрачные цвета, поскольку русская культура и обусловленные ею традиции и нравы существенно отличались от западноевропейских. В средние века русские считались в Швеции язычниками, их описывали как неверующих и безбожников, несмотря на то, что многие современные исследования констатировали их принадлежность к христианской вере. Новгородский инцидент 1557 г. также показал, что европейцы смотрели на Россию через призму своих культурных ценностей, а потому не воспринимали произведения древнерусской живописи как произведения искусства. Не случайно в документах посольства поврежденные иконы названы «расписанными досками».

Литература:

Ruotsalaisten kuvaus neuvotteluista 1557//Ruotsin ja Venäjän rauhanneuvottelut 1557. Helsinki, 2007; *Attius Sohlman M.* «Moscovitae fidem christianam sequuntur». Om synen på det medeltida ortodoxa Ryssland genom några samtida västeuropeiska resenärer. Umeå, 1994; *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988.

Перебежчик Афанасий Шемякин

Впервые в истории русской политической мысли идея о свободном выезде за границу была выражена в 1610 г. в неосуществленном конституционном проекте, автором которого был Михаил Салтыков. Подданные российского императора получили право на выезд только при Александре I. Поэтому можно считать, что до XIX в. такого явления, как эмиграция, в России не было. С образованием Русского централизованного государства боярское право на отъезд для службы другому государю было фактически ликвидировано, любая попытка выехать за российские границы считалась изменой, карой за которую была смерть. Тем не менее обстоятельства нередко заставляли русских людей не только «бродить розно» в пределах российских рубежей, но и бежать за границу, прежде всего к ближайшим соседям — в Литву, Польшу, Швецию.

Русская эмиграция в Швецию начинается в XVI в. Ее первая волна приходится на 70–80-е годы. Она была связана с разгулом опричного террора, одним из проявлений которого стала новгородская трагедия 1570 г. В это время в Швецию бегут Василий и Петр Росладины, Леонтий Нашокин, Неждан Красулин, Никон Ушаков, Федор и Иван Вороновы, Дмитрий и Андрей Калегины, Николай Дмитриевич Овцын, Иосиф Семенской, Афанасий Сабуров, Федор Лугменев (Лугвенев).

Новый этап эмиграции был связан с событиями Смутного времени и шведским военным присутствием в Новгородских землях. В 1609–1616 гг. на шведскую службу при различных обстоятельствах перешли Федор Аминов, Григорий и Василий Аполловы (Опалевы), Федор и Василий Бутурлины, Семен Боборыкин, Михаил Клементьев, Григорий Негановский, Ждан Максимов, торговые люди Томила Пристальцов и Иван Харламов. После Столбовского мира 1617 г., когда часть Новгородских земель отошла к Швеции, туда переселились помещики, владевшие имениями в этих землях, так называемые «ингерманландские бояре» Калитины, Клементьевы, Аполловы, Морат-Пересветовы.

По-разному сложились их судьбы в Швеции. Одни получили шведское дворянство, и их потомки до сих пор живут в Швеции. Роды других быстро угасли. Третьи не прижились в Швеции и искали удачи в других странах. Были и такие, кто возвращался. Некоторые обрели на чужбине трагический конец: по приговору суда был казнен Григорий Котошихин, собственными крестьянами был убит Николай Дмитриевич Овцын. Бесследно исчезли в тюремных застенках Афанасий Сабуров и Афанасий Шемякин.

Афанасий Васильевич Шемякин появился в Стокгольме в конце июня 1573 г. и был принят королем Юханом III. Он рассказал ему о том, что кровавый и немилосердный царь недавно жестоко расправился с частью своих подданных, после чего многие русские бояре бежали в Польшу и Литву, он же решил бежать в Швецию. Объявив о своем желании поступить на службу к Юхану III и принеся ему клятву, он рассказал ему о русских делах, в частности, о подготовке Крыма к большой войне против Русского государства. В это время шведский король обсуждал с государственным советом вопрос о продлении перемирия с Россией. Государственный совет склонялся к тому, чтобы продлить перемирие, король был за продолжение войны. Возможно, информация Шемякина о событиях на южных российских рубежах была учтена при принятии решения о возобновлении военных действий.

7 августа в обращении к войскам Юхан III отметил, что военная мощь русских ослабла из-за татарского вторже-

ния и бегства русских людей за границу от кровавого царя, погубившего много своих подданных. В качестве примера он назвал бежавшего в Швецию Афанасия Шемякина. Незадолго до этого король назначил Шемякину щедрое денежное и продовольственное содержание. Только вина из королевских погребов он получал столько, сколько не получал никто (более 5 литров рейнского вина ежедневно). За ним было закреплено 7 слуг и выделено 10 лошадей из королевских конюшен. Столько лошадей не было ни у кого из придворных.

В судьбе Шемякина самое непосредственное участие принимал переводчик Пэр Йонссон, часто посещавший Россию в составе шведских посольств при Эрике XIV и Юхане III. Возможно, во время одной из таких поездок они и познакомились, и не исключено, что именно Йонссон способствовал бегству Шемякина в Швецию.

Юхан III рассчитывал при содействии Шемякина получить не только Нарву, но и крепости в Ингерманландии. С его помощью он надеялся склонить на свою сторону русских воевод этих крепостей. 23 июля он обратился с открытым письмом к русским князьям, воеводам, наместникам, архиепископам, епископам, игуменам, монахам, дворянам, детям боярским, стрельцам, купцам и простому народу:

«Нам стало известно, что вы живете в большом бесчестье и рабстве под властью вашего господина Великого князя московского. Он называет себя христианским государем, но поступает с вами как нехристианин и подвергает мучениям вас, ваших жен и детей... Чтобы прекратить это, вы можете предаться нам, чтобы служить нам, и вы должны сделать это так, чтобы в наши руки перешли такие города, как Нотебург, Кексгольм со всей Карелией, а также Копорье, Ям и вся Ингерманландия, а также Ивангород со всеми владениями царя в Ливонии. А наместники и воеводы, под чьей властью находятся сейчас эти города, получают двойные владения и содержание до конца жизни по сравнению с тем, что они имеют сейчас от великого князя. К тому же они сохранят свои нынешние владения, которые со временем будут увеличены, если они будут верно служить нам.

Если же другие более отдаленные города, такие как Новгород и Псков... по собственной воле отрекутся от клятвы и службы, которые они принесли московскому Великому князю, и поклянутся верно и честно служить нам и если они захотят иметь нас своим господином, то все наместники этих городов сохраняют за собой эти города до тех пор, пока они живы. После же того, как они перейдут в наше владение, мы будем назначать в них русских наместников, рожденных в России.

Вы ведь знаете доверенного придворного великого князя Афанасия Васильевича Шемякина. Он прибыл сюда, в Швецию, чтобы служить нам, и мы оказали ему наши большие королевские милости, и мы не будем силой отвращать его от его религии, в которой он жил до сих пор. Также и вас, если вы захотите перейти на службу к нам, мы не будем силой обращать в другую веру... Так зачем же вам терпеть такую жестокость, нехристианскую тиранию и жалкую смерть? Не лучше ли уйти к нам, христианскому господину, от такой большой жестокости? Вы можете действительно без всяких обиняков не опасаться какого-либо коварства или лжи. И вы можете предаться нам, христианскому господину, вместе с вашими женами и детьми. Тех же, кто не подчинится нам добровольно, мы вместе с нашим войском покараем огнем и мечом самым ужасным образом».

Это письмо, хранящееся в Государственном архиве Швеции, написано на русском языке и скреплено королевской печатью. Очевидно, в его составлении участвовали Пэр Йонссон и Афанасий Шемякин. По приказу короля Афанасий от своего имени написал письма воеводам Нотебурга, Кексгольма, Нарвы и Витгенштейна с призывом перейти на сторону шведов. Шведское правительство использовало русских перебежчиков так же, как литовское, которое с помощью Т. Тетерина, М. Сарыхозина и А. Курбского пыталось призвать к неповиновению и склонить на свою сторону русских бояр и воевод.

Таким образом, Юхан III использовал Афанасия Шемякина не только как источник информации, но и как аргумент в пропаганде, направленной как на шведов, так и на русских. Он рассчитывал также, что письма перебеж-

чика, попав к Ивану Грозному, возбуждают его подозрения, следствием чего будет усиление репрессий, что в свою очередь будет способствовать переходу русских людей на его сторону.

В августе 1574 г. Шемякин со своими слугами переехал в Вестерос. В 1575 г. в его отношениях с Юханом III происходит перелом. Очевидно, король начинает подозревать Афанасия в том, что тот прибыл в Швецию по поручению царя, чтобы отравить его вместе с женой и детьми. Весной 1576 г. король в беседе с Йонссоном относительно Шемякина высказал мнение, что подобные слухи имеют под собой почву, и дал распоряжение усилить надзор за ним.

Подозрения против Шемякина, очевидно, не подтвердились, но и доказать свою невиновность он не мог. До конца 1577 г. он содержался в замке в Вестеросе. Режим его содержания не был особенно строгим: дверь в его помещении не запиралась, так что днем он мог выходить из замка; у него был слуга, который готовил ему пищу, он получал довольно приличное содержание. В 1578 г. он, очевидно, находится в Стокгольме, а в следующем году был переведен в Вадстену.

В ноябре 1580 г. Понтус Делагарди взял Корелу. В своем донесении королю он сообщил, что перешедшие на сторону шведов Иосиф Семенский и Афанасий Сабуров открыли ему, что боярин Афанасий Шемякин послан царем в Швецию для того, чтобы отравить короля. В марте 1581 г. Семенский и Сабуров прибыли в Стокгольм, чтобы лично подтвердить королю измену Шемякина. После беседы с ними Юхан III приказал ужесточить режим содержания Шемякина в Вадстене: лишить его свободы передвижения и перевести на хлеб и воду. Теперь в милости у него были Семенский и Сабуров. Весной 1585 г. они по поручению короля поехали в Кексгольм, чтобы привести население уезда к присяге Шведской короне.

Вскоре королю стало известно о тайных сношениях Сабурова с боярами в Ореховецком уезде. Он приказал Делагарди провести следствие над ним. С этого времени имя Афанасия Сабурова не встречается в списках на получение содержания. Известно, что в 1586 г. какой-то рус-

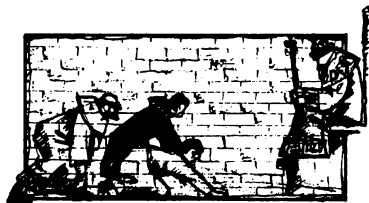
ский боярин по имени Афанасий находился в заключении в Кальмаре. Это мог быть как Сабуров, так и Шемякин. Иосиф Семенский упоминается в источниках как переводчик. После 1597 г. он вернулся в Россию.

В июне 1588 г. король пишет дворцовому коменданту в Стокгольм о том, что Шемякин в чем-то проштрафился, и предписывает допросить Шемякина под пыткой о причинах его появления в Швеции. Из письма неясно, в чем состояла вина Шемякина; возможно, он пытался бежать. За такую провинность в 1576 г. был казнен шотландский капитан Гильберт Бальфур. Письмо короля обрекало Шемякина на пытки и мучения. Подобно Ивану Грозному, Юхан находил удовольствие в изобретении мучительных казней для тех, кого он подозревал в заговоре против себя.

После 1588 г. имя Афанасия Шемякина больше не встречается в документах; возможно, вскоре после этого письма короля он был умерщвлен. Вполне вероятно, что он не был замешан в каких-либо кознях Ивана IV против Юхана III, и его бегство в Швецию не было спланированной царем акцией возмездия. Нельзя исключить и того, что царь сам распространил слухи о нем, чтобы расправиться с перебежчиком руками своего соперника — шведского короля.

Литература:

Арсеньев С. В. Русские дворянские роды в Швеции//Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. М., 1905; *Новицкий Г. А.* Новые данные о феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны//Вопросы истории. 1956/4; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Lind J.* De Ingermanlandske «Ryss-Bajorer»: Deres soziale och genealogiske baggrund//Gentes Finlandiae. Helsingfors, 1984; *Hjärne H.* Ett ryskt bref af Johan III//Historisk tidskrift. 3. 1883; Pontus de la Gardie bref till Kongl. Maj: t. 7 Nov. 1580//Handlingar rör. Skandinaviens historia XXXVI. Stockholm, 1855; *Oedesberg F.* Om den ryske ofverlöparen bojaren Afanasius Was. Sjemjakin (1573—1588)//Tidsbilder ur 1500-talets Svenska häfder. Stockholm, 1896.

Спор о «посольском обычае»

В 1556 г. сын шведского короля Густава I Васы Юхан получил большую часть Финляндии в наследственное владение на правах герцогства. Воспитанный в духе Ренессанса, он был знатоком европейской гуманистической литературы, живо интересовался искусством, проявлял особый интерес к архитектуре. В перестроенном им старинном наместничьем замке проводились пышные празднества, в которых принимали участие как местные аристократы, так и иностранные гости герцога. Новомодными увлечениями стали музыкальные представления, танцы, рыцарские турниры, катанье на коньках. После того как в 1562 г. он привез в замок молодую жену польскую принцессу Екатерину Ягеллонку с многочисленной свитой, жизнь его двора приобрела европейский блеск.

Исследователи давно обратили внимание на то, что создание Финляндского герцогства подрывало центральную власть и шло вразрез с мероприятиями Густава Васы, направленными на укрепление политического единства страны и создание прочного аппарата власти. По мнению многих финских и шведских историков, в основе этих мероприятий лежало стремление короля дать своему любимому сыну Юхану такие земельные владения, которые возвысили бы его над всеми крупнейшими дворянскими родами в стране.

Кроме чисто «семейной», указывается еще одна причина внутривосточного свойства — стремление короля улучшить управление в восточной части государства, наиболее удаленной от центра, защитить своих финских подданных от произвола фогтов (судей. — Г. К.) и дворян. Некоторые считают, что этим Густав Васа хотел выразить признательность финляндской аристократии за проявленную лояльность во время многочисленных внутривосточных кризисов второй четверти XVI в.

Отдаленность Финляндии от административного центра государства имела своим следствием многочисленные столкновения на восточной границе, зачастую перераставшие в вооруженные конфликты, урегулирование которых для шведской стороны осложнялось некоторыми особенностями русского «посольского обычая» — дипломатического этикета.

Русский дипломатический этикет, сложившийся в XVI в., был весьма сложным и заметно отличался как от восточного, так и западноевропейского. Соответственно «посольскому обряду» отнюдь не все монархи считались равными русскому царю. Шведских королев династии Васа в Москве долгое время считали «обдержателями» или наместниками, недостойными того, чтобы сноситься непосредственно с царем. Поэтому в дипломатической практике Русского государства XVI в. сохранялся дипломатический обычай вести переговоры со шведами через новгородских наместников. При этом шведских дипломатов даже самого высокого ранга встречали только в трех верстах от Новгорода. Этот обычай восходит ко времени включения Новгорода в состав Московского централизованного государства в качестве Новгородского государства. Стоявшие во главе его управления наместники сохраняли за собой внешнеполитические функции, унаследованные от Новгородской республики, — право непосредственных сношений с Ливонией и Швецией.

Однако в то время Швеция была не самостоятельным государством, а частью Кальмарского союза, и Иван III сохранил этот обычай в качестве «старинны». А Иван IV использовал его для идеологического обоснования своей

концепции международного права, согласно которой существует определенная иерархия государств. Вначале он называл Швецию «землями за Выборгом», отмечая, что даже пригороды Новгорода больше, чем Стокгольм. Поэтому он считал, что старая практика, при которой в договорных грамотах Швеция и Новгород фигурировали как равные величины, должна быть продолжена. Позже он нашел более тонкие доводы для того, чтобы доказать неполноценность Швеции: ее длительное подчинение Дании, отсутствие древней королевской династии, участие сословий в решении международных вопросов.

Шведские короли династии Васа пытались ликвидировать унижающий их дипломатический обычай и установить прямые дипломатические отношения с Москвой, минуя Новгород. Фактически речь шла о признании новой династии де-юре. Особенно важно это было для ее родоначальника Густава I. Но Иван IV не считал его равным себе государем. Не случайно русские летописи называют Густава Васу «избранным королем». Русский царь приравнивал положение Швеции в рамках расторгнутой унии с Данией к положению Новгорода в составе Русского государства и распорядился не допускать шведских послов лично к нему. Смысл этой политики выразил впоследствии Федор Иоаннович, заявивший: «То нам честь, что государи посылают посольства к нашим слугам».

Густава Васу раздражало и оскорбляло стремление царя поставить его на одну доску с новгородским наместником. Поэтому он прилагал все усилия к тому, чтобы заставить царя отказаться от такой дипломатической практики. Урегулированию этой проблемы должно было содействовать создание Финляндского герцогства в 1556 г., в разгар русско-шведской войны 1555–1557 гг. О замысле шведского короля можно судить по его письму царю, доставленному в Москву гонцом Кнудом Юханссоном в конце июля 1556 г. В нем Густав Васа писал: «Чтобы ныне оставить раздор, посадил я своего сына Юхана властителем в Финской земле. И наместнику Великого Новгорода ссылаться бы с ним о всяких земских делах». Одновременно сам Юхан обратился с письмом к новгородскому намест-

нику князю Михаилу Васильевичу Глинскому, в котором, называя его своим ближайшим соседом, объяснял, что причиной раздоров между Швецией и Россией были самовольные действия пограничных начальников, и, чтобы положить этому конец, король «отпустил его королевича управлять Финскою землей». Создавая промежуточную инстанцию, аналогичную новгородскому наместничеству, Густав I стремился к достижению равенства с Иваном IV. Он предложил, чтобы с новгородским наместником ссылался финляндский герцог, а сам он обращался бы непосредственно к царю, минуя новгородского наместника.

9 августа 1556 г. Кнут Юханссон был принят посольским дьяком Иваном Михайловичем Висковатым, который дал ему отрицательный ответ на просьбу об установлении прямых контактов между двумя монархами. Он разъяснил, что согласие царя на прием шведского посольства — это милость, вызванная униженными просьбами шведского короля, которого не должны оскорблять переговоры с новгородскими наместниками, назначаемыми из представителей родов более древних, чем род Васа. Царь готов прекратить кровопролитие, «если король свои гордостные мысли оставит. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками Новгородскими не ссылаться, то он бы к нам послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут. Если сам король не знает, то пусть купцов своих спросит: Новгородские пригороды — Псков, Устюг, чай, знают, сколько каждый из них больше Стекольны (Стокгольма. — *Г. К.*)». Иван IV отверг предложение Густава Васы, сославшись на то, что он не хочет нарушать обычай, идущий, по его словам, еще от новгородского князя Юрия, заключившего в 1323 г. Ореховецкий договор со шведским королем Магнусом Эрикссоном.

В начале декабря 1556 г. новгородский наместник князь Михаил Васильевич Глинский получил известие о том, что к Новгороду приближается шведское посольство во главе со смоландским наместником Стеном Эрикссоном. Среди членов посольства были также упсальский епископ Лаврентий, «мейстер Михаил Агрикола, бискуп

в Аbove» и ранее приезжавший в Россию «архимандрит» Кнут Юханссон.

Очевидно, финляндский епископ Микаэль Агрикола, известный как отец финской письменности и литературы, не случайно был включен в состав посольства. Летом 1555 г. он побывал в восточных приходах своей епархии, сильно пострадавших от военных действий. После поездки он составил записку на имя короля, в которой описал бедственное положение этих районов. Видимо, это обстоятельство и определило включение Агриколы в состав посольства. Известно, что Густав Васа охотно поручал финнам, лучше знавшим русских, вести с ними переговоры. Кроме того, по мнению некоторых финских историков, этому способствовало то, что Агрикола знал греческий и русский языки*.

21 февраля 1557 г. посольство прибыло в столицу; 24 февраля начались переговоры. С русской стороны в них участвовали окольный Алексей Федорович Адашев и посольский дьяк Иван Михайлович Висковатый. Одним из ключевых вопросов переговоров был вопрос о практике дипломатических отношений между Швецией и Россией. Шведская сторона настаивала на установлении прямых дипломатических отношений, минуя новгородского наместника. Члены посольства исходили из того, что Густав Васа уже 36 лет правит страной, являясь монархом суверенного государства, которое признано всеми европейскими державами. Поэтому для него унижительно вести переговоры через посредников. В ответ русские представители повторили аргументы, смысл которых

* Сохранилось предание, что помимо политических вопросов велись также прения по вопросам веры, которые так любил устраивать царь. Шведский архиепископ и русский патриарх беседовали о постах и поклонении иконам. Дискуссия велась на греческом языке. Содержание беседы царю переводил русский переводчик. Как только он начал переводить, Агрикола рассмеялся. Когда царь спросил его о причине, вызвавшей его смех, он ответил, что переводчик не знает языка и все придумывает от себя. На этом царь вынужден был прекратить диспут.

сводился к тому, что новгородские наместники по знатности рода превосходят шведского короля, который в прошлом торговал скотом и лишь случайно оказался на престоле. Они в категорической форме предложили послам довольно жесткие условия, согласно которым Густав Васа должен, не требуя заключения договора непосредственно с царем, присягнуть на верность новгородскому наместнику. В конечном итоге послы были вынуждены принять эти условия. 21 марта состоялась прощальная аудиенция, и 24 марта они выехали в Новгород, где 2 апреля, в соответствии с существовавшей в то время практикой дипломатических отношений между Россией и Швецией, был подписан мирный договор.

Вступивший на шведский престол в 1560 г. Эрик XIV также пытался ликвидировать этот унижительный обычай и просил царя изменить практику дипломатических отношений. В ответ на просьбу его послы получили послание следующего содержания: «Того себе в мыслях не держите, что Государю нашему прародительские старинные обычаи порушить, грамоты премирные переиначить. Густав король таким же гордостным обычаем, как и государь ваш теперь с молодости помыслил, захотел было того же, чтобы ему ссылатся с Государем нашим, и за эту гордость свою столько невинной крови людей своих пролил... А вашего разума рассудить не можем: с чего это вы такую высоту начали? Нам кажется, что или король у вас очень молод, или старые люди все извелись и советуется он с молодыми: по такому совету и такие слова». За это Эрик XIV отыгрался на новгородских послах, которых в Выборге «речами бесчестили и бранили, корму не давали и своих запасов взять не дали». А в Стокгольме им отвели помещение без печей и лавок и заставили пешком идти к королю, который довольно грубо обошелся с ними.

Вскоре отношения между Эриком XIV и Иваном IV улучшились. В 1564 г. между ними был заключен мирный договор и начались переговоры о союзе против Польши. Союзный договор был заключен в феврале 1567 г. Одним из его условий была выдача царю жены герцога Юхана Екатерины Ягеллонки, руки которой царь добивался в 1560 г. Эрик

согласился выдать Екатерину, при этом он просил русских послов в случае мятежа принять его в России. Договор также фактически ликвидировал старый дипломатический обычай, предусматривая дипломатическое равенство и равенство в ранге. Однако этот договор так и не был реализован, поскольку Эрик XIV вскоре был свергнут с престола в результате дворцового переворота, подготовленного его братьями Юханом, Карлом и Магнусом.

Став королем, Юхан III попытался избежать новой войны с Россией и закрепить между двумя государствами новую практику дипломатических отношений. Эта миссия была возложена на членов шведского посольства 1569 г., которое возглавил Паавали Юстен, сменивший Микаэля Агриколу на посту финляндского епископа. Его «Известие о посольстве в Россию» до сих пор остается вне поля зрения российских историков, занимающихся вопросами межгосударственных отношений XVI века.

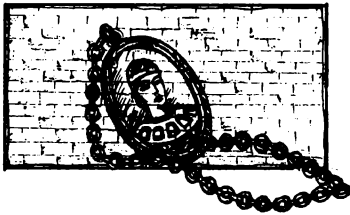
Посольство 1569 г. было не совсем обычным с точки зрения международного дипломатического права, поскольку его участники были интернированы и больше года провели в ссылке в Муроме. В качестве единственной причины такого обращения со шведскими послами называется, как правило, желание Ивана IV отомстить за оскорбления, которым подверглись члены посольства И. М. Воронцова 1567–1569 гг. в Стокгольме. Сочинение Юстена позволяет установить еще одну важную причину — нарушение шведской стороной норм русского дипломатического этикета, согласно которым все переговоры со Швецией велись в Новгороде, где печатью и крестным целованием скреплялись заключенные договоры. Как явствует из сочинения Юстена, шведские послы отказались вести переговоры с новгородским наместником, заявив, что в полученных ими инструкциях нет предписания вести с ним переговоры, поскольку они посланы непосредственно к царю. Юхан III решился на этот шаг, так как первым отступил от обычая Иван IV, когда в 1567 г. «вопреки обычаям прежних правителей соизволил целовать крест в Москве» и назвал Эрика XIV «братом», т. е. признал его равным себе государем.

Таким образом, шведское посольство 1569 г. было одной из попыток шведской дипломатии ликвидировать обычай, унижавший королевскую власть и подрывавший международный авторитет Швеции, и установить прямые дипломатические связи с Москвой, минуя Новгород. Иван IV, ревностно относившийся к соблюдению русского дипломатического этикета и упорно не желавший считать шведского короля равным себе государем, отреагировал на эту попытку интернированием посольства и пошел на дипломатический конфликт, осложнивший и без того напряженные отношения со Швецией. Кризис в отношениях с Россией принял личный характер. Переписка Ивана IV с Юханом III по своей озлобленности превосходит знаменитую переписку царя с Курбским.

Упорно отказываясь признавать шведских королей равными себе государями, Иван IV не мог, конечно, предположить, что через три десятилетия внук Густава Васы будет одним из кандидатов на московский престол и именно в Новгороде, согласно старой дипломатической практике, будет подписан договор о его призвании.

Литература:

Казакова Н. А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV—первой половине XVI в.//Россия на путях централизации. М., 1982; *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использование в ней некоторых геральдических символов времен Ливонской войны//Архив русской истории. Вып. 5.1994; *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988; *Denker R.* Der finl. Biskof Paul Justen und seine Mission in Russland//Rossica Externa. Marburg, 1963; *Hjälne H.* Svensk-ryska förhandlingar 1564–1572. Erik XIV: s ryska förbundsplaner//Skrifter utg. af Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. 1897; *Pohjolan-Prihonen H.* Suomen historia. VII. Porvoo, 1960; *Salomies J.* Suomen kirkon historia. II. Helsinki, 1949.

Жених Ксении Годуновой

В истории русско-шведских отношений после Ярослава Мудрого, породнившегося с королевскими домами Скандинавии*, династические браки не были распространенным явлением. Почти все брачные проекты, инициированные, как правило, русской стороной, не были реализованы, а некоторые из них заканчивались скандалами**. Шведский историк А. Фрюксель писал, что в царствование Эрика XIV царь Иван Грозный сватался за сестру короля принцессу Цецилию, но ни принцесса, ни ее коронованный брат не дали согласия.

По сообщению финляндского епископа Павла Юстена, в 1572 г. царские чиновники расспрашивали шведских послов «о сестре Королевского Величества, которая, говорят, была еще не замужем, о ее возрасте и внешности». Они просили также прислать ее портрет. По всей вероятности, речь шла о единственной незамужней в то время дочери Густава Васы принцессе Елизавете.

Четверть века спустя внук Густава Васы принц Густав стал одним из участников исторической драмы, в которой

* Дочь Ярослава Мудрого и Ингигерд — Елизавета (Эллисив) стала женой норвежского конунга Харальда Сурового, служившего в княжеской дружине; их сын Илья был женат на сестре датского короля Кнута Могучего — Эстред.

** В 1796 г. велись переговоры о браке Густава IV с дочерью Павла I великой княжной Александрой Павловной.

наряду с ним участвовали Борис Годунов и его дочь Ксения. Сын короля Эрика XIV и Карин Монсдоттер Густав Эрикссон, разлученный с родителями после свержения Эрика XIV с престола, жил в Польше и Италии, учился в иезуитской коллегии, в Виленской академии и Падуанском университете. Различные политические силы в Польше, Дании, Франции и других странах пытались использовать Густава в своих интересах. Однако он был неподходящей фигурой для интриг, ибо всякий раз отказывался участвовать в любых предприятиях, способных нанести ущерб Швеции.

Его судьбой заинтересовалось и русское правительство. В 1593 г. от имени царя Федора Ивановича к нему обратился Борис Годунов. Он напомнил Густаву о дружбе Эрика XIV с Иваном IV и предложил ему политическое убежище в России, обещая «великое жалование» и «многие города в вотчину». Он также обещал ему помощь и поддержку, если он захочет «доставить своего дедичного королевства Свейского». Густав был опасным соперником и Карла IX, и Сигизмунда III, поэтому Годунов мог использовать его как средство давления в переговорах как со шведами, так и с поляками. Кроме того, он мог поступить с ним так, как Иван Грозный поступил с датским принцем Магнусом, сделав его вассальным королем Ливонии и женив на своей племяннице.

Поэтому, став царем, Годунов повторил свое предложение. Трудно сказать, почему Густав принял его. Быть может, он устал от интриг европейских политиков и надеялся на то, что в России его оставят в покое*. В 1599 г. после 22-летней разлуки он встретился в Ревеле с приехавшей из Финляндии Карин Монсдоттер и летом того же года пересек русскую границу. В Москве его ждали пышный прием и богатые подарки: серебряная посуда, дорогие ткани, золотые украшения, меха, лошади с полной сбруей, деньги и Калужский удел.

* Петрей пишет, что он поехал в Россию по наущению иезуитов, намеревавшихся подчинить Россию Папе и польским дворянам.

О его пребывании в России рассказали в своих записках о Московии голландский купец Исаак Масса, шведский дипломат Петр Петрей и французский наемник Жак Маржерет, жившие в начале XVII в. в России. И. Масса пишет, что «царь Борис не желал лучшего, рассчитывая поймать важную птицу и надеясь, что он будет служить ему и женится на его дочери». Они могли бы стать хорошей парой. По свидетельству современников, Ксения Годунова была не только красива («красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черные великы... власы имея черны, великы, аки трубы, по плечам лежаху»), но и умна, образованна («во истину во всех делах чредима... писанию книжному навычна») и музыкальна («гласы воспеваемые любяше»). Под статью ей был и Густав — европейски образованный, владевший несколькими языками, в том числе и русским. Но мы даже не знаем, встречались ли они. Царские дочери на Руси вели замкнутый образ жизни, исключавший общение с посторонними мужчинами. К тому же Борис вскоре, очевидно, изменил свои планы в отношении принца-скитальца.

Это произошло, во-первых, потому, что Густав не согласился возглавить войско, которое был готов предоставить ему Б. Годунов, и напасть на «неверных ему шведов». Он сказал, что предпочтет сам погибнуть, чем подвергнуть свою родину опустошению и лишит жизни тысячи людей. Во-вторых, он не соглашался перейти в православие. И, в-третьих, он попал под влияние своей любовницы Катерины Катер, которая приехала к нему из Данцига. По свидетельству И. Массы, «эта женщина научила его всему дурному и сделала таким надменным, что он всем перечил и часто бил своих дворян и слуг, также и москвитов, и велел эту женщину возить в колыхаге, запряженной четверкой лошадей, как ездят царицы. Царь Борис, все слышавший и видевший, приметя, что он за человек, почел неприличным отдать за него свою дочь Ксению».

Так расстроились брачные планы Годунова. По всей вероятности, его больше огорчили не внешнеполитические, а династические последствия несостоявшегося брака. Не случайно уже в 1601 г. он попытался привлечь

к осуществлению своих династических планов сына датского короля Фредерика II принца Ханса.

Впавший в немилость Густав требовал отпустить его из России. Годунов не согласился на это, но не подверг принца репрессиям. Он выслал его в Углич и приказал содержать по-княжески. В 1605 г. польские послы напомнили Лжедмитрию о Густаве и потребовали, чтобы он не содержал его как королевского сына, а посадил бы в заключение, потому что Густав в своих притязаниях на шведский престол может быть соперником Сигизмунда. На это Лжедмитрий ответил, что намерен его «имети в бережении не как князя либо королевича шведского, но как человека в таких делах смышленного». Положение Густава не изменилось, за исключением того, что из Углича его перевели в Кашин, где он и умер в 1607 г. По свидетельству Петра Петрея, его могилу посетил воевавший в этих местах Якоб Деллагарди.

Судьба его несостоявшейся невесты Ксении Годуновой была более трагичной. Она пережила смерть еще одного жениха — датского герцога Иоганна, приехавшего в Москву в 1602 г., смерть отца, расправу над матерью и братом, несколько месяцев жизни с Лжедмитрием, пострижение в монахини, осаду Троице-Сергиева монастыря и насилие казаков Ивана Заруцкого. В 1622 г. Ксения скончалась в Суздальско-Покровском монастыре.

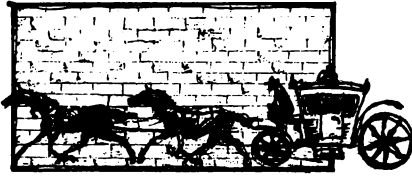
Характерно, что русские источники не упоминают о брачных планах Бориса Годунова в отношении шведского королевича. По мнению Б. Н. Флори, «Борис предназначал свою дочь для брака с владетельными особами значительно более высокого ранга, чем беглый королевич незаконного происхождения». О планах Годунова в отношении Ксении судить довольно трудно, к тому же они могли меняться, как могло измениться и положение «беглого королевича», не утратившего прав на шведский престол. Его происхождение, оспариваемое иногда в политических целях, было вполне законным. Поэтому нет оснований отвергать сообщения иностранных источников о намерении Годунова выдать свою дочь за Густава. Как, впрочем, нет оснований и возводить их в абсолют.

К тому же Годунов, по всей вероятности, руководствовался не только политическими интересами, но и заботой о судьбе любимой дочери.

Такой линии следует Елена Вельтман, написавшая роман «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой» (1867). Несмотря на название, тема брака Ксении и Густава является в романе второстепенной по сравнению с изображением эпохи, добросовестное изучение которой по русским и иностранным источникам позволило автору создать достоверное романтическое повествование о судьбах двух трагических фигур русской и шведской истории.

Литература:

Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII веке//ЧОИДР. 1867. № 4; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском...//О начале войн и смут в Московии. М., 1997; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. XI. М., 1989. С. 20–23; *Biaudet H.* Gustaf Eriksson Vasa (Une enigme historique du XVI siecle). Geneve, 1913; *Вельтман Е.* Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой. М., 1992.

Первый шведский кремленолог и норманист

Русская Смута начала XVII в. вызвала пристальный интерес в Европе и породила обширную литературу о России. Ее создателями были профессиональные военные, дипломаты, священнослужители, ученые и купцы из Германии (К. Буссов, М. Шаум), Франции (Ж. Маржерет, П. Делаویل), Англии (Г. Бреретон), Польши (С. Жолкевский, Н. Мархоцкий, С. Маскевич), Голландии (И. Масса, Э. Геркман), Швеции (П. Петрей, М. Ашаней, Ю. Видекинд).

В начале XVII в. в Московское государство для сбора политической информации несколько раз приезжал шведский дипломат Петр Петрей. В общей сложности он прожил здесь около четырех лет, за это время он установил тесные контакты с представителями разных слоев русского общества и, по всей вероятности, в какой-то степени овладел русским языком. Петрей стал очевидцем и «репортером» русской Смуты, которую описал в своих сочинениях «Реляция о России начала XVII в.» и «История о Великом княжестве Московском». Известный специалист по истории русско-шведских отношений XVI—XVII вв. Кари Таркиайнен назвал его «первым шведским кремленологом».

Петр Петрей, известный также как Пер Перссон или Педер Педерссон, родился около 1570 г. в Упсале в семье ректора соборной школы. Он изучал естественные и гуманитарные науки в высшей школе Юхана III и Марбург-

ском университете. Сразу после окончания университета он угодил в тюрьму за долги и был лишен отцом наследства. Несмотря на подмоченную репутацию, в конце 1593 г. он был принят в канцелярию герцога Карла и в 1600 г. поехал в Польшу в качестве личного посланника герцога. В 1601 г. он оказался в России, где находился до конца 1605 г. Как он попал туда — неизвестно, К. Таркийнен предполагает, что Петрей мог поступить на службу к Борису Годунову.

Петрей попал в Россию в разгар Смуты. Находясь в непосредственной близости от царя, он стал свидетелем массового голода 1601–1603 гг. и вызванного им кризиса власти, а также появления и триумфального вступления Лжедмитрия в Москву, и его восшествия на престол.

Находясь в России, Петрей, по его собственным словам, «тщательно наблюдал и описывал их (русских. — Г. К.) веру и богослужебные обряды, правление, государственное устройство, также все их нравы, обычаи, занятия, ремесла и торговлю, военные способы, равно изобилие страны в хлебе, скоте, диких зверях, птицах и рыбах, прекрасные текущие по ней реки, ручьи и ключи, веселые леса и рощи с растущими в них разными деревьями, душистыми лугами и полями, населенные города и местечки, сильные крепости и укрепления, недавно миновавшие войны».

Вернувшись в Швецию, Петрей вновь поступил на службу к герцогу Карлу, ставшему к тому времени королем Карлом IX. По его поручению он пишет свое сочинение «Реляция о России начала XVII века», адресованное «всем верноподданным шведской короны». В нем он освещает события в России, начиная с правления Бориса Годунова, до воцарения Василия Шуйского. Приводя доказательства того, что Гришка Отрепьев не мог быть «природным» сыном царя, он вносит свою лепту в международный спор о личности Лжедмитрия I. При этом он разоблачает козни Сигизмунда против России и Швеции. Эта небольшая книга Петрея, изданная в 1608 г., подготовила почву для шведского вооруженного вмешательства в русские дела.

В 1615 г. в Швеции, а в 1622 г. на немецком языке в Лейпциге вышло основанное не только на личных впечатлениях, но и на русских и иностранных источниках главное сочинение Петрея «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах», которое стало первым историко-политическим сочинением о Московии на шведском языке. Оно насчитывает более 500 страниц и состоит из шести книг, в которых рассказывается о географическом положении Московского государства, его истории от Рюрика до Михаила Федоровича, царском дворе, военном деле, обычаях, повседневной жизни, праздниках и религии русского народа.

Важное место в «Истории» занимает Великий Новгород, к которому шведы традиционно проявляли особый интерес. Петрей описал его былое величие и современное состояние, особо отметив, что в старину Новгород был «особым государством, имел своих князей и правителей. Он подробно освещает действия шведских войск под командованием Якоба Делагарди в Новгородской земле, переговоры шведов с новгородскими властями о приглашении на русский престол шведского принца Карла Филиппа. Стремясь обосновать его права на московский престол, Петрей сообщил о варяжском происхождении Рюрика.

По мнению финляндского исследователя Арто Латвангаса, «норманистское толкование Петрея было еще довольно робким и не стало отчетливым „измом“». Тем не менее российский историк В. В. Фомин недавно назвал его родоначальником норманской теории. Следует отметить, что в конечном итоге в своих «норманистских» построениях Петрей исходил из тезиса о варяжских корнях династии Рюриковичей, впервые сформулированного новгородцами в приговоре посольству архимандрита Никандра, отправленного в Стокгольм в декабре 1611 г.

В качестве эксперта по русским делам Петрей пользовался особым доверием короля, летом 1607 г. он был послан к занявшему московский престол Василию Шуйскому с предложением заключить союз против Польши.

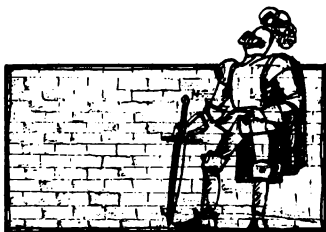
В апреле 1608 г. он вернулся в Стокгольм с отрицательным ответом. Вскоре король отправил его с новым посланием к царю, но на этот раз граница была закрыта, и Петрей не смог проехать дальше Нарвы.

В 1609 г. он в сопровождении переводчика Карла Хенрикссона вновь едет в Россию, на этот раз со шведским вспомогательным корпусом Делгарди, с которым весной 1610 г. он добрался до Москвы. В 1611–1614 гг. он курсирует между Ивангородом, Нарвой, Новгородом и Стокгольмом. Весной 1611 г. Карл IX направил его в Ивангород для сбора сведений об объявившемся там Лжедмитрии, обратившемся за помощью к шведскому королю. Однако самозванец уклонился от встречи с посланцем короля, так как тот видел его предшественника и мог разоблачить авантюриста. В 1612 г. Петрей едет из Новгорода в Стокгольм, где встречается с королем Густавом II Адольфом и канцлером Акселем Оксеншерной и информирует их о событиях в России.

В 1614 г. Петрей возвращается в Швецию и в 1615–1618 гг. выполняет ответственные дипломатические поручения в Любеке, Гамбурге, Данциге, Нидерландах и Англии. Осенью 1622 г. он скончался в Стокгольме от чумы.

Литература:

Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. // Смута в Московском государстве. М., 1989; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997; *Лимонов Ю. А.* «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея // Скандинавский сборник. XII. Таллин, 1967; *Лимонов Ю. А.* Сочинение шведского историографа начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения. 2. СПб., 1999; *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. М., 2005; *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland // Lychnos. 1973; *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus – Sveriges första kremlölog // Stora öredans Ryssland. Petrus Petrejus ögonvittnesskuldring från 1608. Oskarhamn, 1997.

Второе призвание варягов

Шведское военное присутствие в России в начале XVII в. — уникальное явление в истории допетровской Руси. Почти восемь лет иностранные войска находились на ее территории, принимая активное участие во внутривосточной борьбе. Нарушив традиционную замкнутость русского общества, они принесли сюда свой жизненный уклад, свои обычаи, свой язык. Народная память запечатлела шведское военное присутствие как «немецкое разорение», и еще долго новгородцы вспоминали о том, как «свейские немцы через (несмотря на. — Г. К.) мирный договор взяли Великий Новгород и новгородские пригороды... а православные христиане всяких чинов люди (были) побиты и посечены, и позжены, и жены и дети осквернены и за море в немецкие земли вывезены». В советской историографии действия шведских войск в России оценивались как интервенция. В течение длительного времени бытовал также лишенный смысла термин «польско-шведская интервенция». Современная российская историография отказалась от этого термина, но не нашла ему замены.

Характер шведского военного присутствия в России менялся в зависимости от внутривосточной ситуации. Шведы пришли в Россию как союзники в соответствии с условиями Выборгского договора 1609 г. для оказания помощи правительству Василия Шуйского. Войсками командовал внук Юхана III Якоб Делагарди, прошедший

школу военного искусства в войне с Польшей и в армии Морица Оранского в Голландии.

В конце марта 1609 г. с войском в 10–12 тысяч человек, в составе которого были шведы, финны, англичане, шотландцы, немцы, французы, он подошел к Новгороду. Здесь он встретился с племянником царя молодым и талантливым военачальником Михаилом Скопиным-Шуйским. В мае начался их совместный поход к Москве, в ходе которого были освобождены Старая Русса, Торопец, Торжок, Порхов, Осташков. Состоявшая из профессионалов армия Делагарди обладала высокими боевыми качествами, но ее моральные качества были невысоки. Ее пребывание в России было ознаменовано не только победами и поражениями, но и неповиновением, и массовым дезертирством, и переходами на сторону противника. Делагарди было нелегко поддерживать порядок и дисциплину в разноплеменном войске наемников, которые воевали до тех пор, пока им исправно платили, и нередко компенсировали задержки жалования грабежами и поборами.

В то же время следует отметить, что профессиональный опыт наемников был использован в попытке проведения военной реформы — введения нидерландской военной системы в России. Рассчитывая более эффективно использовать русских ополченцев, которые, по словам шведского историка XVII в. В. Ю. Видекинда, «более годились для того, чтобы ходить за плугом, а не носить пику», Делагарди выступил с инициативой реформирования русской армии. Он говорил Скопину, что «надобно их войско обучить прежде, нежели оно что-либо предпринять сможет». Скопин-Шуйский принял предложение Делагарди и попытался внедрить в русском войске сильные стороны голландской военной системы. Важную роль в освоении русскими ратными людьми военного опыта Нидерландов сыграл ветеран войны в Испании Кристер Зомме (Христиерн Сомме). Он обучал русских ратников военному искусству по нидерландскому образцу: соблюдать боевой порядок на марше и в строю, боевым порядком, правильному обращению с копьями, мечами и дротика-

ми, строительству и штурму полевых укреплений. Скопин высоко оценил работу Сомме, отметив, что «без Христиерна ему едва ли удалось бы удержать в повиновении множество необученных людей, ежедневно стекавшихся к нему из Ярославля, Костромы и Поморья».

В начале 1610 г. к Делагарди присоединился посланный из Швеции отряд в 1200 человек под командованием Хенрика Вильдемана, после чего он нанес поражение Сапеге под Дмитровым и двинулся на Москву. 12 марта он вместе со Скопиным-Шуйским торжественно вошел в столицу. Однако польская угроза не была устранена: от западной границы к Москве шло войско гетмана Жолкевского, и правительство Василия Шуйского вступило в переговоры с Делагарди о продолжении борьбы с поляками. Договорившись о выплате жалования наемникам, Делагарди выступил из столицы на соединение с армией Дмитрия Шуйского, стоявшего под Можайском. Здесь к ним присоединился Эверт Горн, под командованием которого было около 3000 наемников, прибывших в Выборг из Швеции. Потерпев поражение под Клушиным, Делагарди с небольшим отрядом ушел в Выборг, где комплектовал войско и откуда руководил военными операциями по взятию Ладоги и Корелы, перешедших на сторону Тушинского вора.

Летом 1611 г. Делагарди подошел к Новгороду, встал лагерем у Хутынского монастыря и вступил в переговоры с представителем Первого ополчения Василием Бутурлиным. После того как переговоры зашли в тупик, он взял Новгород штурмом и заставил новгородские власти подписать с ним договор. С этого времени он фактически возглавил управление Новгородом и Новгородскими землями, где установился оккупационный режим, который, по мнению современного исследователя А. Селина, был основан на компромиссе между шведами и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии. Возглавивший шведскую военную администрацию Делагарди, понимая, что удержать территорию гораздо труднее, чем завоевать ее, стремился расположить к себе местное население. Неизвестно, читал ли он «Государя» Н. Маки-

авелли, который рекомендовал завоевателю «сохранить прежние законы и подати», но его поступки вполне соответствовали рекомендациям итальянского мыслителя. Он поселился в Новгороде, выучил русский язык и осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, опираясь на русскую администрацию. Фискальная практика шведской администрации опиралась на русские традиции.

В условиях распада государства и гражданской войны Новгород нашел в себе силы для самоорганизации и начал восстанавливать, казалось бы, давно забытые республиканские порядки. Говоря о реставрации республиканских порядков, исследователи, прежде всего, обращают внимание на институт пятиконецких старост. Их деятельность в это время заметно активизируется. В 1614 г. в ответ на требования Густава Адольфа принести присягу Шведской короне по предложению воеводы они провели в Новгороде своего рода референдум. Старосты прошли по улицам и задали жителям один вопрос: хотят ли они целовать крест Густаву Адольфу или хотят сохранить верность Карлу Филиппу. Естественно, что на сформулированный таким образом вопрос новгородцы ответили, что они хотят остаться верными прежней присяге. После этого Исидор и Одоевский просили короля не принуждать новгородцев к присяге, поскольку они «по своему крестному целованью» держатся Карла Филиппа и хотят ему верно служить. Важным моментом в истории Новгорода периода Смуты было также возрождение вечевых традиций в форме вечевых собраний. Так в одном из шведских источников говорится о присутствии Делгарди на тинге в Новгороде.

От имени новгородских сословий был заключен договор 1611 года. Тогда «утвержденную запись» дали «Исидор митрополит и архимариты (так в документе. — Г. К.), и игумены, и дети боярские, и гости, и пятиконецкие старосты, и всякие торговые и жилецкие люди». Декабрьский приговор о посольстве в Швецию также был составлен при участии дворян, дьяков, детей боярских, голов казачьих и стрелецких, пятиконецких старост и посадских людей,

приложивших к нему свои руки. Можно предположить, что все они принимали участие в обсуждении приговора. В дальнейшем многие важнейшие вопросы решались с участием дьяков, дворян, гостей, пятиконецких старост и всяких чинов людей.

Несмотря на всю сложность ситуации, Новгород в Смуту в известном смысле был островком относительной стабильности, основным фактором и в то же время признаком которой была четкая работа административного аппарата и его служб — приказной избы, таможни, судной избы, монетного двора, кабаков, общественной бани. Была даже ферма по разведению лебедей. Шведская исследовательница Хагар Сьундберг считает, что «эффективная гражданская администрация действовала до конца оккупации. Сделки и купчие составлялись профессиональными городскими подьячими, приходо-расходные книги велись в различных учреждениях, и толковые дьяки продолжали работать в приказах».

Отношения новгородцев со шведами складывались не просто. Сохранились многочисленные челобитные, в которых горожане жаловались на плохое обращение шведских солдат, крестьяне — на высокие налоги и конфискации; требовали компенсацию за поврежденную или утраченную собственность. Были конфликты со шведами и на бытовой почве, хотя источники фиксируют их крайне редко. Известно, например, что в кабаке на Рогатице шведские солдаты разбили кувшин о голову целовальника. А вот конфликты на религиозной почве не зафиксированы вообще.

Известно, что в годы оккупации многие представители новгородской элиты служили шведским властям или сотрудничали с ними. Как отметил современный шведский исследователь Александр Пересветов-Мурат, «решение служить шведам могло быть вызвано несколькими мотивами: принуждение, оппортунизм и самая простая алчность, но также и убеждение... Вопрос этот очень сложный ввиду того, что в дискуссии слишком легко исходить из поздних постромантических концепций о родине и национальности и из представлений о старой Руси как об исконно

однородном государстве с закономерной “конечной станцией” — Москвой. К этому надо добавить трудность четко различать службу Новгородскому государству при шведском режиме и службу шведскому королю. Шведские военачальники уговаривали влиятельных новгородцев перейти невидимую грань между той и другой». Отметим, что таких были считанные единицы (Федор Аминов, Никита Калитин, Михаил Клементьев, Мурат Пересветов).

Служивших шведам или сотрудничавших с ними новгородцев часто характеризуют как предателей или, в лучшем случае, «шведскую партию». Между тем это была скорее партия порядка или партия власти. До тех пор, пока шведские власти в Новгороде не перешли к политике присоединения Новгородских земель к Шведской короне, их интересы совпадали. Поэтому на этом этапе сотрудничество со шведами вряд ли можно поставить им в вину. За исключением нескольких человек, перешедших на шведскую службу, никто из них не присягнул шведской короне.

В июне 1611 г. Совет ополчения принял решение о возможности избрания одного из сыновей Карла IX русским царем: «все чины Московского государства признали старшего сына короля Карла IX... достойным избрания великим князем и государем московитских земель». После смерти Карла IX речь могла идти о младшем брате Густава II Адольфа Карле Филиппе. По мнению шведского историка Бенгта Янгфельдта, осуществление этого решения «изменило бы не только карту, но и историю Европы». Делагарди принял активное участие в его реализации. Он хотел добиться избрания на российский престол шведского принца Карла Филиппа и стать создателем новой правящей династии в России*. В этом плане его интересы совпадали с интересами тех новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести не только твердую

* Это был не первый опыт его участия в большой политике. Во время своего пребывания в Голландии в 1606–1608 гг. он пытался содействовать заключению брака между принцем Морицем Оранским и шведской принцессой Анной.

власть, но и гарантию от территориальных притязаний со стороны Густава II Адольфа.

Поддержав кандидатуру Карла Филиппа, Новгород стал альтернативой Москве, призвавшей на российский престол королевича Владислава. Свой выбор новгородцы объясняли этническим родством их кандидата с пресекшейся династией. В этой связи Г. А. Замятин заметил, что «в вопросе о происхождении первых русских князей новгородцы были, выражаясь языком XIX в., норманистами».

В этом есть прямая аналогия с ситуацией середины X в., описанной И. Н. Данилевским: «Необходимость призвания иноплеменника в качестве главы государства — насущная необходимость, возникающая, прежде всего, в условиях межплеменного общения, доросшего до осознания общих интересов. При решении сложных вопросов, затрагивающих интересы всего сообщества в целом, вечевого порядок был чреват серьезными межплеменными конфликтами. Многие зависело от того, представитель какого племени станет руководить народным собранием. В такой ситуации предпочтительнее было обратиться за помощью к иноплеменникам. Приглашенные правители играли роль третейского судьи, который в силу своей нейтральности мог сгладить противоречия и быть полезен для поддержания единства».

Однако династические планы Делагарди противоречили территориальным планам Густава II Адольфа и не встретили одобрения в Стокгольме. Молодой король решил взять бразды правления в оккупированных Новгородских землях в свои руки, поэтому он медлил с решением этого вопроса и задерживал отъезд Карла Филиппа на переговоры. Когда он, наконец, отпустил его на переговоры с новгородцами в Выборг, время было упущено. Делагарди на эти переговоры не поехал, так как уже не верил в их успех. Он склонялся к миру с Россией и советовал королю начать переговоры с Москвой. Не случайно по приезде в Москву в 1615 г. новгородский архимандрит Киприан говорил, что к миру «снисходительнее всех Яков Пунтусов» (Делагарди. — Г. К.). Делагарди не проявлял особо-

го усердия в том, чтобы привести новгородцев к присяге шведскому королю, на чем последний настаивал. Вопреки воле короля он не вывез из Новгорода бронзовые врата Софийского собора, которые, как полагал Густав Адольф, когда-то были взяты новгородцами в Сигтуне.

Хорошо знавший ситуацию в России, Делагарди принял участие в русско-шведских переговорах 1616–1617 гг. и поставил свою подпись под Столбовским договором, по условиям которого его войска оставили Новгород в марте 1617 г. Среди трофеев, вывезенных им из России, был так называемый Новгородский оккупационный архив — материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации. Сегодня он хранится в Государственном архиве Швеции и содержит более 30000 листов, являясь крупнейшим собранием документов по русской дореволюционной истории в зарубежных архивах.

Литература:

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000; *Almquist Н.* Sverige och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907; *Sveriges krig. 1611–1632. Bd. I.* Stockholm, 1936; *Zeeh E.* Jacob de la Gardies Anabasis i Ryssland//Landstormsmannen. № 23. 1940; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008; *Коваленко Г. М.* Договор между Новгородом и Швецией 1611 г.//Вопросы истории. 1988/11; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005; *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008; *Селин А. А.* Новгородские судьбы Смутного времени. Великий Новгород, 2009.

Псковский «анабасис» Густава Адольфа

Героическая оборона Пскова в 1615 г. осталась в истории России как один из ярких подвигов русского народа в борьбе с иностранными интервентами. Она сыграла важную роль в прекращении военных действий и ослабила позиции Швеции в переговорах, закончившихся подписанием Столбовского договора.

Подчеркивая значение героической обороны Пскова, автор первой специальной статьи о ней П. Орлов отмечал, что в 1615 г. потерпела поражение одна из лучших европейских армий. Он, в частности, писал: «Внутри Швеции было все спокойно, никто ей не угрожал, армия ее считалась одной из лучших в Европе, во главе ее стоял великий полководец — сам король... Он имел в своем распоряжении блестящую хорошо обученную и вооруженную армию, с прекрасным корпусом офицеров, опытными инженерами и артиллеристами».

Однако с таким суждением вряд ли можно согласиться. В 1615 г. Густав Адольф еще не был «великим полководцем мира», а шведской армии еще только предстояло стать одной из лучших армий Европы. Кроме того, как международное, так и внутреннее положение Швеции не было столь благополучно, как это представлялось автору статьи, т. е. поход шведов на Псков проходил в неблагоприятной для них обстановке.

Густав Адольф стал королем в 17 лет и по шведским законам еще шесть лет считался несовершеннолетним.

Над юным королем довели не только Государственный совет и канцлер, но и собственная мать, не позволявшая ему жениться на Эббе Брахе, дочери одного из высших государственных сановников. Он должен был доказать им, что он король. Известно, что быстрее и проще всего сделать это можно на полях сражений. Поэтому, добившись согласия риксадага на продолжение войны в России, Густав Адольф отправился в ее пределы.

С третьей попытки ему удалось взять Гдов, после чего он вернулся в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году осадой Пскова.

Российские историки традиционно считают, что цель псковской акции короля состояла в том, чтобы «вслед за Новгородом подчинить своей власти и Псков... оба города король страстно желал присоединить к Швеции». При этом в качестве аргумента, как правило, приводится письмо Густава Адольфа Делагарди, в котором он, в частности, писал: «Представляется весьма полезным напасть на Псков и попытаться там счастья по той причине, что Псков является большим торговым городом, откуда потом Швеция и ее жители могут вести большую торговлю, если он перейдет в наши руки».

Следует иметь в виду, что это письмо было написано в 1613 г., а с тех пор ситуация в России сильно изменилась. Вряд ли в середине 1615 г. шведский король, потерпев фиаско в Выборге и в Новгороде, мог надеяться на то, что жители Пскова признают его своим королем. К этому времени он решил начать переговоры о мире и, чтобы заставить русских пойти на уступки, решил предпринять военную акцию против Пскова. Он писал английскому посреднику Джону Меррику: «Мы в этом году осаждали Псков. Мы этим хотели побудить нашего русского врага поспешить с переговорами о мире... Мы надеялись таким именно образом ускорить дело». В случае успеха операции Псков подобно Новгороду должен был стать козырной картой, которую он мог бы разыграть в переговорах с Москвой.

30 июля 1615 г. шведы подошли к Пскову и расположились в Снетогорском монастыре. В тот же день псковичи

чи дали им бой под стенами города. Псковская летопись рассказывает о гибели в этом бою Эверта Горна: «Чудо бысть преславно. Милостью Святой Троицы и Пречистой Богородицы и святых чудотворцев псковских невидимою силой убиен бысть злой варвар храбрый их воевода Евергорн яко же древний Голиаф». Разнесся слух, что ранен сам король. Первая неудача заставила короля усомниться в успехе военной акции против Пскова. Он «восхоте идти от града восвояси и срама ради тогда не иде», тем не менее перенес свой лагерь в Завеличье: «как короля псковичи побили, и он ото Пскова поотшел и стал ныне за семь верст».

Начиная военную акцию против Пскова, Густав Адольф рассчитывал не только на силу своей армии, но и на слабость оборонного потенциала города: нехватку войск, продовольствия и боеприпасов, а также на то, что боевой дух его защитников ослаблен внутренней борьбой и противоречиями между различными социальными группировками. Но эти расчеты короля не оправдались. Уже первые бои под стенами Пскова показали, что шведы встретились не с растерявшимися и дезорганизованными людьми, а с организованным сопротивлением. Вскоре шведы стали испытывать нехватку боеприпасов и продовольствия. Давали знать себя также техническая неподготовленность к осаде и недостаток командных и инженерных кадров. Дожди и рано наступившие холода стали причиной тяжелых болезней, следствием чего стало падение боевого духа и дезертирство.

Голландский посол, побывавший в шведском лагере под Псковом в середине октября, сообщал, что «осадное войско короля было весьма обессилено смертностью и болезнями, так что здоровых осталось немного более третьей части того войска, которое было собрано при начале осады». 10 октября шведы предприняли решительную попытку овладеть городом. При этом опрокинулась пушка, стрелявшая зажигательными снарядами, в результате чего взорвались запасы пороха: «ядро розорвало и великую де шкоту учинило, пороху много сгорело и людей многих перебило и переранило». «Здесь все про-

тив нас!» — воскликнул король и, сняв осаду, отдал приказ об отступлении.

На это решение короля повлияло также изменение внешнеполитической ситуации, создававшее угрозу детронизации, в связи с чем члены Государственного совета высказали пожелание, чтобы король «в нынешней осени взворот бы назад учинил для ради литовского короля и датского». Непокойной была и внутривнутриполитическая ситуация в самой Швеции, где, по словам шведского историка XVII в. Юхана Видекинда, «в простом народе зародилось смущение или как бы смутное подозрение, что его королевское величество стремится захватить чужие земли, чтобы расширить свои владения».

Король не сразу вернулся в Стокгольм. Рождество он праздновал в Кексгольме, а Новый год встретил в Орешке, откуда отправился в Выборг и далее в Гельсингфорс, где в январе 1616 г. открылся сейм, на котором «многие представители сословий стали высказывать мысль, что русская война ведется более из жадности к чужой земле, чем по необходимости». Возможно, это окончательно склонило короля к миру.

Осада Пскова была вторым после Дании военным опытом Густава II Адольфа, признанным впоследствии одним из величайших полководцев Европы. Но этот опыт в отличие от датского был неудачным. Псков был первой среди немногих военных неудач Густава Адольфа. Шведский историк Петер Энглюнд в своей книге «Полтава» писал, что «поражения нередко представляют едва ли не больший интерес, чем победы, они обнажают противоречия и внутренние конфликты». По его мнению, «победы зачастую склоняют к самоуспокоенности и консерватизму, тогда как неудачи подталкивают к пересмотру взглядов и развитию». В справедливости этого утверждения можно убедиться и на примере «псковской конфузии» шведов 1615 г., которую можно сравнить с «нарвской конфузией» 1700 г. Подобно Петру I, Густав II Адольф сумел извлечь урок из поражения и впоследствии обратить его в победы. Он убедился в том, что уровень подготовки шведской армии не соответствует требованиям времени, и наметил

ряд реформ, которые через два десятилетия превратили его армию в самую могущественную в Европе.

Нововведения в армии охватывали комплектование, обучение, вооружение и тактику. При Густаве Адольфе были созданы национальный офицерский корпус и национальный костяк шведской армии, который пополнялся путем рекрутского набора. Он усовершенствовал систему обучения личного состава, которое стало непрерывным. Для укрепления дисциплины применялись самые жесткие меры, в том числе и наказание шпицрутенами. Иерархическая табель о рангах, принятая тогда в шведской армии, во многом соответствует сегодняшней системе воинских званий. Густав Адольф считается праотцом современной полевой мобильной артиллерии, с него началось применение так называемых «кожаных пушек» — носимых на руках трехфунтовых орудий, обтянутых кожей. При нем важную роль стала играть военная картография. Таким образом, «псковская конфузия» стала одной из вех в становлении шведского великодержавия — своего рода прологом к викториям Тридцатилетней войны.

Псков стал поворотным пунктом и в личной жизни шведского короля. Военное поражение стало для него потрясением, и он нашел утешение в объятиях молодой жены голландского офицера Маргареты Слотс. Королева Кристина постаралась, чтобы об этом узнала Эбба Брахе. В том же году к ней посватался Якоб Делгарди, и она приняла его предложение, у них в браке было 14 детей.

Жена Густава Адольфа Мария Элеонора Бранденбургская родила двух дочерей, из которых выжила Кристина. Ее отречение от престола в 1654 г. привело к смене правящей династии в Швеции.

Литература:

Орлов П. Осада Пскова Густавом Адольфом в 1615 году // Труды Псковского археологического общества. Вып. 9. Псков, 1913; *Бочкарев В. А.* Шведско-русские отношения в Смутное время и осада Пскова 1615 года. Псков, 1916; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008; *Киричников А. Н.*

Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам)//Средневековая и новая Россия. СПб., 1996; *Вибекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000; *Кан А., Карлов С.* Густав II Адольф//Знаменитые шведы. СПб., 2009; *Hallenberg J.* Svea rikets historia under konung Gustav den stores regering. B. IV. Stockholm, 1794; *Lindqvist H.* Historien om Sverige. När Sverige blev stormakt. Stockholm, 1994.

Катарина Стопия – первая женщина-дипломат в России

Когда советского посла в Швеции Александру Колонтай называли первой в мире женщиной, занимавшей столь высокий дипломатический пост, она говорила, что ее опередила французская графиня Эвермо, которая в XVI веке была послом Франции в Венецианской республике. Очевидно, она не знала о том, что у нее была еще одна предшественница, которая недолгое время представляла экономические и политические интересы шведской короны при московском дворе в начале 30-х гг. XVII века.

Для России это было время выхода из глубокого кризиса, в котором она оказалась в результате Смуты, закончившейся подписанием Столбовского мира со Швецией (1617) и Деулинского перемирия с Речью Посполитой (1618). Швеция удовлетворила свои территориальные притязания на Востоке и надолго отказалась от дальнейшей экспансии в этом направлении. Серьезная опасность новой династии Романовых, не обладавшей авторитетом ни внутри страны, ни на международной арене, грозила со стороны Польско-Литовского государства. Если Карл Филипп не заявлял о каких-либо претензиях на русский престол, то королевич Владислав по-прежнему считал себя русским царем, и нельзя было исключать возможность того, что он повторит попытку силой овладеть московским престолом, как это было в 1617 г. В то же время его отец Сигизмунд III не отказывался от планов возвраще-

ния шведской короны, отнятой у него отцом Густава II Адольфа Карлом IX*.

На этом фоне в условиях Тридцатилетней войны наметился курс на сближение России со Швецией. К концу 1620-х гг. первый период Тридцатилетней войны закончился победой габсбургско-католического блока, членом которого была Польша. Это грозило Густаву Адольфу утратой не только господства на Балтике, но и короны. Поэтому он стал одним из организаторов антигабсбургской коалиции, и Русское государство занимало важное место в его планах. Шведское правительство было заинтересовано в укреплении отношений с Россией, и в 1629—1633 гг. эти отношения приблизились в форме военно-политического союза.

Русское правительство не хотело активно вмешиваться в решение сложных проблем европейской политики, но оказало поддержку антигабсбургскому блоку представлением стратегического сырья (селитры, смолы, пеньки) и хлеба по низким ценам.

Переговоры о поставках русского зерна в Швецию велись с конца 1620-х гг. Активное участие в переговорах и торговых операциях принимал знавший русский язык остзейский предприниматель Юхан Мёллер. В 1631 г. он был назначен первым торгово-дипломатическим представителем (резидентом) шведского короля при царском дворе. Он пользовался доверием русского правительства, в русской столице жил на широкую ногу и был щедр на взятки.

Его короткое пребывание в русской столице было довольно результативным. Его заслуга есть в том, что шведам удалось закупить в России зерно по низким ценам. Он

* Сигизмунд III был сыном шведского короля Юхана III и польской принцессы Екатерины Ягеллонки. В 1587 г. он был избран королем Польши, а в 1592 г. после смерти Юхана III унаследовал и шведскую корону. Но поскольку он был католиком, а государственной религией Швеции было лютеранство, в 1599 г. он был детронизирован, и королем Швеции стал его дядя герцог Карл Сёдерманландский (Карл IX).

вел переговоры о закупках русским правительством оружия в Швеции и приглашении в Россию шведских мастеров для первых русских железоделательных и оружейных заводов.

В августе 1632 г. Юхан Мёллер умер, и обязанности шведского резидента в Москве стала выполнять его вдова Катарина Стопия — первая шведская женщина-дипломат. В начале 1633 г. она получила официальные полномочия и была назначена Государственным советом представлять шведские интересы в России.

Катарина Стопия успешно завершила переговоры, которые начал еще ее муж, и приступила к выполнению других поручений правительства. Ее письма к королю и в Государственный совет показывают женщину, которая бесстрашно ведет переговоры об экспорте зерна из России, об импорте шведского оружия, об открытии торгового пути через Россию в Персию. Она внимательно следит за развитием отношений между Россией и Польшей и посылает в Стокгольм подробные отчеты о военных действиях под Смоленском и состоянии русской армии. В наследство от мужа ей достались доверительные отношения с одним из высших должностных лиц в стране боярином Иваном Борисовичем Черкасским, которые ей удалось сохранить.

Но уже весной 1634 г. положение Катрины в Москве сильно осложнилось. Во-первых, она попала в довольно сложную финансовую ситуацию из-за долгов, которые достались ей в наследство от мужа. Во-вторых, шведская резиденция в Москве была разграблена. Преемник Катрины Петер Крусебёрн в сентябре 1634 г. писал, что шведский двор со всеми секретными документами был не только захвачен и разрушен, но и «сожжен дотла». Впоследствии ее сын Арендт Мёллер писал, что по приказу великого князя русские солдаты ворвались на шведский двор и проникли в подвал, где хранились ценности, и полностью его ограбили.

Не ясно, что послужило причиной этого инцидента. Возможно, что это был ответ на действия шведской администрации и таможенных властей в отношении русских

торговых людей в Швеции и ее прибалтийских владениях. В Российском государственном архиве древних актов сохранилось множество так называемых «обидных дел», в которых русские купцы жалуются своему правительству на «насильства», чинимые над ними шведскими властями. При этом они отмечают, что «При короле Густаве была повольность в торговом деле во всем, и шкоты (вреда. — *Г. К.*) никоторые нам ни в чем не было».

Не исключено, что этот инцидент мог быть связан также с охлаждением в русско-шведских отношениях, наступившим после того, как идея русско-шведского союза рухнула вместе с гибелью его главного инициатора Густава II Адольфа в сражении при Лютцене 6 ноября 1632 г. Это охлаждение первыми ощутили дипломаты. Так шведского посланника Ханса Беренсона, прибывшего в Москву в июне 1633 г., ожидали довольно суровые условия размещения. Приставу при шведском посольстве был дан приказ никого не выпускать со двора и следить за тем, чтобы ни иноземцы, ни русские «не подходили и не разговаривали с ними ни о чем».

Посольство Б. И. Пушкина, направленное в августе в Стокгольм для подписания союзного договора, встретило самый холодный прием при королевском дворе и после напряженных, но совершенно бесплодных переговоров ни с чем вернулось в Москву. Такой исход переговоров послужил одной из предпосылок поражения русской армии в Смоленской войне.

Охлаждение между Москвой и Стокгольмом усилилось после смерти в октябре 1633 г. еще одного активного сторонника русско-шведского союза против Польши — патриарха Филарета. Шведские послы, прибывшие в Москву в июле 1634 г., услышали только упреки в адрес своего правительства. В том же году русское правительство прекратило поставки хлеба в Швецию и не возобновило их, несмотря на неоднократные просьбы шведской стороны. Зная об этом, можно предположить, что разгром шведского двора был своего рода акцией возмездия за непоследовательность и неискренность шведской политики в отношении России.

Катарина сообщила об этом инциденте в Стокгольм и выразила надежду, что правительство не оставит ее на произвол судьбы в чужой стране, примет меры по взысканию с великого князя компенсации за причиненный ущерб и пожалует ей два поместья в Ингерманландии.

В 1634 г. Катрина Стопия покинула Россию и поселилась в своем поместье Лильехаген в Ингерманландии, где вступила в брак с Кристофером Яговым. Все усилия шведского правительства получить какую-либо компенсацию за причиненный Швеции ущерб так и не увенчались успехом.

Вопрос о разграблении шведского двора обсуждался во время русско-шведских переговоров в Стокгольме в 1649 г. Шведские представители говорили о том, что «во 142 (1634) году на Москве в пожарное время на свейском дворе ее (Катарину. — Г. К.) розграбили... и воры были пойманы, однако им ничего не учинено». На это русские послы в соответствии с полученной инструкцией отвечали, что «прежнего резидента Ягановы жены Меллера двора никто не граблывал, и в грабеже она ни на ково не указала, а как она с Москвы отпущена, и дано ей на дорогу царского величества жалования по ее челобитью 200 рублей».

Неизвестно, получила ли она поместья в Ингерманландии. Мы знаем лишь о том, что в 1650 году она и ее дети на 20 лет были освобождены от повинности по содержанию армии. Катарина скончалась в конце 1650-х годов. У нее было четверо детей: две дочери — Анна и Барбру и два сына — Юхан и Арендт, который в 1667 г. стал комендантом в Нарве.

Литература:

Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897; *Арзыматов А. А.* К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618–1648 гг. // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллин, 1956; *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; *Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998;

История внешней политики России. Конец XV–XVII век. М., 1999; *Liljedahl R.* Sveriges första kvinliga diplomat. Agenten Johan Möllers maka Catharina Stopia//Personhistorisk tidskrift. 1934; *Norrman D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under tyska kriget (1618–1632). Uppsala, 1943; *Tham W.* Den svenska utrikespolitikens historia. 1560–1648. Stockholm, 1960.

Русский двор в Стокгольме

По условиям Столбовского договора 1617 г. единственным торговым партнером России, с которым русские купцы могли вести прямую торговлю, была Швеция. Особенность этой торговли состояла в том, что кроме прямых торговых операций, проводимых на русском гостинном дворе в Стокгольме, русские купцы из Старой Ладogi, Тихвина, Олонца, Устюжны осуществляли также транзитную торговлю с западноевропейскими купцами через города Прибалтики: Ригу, Ревель (Кольвань), Нарву (Ругодив), Канцы (Ниеншанц) и Выборг. Активную роль в торговле со Швецией играло новгородское купечество.

15-я статья Столбовского договора предусматривала устройство торговых дворов в Новгороде, Москве и Пскове для шведских купцов. Русские купцы в свою очередь должны были получить торговые помещения в Ревеле, Выборге и Стокгольме. В 1627 г. русское правительство построило своими силами на собственные средства в Новгороде шведский двор. В XVII в. этот двор был главным центром торговли с Западной Европой через Балтийское море и самым крупным иноземным гостинным двором в России. В 1631 г. шведский торговый двор был открыт в Москве в Белом городе. Он использовался прежде всего как резиденция шведских дипломатических агентов и по своим размерам и масштабам торговых операций уступал новгородскому.

Шведское правительство не спешило выполнять свои обязательства в отношении русских купцов, поэтому приезжавшие в Стокгольм русские торговые люди вынуждены были нанимать дома и склады. В этой связи в 1635 г. Михаил Федорович писал королеве Кристине: «Торговым вашим людям в нашем царствующем граде Москве для приезда отведен двор и с полатою в каменном же в большом городе, а в Новгороде двор им доброй дан же, а нашего царского величества торговым людям на приезд двор и в Стекольне еще по сию пору не отведен». Только в 1637 г. в Стокгольме был построен русский торговый двор, ставший первым постоянным опорным пунктом Русского государства для торговли с Западом. Теперь русские купцы получили в шведской столице постоянное помещение для проживания и склады для хранения товаров. В летние месяцы русский двор становился не только центром торговли, но и настоящим русским поселением в шведской столице.

Первый русский торговый двор, который шведы называли Русские весы, был расположен в северном предместье Стокгольма Норрмальм в Колодезном переулке около Шеппсбру. Он состоял из двух десятков дощатых лавок и амбаров. Двор был построен городскими властями, которые взимали с русских купцов довольно высокую арендную плату — далер в неделю за лавку. Уже в первый год доход городской казны от этого составил 174 далера.

Одновременно начались работы по строительству нового русского двора в южном предместье города Сёдермальм. Место для двора было выбрано довольно удобное, на берегу пролива, так что суда могли швартоваться в непосредственной близости от двора, и товары можно было перегружать с судов прямо в амбары. Новый двор начал функционировать в 1641 г., его строительство обошлось городским властям в 2000 далеров. На территории двора было три десятка бревенчатых и дощатых лавок, важня, трапезная, сортировочная, баня, причал. Поскольку русские купцы могли вести только оптовую торговлю и только на территории двора, лавки были одновременно и складами. Их аренда стоила 4 далера в месяц летом и 2 далера

зимой. Для облегчения торговых операций была введена должность «русского толмача», одновременно выполнявшего контрольные и посреднические функции маклера.

Русские торговые люди приезжали в шведскую столицу с началом навигации и оставались в ней, как правило, до поздней осени. Они везли в Швецию пушнину, мясо, сало, хлеб, рыбу, хмель, сермягу, лен, пеньку, смолу, селитру, воск, поташ, кожи. Из шведских владений они вывозили металлы и металлоизделия, посуду, пряности, вина, краски, сукно. Их экономическая активность в Швеции приносила большую пользу шведской казне. Только в 1645 г. они заплатили 10000 далеров таможенных пошлин.

Приезжавшие в Стокгольм русские купцы старались завести связи в шведском обществе и в какой-то мере могли говорить («толмачить») на шведском языке. Так, например, новгородец Максим Воскобойников имел широкие связи в среде шведских купцов, хорошо знал местные условия и освоил шведский язык, так что мог без переводчика вести торговые сношения со шведскими купцами: «Ездит он для своего промыслу в Стекольную по всея годы и языку по-свейски умеет и многие ему торговые люди сваяне знакомы». На шведском языке довольно сносно объяснялись также тихвинцы Павлин Семенов, Никита Петров и Афанасий Шпилькин. При заключении торговых сделок в Швеции они не только сами могли обходиться без помощи шведских переводчиков, но и помогали в этом своим соотечественникам. Это приносило весьма ощутимую экономию, поскольку плата за услуги шведского толмача составляла до трех процентов от стоимости сделки.

Примером активного усвоения шведского языка является русско-шведский словарь-разговорник, составленный в конце столетия новгородскими купцами Кошкиными. Ценный источник по истории русской торговли в Швеции представляют записные книжки торгового человека Никиты Кошкина, в которых содержатся описания поездок в Стокгольм и торговых сделок со шведскими купцами. Характерно, что в них он отмечает даты как от сотво-

рения мира, так и на западноевропейский манер. Поэтому петровскому указу о новом летоисчислении он подчинился без затруднений. Торговые поездки русских людей в Швецию делали их более восприимчивыми к европейской культуре, способствовали культурному сближению двух народов.

Важным событием в жизни Русского двора стала русско-шведская война 1656—1658 гг. Война началась в мае, до начала массового приезда русских купцов в Стокгольм. Среди тех, кто остался здесь с прошлого торгового сезона, были Василий Кисельников, Семен Соколов, Иван Никитин, Евтихей Пастухов, Андрей Курков, Василий Андреев. Все они были арестованы и посажены в тюрьму, а их товары на сумму 6655 далеров и деньги были конфискованы в пользу магистрата. Их использовали на земляных работах: «сковав, на работы выводили, приковав к телешкам, земляную работу работать заставляли». «От тое великой нужды и голоду» в шведской тюрьме скончались Евтихей Пастухов и Василий Кисельников.

После заключения Валиесарского перемирия в 1659 г. Русский двор возобновил свою деятельность, но восстановление торговли было не простым процессом. В 1663 г. новгородский купец Тихон Якимов жаловался на то, что «свитцкие торговые люди на том русском гостинном дворе сажают за своими товары своих сидельцов... а нам государевым русским людем на том русском гостине дворе отводят лавки в самом плохом месте, назади, где лошадей ставят». Он жаловался и на обязательное посредничество толмачей в торговле, которое он считал дополнительной тяготой. На навязываемое шведскими властями посредничество толмачей в торговле новгородцы жаловались и в 1672 г.

Русские купцы были недовольны также строгими предписаниями и правилами торговли, регулирующими порядок продажи (только на территории двора и только оптовая: купцов с купцами, только жителями Стокгольма), а главное — высокой арендной платой («полуполтина с анбара на неделю»). Они хотели «анбарщину платить по тому ж, по чему свейские торговые люди платят в Вели-

ком Новгороде — по два алтына за неделю». Шведские власти оправдывали высокую арендную плату тем, что «гостин двор построен королевского величества казною, для того де в Стеколне и пошлина положена такова».

С установлением стабильных торгово-экономических и дипломатических отношений России со Швецией было связано появление первой русской церкви за границей*. Столбовский договор гарантировал русским торговцам людям право проводить богослужение по своей вере на территории двора, но запрещал устройство постоянных церквей («по своей вере пение и веры своей строенье вольно им по тем же дворам в своих хоробах имети... а церковей по своей воле не ставити»). Поэтому первые православные богослужения в шведской столице по воскресным и праздничным дням проходили в часовне, устроенной в одном из амбаров.

Первое упоминание о богослужении относится к июлю 1646 г. Перерыв в богослужениях наступил в 1655 г. и продолжался до 1670 г., когда православную часовню перевели в Верхний город. В этом же году русские купцы приобрели у одного из шведских торговцев копию чудотворной иконы Тихвинской Богоматери, которую отправили в Тихвин. По преданию, в пути эта икона спасла попавший в бурю корабль. В 1672 г. церковь получила специальное помещение в Верхнем дворе. В 1694 г. она переехала в южный флигель Большого двора, где оставалась до 1748 г., когда ее помещение было передано муниципалитету. Своего кладбища в XVII — XVIII вв. у православных в Стокгольме не было, умерших хоронили при лютеранских церквях.

Устройство Русского двора в Стокгольме имело большое значение: были созданы условия для проживания и успешной торговой деятельности русских торговых людей в Стокгольме. Однако они были недовольны тем, что двор был расположен не в центре, «на низком и недобром месте вне города», и были готовы построить новый

* Русские церкви в Берлине, Лондоне и Париже появились только в XVIII веке.

двор на свои средства в удобном для них месте. В этом им было отказано: «русской гостин двор в Стеколне построен, и другово гостина русково двора строити не для чего». Тем не менее со временем старый двор перестал соответствовать возросшему товарообороту, и в 1664–1674 гг. рядом с ним был построен новый каменный (Верхний, или Малый) двор. Русский двор сильно пострадал во время пожаров 1680 и 1694 гг. По решению магистрата при возобновлении Нижнего двора деревянные лавки были заменены каменными или полукирпичными. Теперь двор стал безопасным, но вскоре началась Северная война, надолго прервавшая его функционирование.

В октябре 1700 г. обитатели двора, не успевшие покинуть его, были арестованы и много лет находились в шведском плену, их имущество конфисковали, двор поступил в пользование обывателей и иностранных купцов. По Ништадтскому мирному договору 1721 г. русский торговый двор привели в порядок и вернули прежним владельцам*. Однако теперь он не играл во внешней торговле прежней роли, поскольку экономика России перестала зависеть от ввоза металла из Швеции. Пожар 1759 г. уничтожил Нижний двор, в Верхнем дворе сохранилось только 14 складов.

Русское правительство придавало особое значение торговле со Швецией. В феврале 1753 г. был издан указ Магистрата о купцах в Швеции, в котором было сказано: «Ее Императорское Величество соизволила повелеть чрез Главной Магистрат всему купечеству объявить, дабы под опасением Высочайшего Ее Императорского Величества гнева от ныне впредь все российские купцы, которые в чужестранные государства, а особливо в Швецию, ездить будут, не токмо поведение свое и платье совершенно пере-

* Шведский торговый двор в Новгороде с началом Северной войны был закрыт навсегда, поскольку Новгород перестал быть центром Балтийской торговли (его роль перешла к Петербургу), торговля с иностранными купцами здесь прекратилась и отпала потребность в существовании гостиного двора для иноземных купцов.

менили, но и всякое честное и пристойное обхождение и знакомство тамо заводить старались, ибо тем они как себе самим, так и всему российскому купечеству, честь, почтение и лучший кредит у всех чужестранных наций приобрести могут».

После русско-шведской войны 1788–1790 гг. положение русских торговых людей в Стокгольме вновь изменилось к худшему, русская торговля в Стокгольме почти заглохла, место русских в большинстве случаев заняли шведы.

С началом новой русско-шведской войны в 1808 г. русские купцы уехали из Стокгольма, а двор был обращен в складочное место. Длительные переговоры о возвращении Русского двора и возобновлении русской торговли в Стокгольме не увенчались успехом. В 1848 г. прежнее помещение русской церкви было передано во владение города, что стало началом ликвидации русской коммерции на Русском дворе. В 1871 г. русское правительство предложило единственно правильный способ решения вопроса: обменять Русский двор в Стокгольме на шведский двор в Москве, который после открытия шведской миссии в Петербурге функционировал как шведское подворье. В 1874 г. Россия и Швеция приняли решение передать друг другу гостинный двор в Стокгольме и шведское подворье в Москве и подписали декларацию о взаимной переуступке городских земель. Улица, на которой стоял шведский двор, сохранила название Шведский тупик. А то место в Стокгольме, где когда-то жили русские купцы, до сих пор называется Русским двором. Сегодня здесь торгуют книжным антиквариатом и копченой салакой.

Литература:

Румянцев П. П. Из прошлого Русской Православной церкви в Стокгольме. Берлин, 1910; *Мордвинов И. П.* Сказание о Стокгольмской иконе Божией Матери//Отдых христианина. 1906/10; *Шаскольский И. П.* Одеятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в.//Новгородский исторический сборник. 2 (12).

Л., 1984; *Шаскольский И. П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994; *Кобак А. В., Андреев А. И.* Из истории русского храма и некрополя в Стокгольме//Невский архив. 2. М.; СПб., 1995; *Варенцов В. А.* Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI–XVII вв. Новгород, 1996; *Лефстранд Э.* Новгородцы Кошкины и Ryssgården в Стокгольме//Родина. 2009/9; *Arne T. J. Rysstolkarna och Ryssgården*//Det Stora Svitjod. Stockholm, 1917; *Nerman T.* Svensk och ryss. Ett umgänge i krig och handel. Stockholm, 1946; *Lang S.* Stadsgården och Ryssgården. Stockholm, 1963.

«По-свейски говорит
и грамоту свейскую знает»

Как верно отметил исследователь русско-шведских культурных связей Г. А. Некрасов, «одним из важнейших препятствий для установления непосредственных контактов между народами всегда выступал языковой барьер — лишь знание языков друг друга служило верным ключом к достижению взаимопонимания и надежным средством человеческого общения». Важную, хотя и не очень заметную роль в развитии политических, экономических и культурных контактов между Россией и Швецией играли толмачи и переводчики. От их профессионального мастерства порой зависел исход переговоров. Не случайно с них иногда брали присягу в том, что они будут переводить верно и полностью, но не более того, что им прикажут. Некоторые переводчики внесли свой вклад в развитие дипломатии, науки и культуры. Между тем их имена, как правило, оставались неизвестными как современникам, так и потомкам. В шведской историографии переводчикам и толмачам русского языка XVI — XVII вв. посвящены специальные работы, составлен даже поименный список, включающий 83 человека. В отечественной историографии таких работ пока нет.

До конца XV в. языковые связи Русского государства носили явно односторонний характер. В Новгород и Москву для изучения русского языка приезжали немцы, датчане, голландцы и поляки. В конце столетия русские также начинают овладевать иностранными языка-

ми: греческим, латинским, немецким. Новгородцы Герасим Поповка и его младший брат известный переводчик и дипломат Дмитрий Герасимов изучали в Ливонии немецкий язык и латынь, новгородец Сильвестр Малый учился в Ростоке. В Дании изучал латынь участник многих посольств великокняжеский толмач Григорий Истома Малый. Считается, что он был первым русским, освоившим этот язык. Его рассказ о плавании в Данию в 1494 г., изложенный С. Герберштейном, послужил толчком к развитию русско-английской торговли.

В Швецию для изучения языка русские люди начали ездить с XVI в. Известно, что один русский жил у епископа Ботвида в Стренгнесе и сам король Густав Васа интересовался его успехами в изучении шведского языка. Первые переводчики шведского языка появились в Посольском приказе, очевидно, в последней трети XVI в. Во всяком случае, в штате 1549—1550 гг. они не числились. При переговорах со шведами пользовались, как правило, немецким языком. Так, в состав русского посольства, отправленного в Швецию в 1567 г., был включен немецкий толмач Нечай Гамаров. Именно к нему, не доверяя своим переводчикам, 12 августа через своих придворных обратился Эрик XIV с просьбой собирать для него политическую информацию: «чтобы он, живучи в Стекольне, проводывал, какова слова от ково услышит про короля и про королевичев, и иным бы он толмачем своим, которые по-свейски и по-фински знают, приказал про то ж проводывати, про стекольских людей, про посадских измену, что они хотят королю изменить». Через неделю он обратился к нему с еще более необычной просьбой — передать послам, чтобы «послы короля с собой на Русь взяли», так как «король боитца бояр своих». Этот эпизод очень напоминает эпизод из царствования Ивана Грозного, когда он просил английскую королеву Елизавету предоставить ему убежище на тот случай, если ему придется бежать из России.

Несмотря на то, что в русской дипломатической практике XVI в. сохранялся обычай вести переговоры со шведскими королями через новгородских наместников, перевод-

чиков шведского языка в Новгороде не было. Побывавший в Новгороде в 1569 г. в составе шведского посольства финляндский епископ Павел Юстен свидетельствовал, что переговоры с новгородским наместником велись, главным образом, через переводчика посольства Матиаса Шуберта. Новгородские же власти пользовались услугами немецкого толмача. Из-за осложнения отношений между двумя государствами члены посольства были сосланы в Муром и вернулись домой только в 1572 г. Посольские толмачи Энгельберт Нильссон (Абрам Николаев) и Ларс Бертильссон (Влас Пантелеев) по приказу Ивана IV были оставлены в Москве для обучения русских юношей шведскому языку. При этом царь ссылался на то, что «преж сего у нас в нашем государстве нашей русской грамоте учивались».

На это последовала незамедлительная реакция Юхана III: он написал царю, что толмачи были посланы в Россию по государственным делам, а не для того, чтобы обучать подданных царя шведскому языку, и потребовал незамедлительно отпустить их. В качестве заложников он задержал в Швеции царских гонцов Владимира Пивова и Василия Чихачева. Король также предложил царю после заключения мира договориться с Выборгским наместником о приезде в Швецию русских подданных для изучения шведского языка. Возможно, Иван IV последовал рекомендации короля, во всяком случае, известно, что в 1573 г. двое русских отправились в Швецию изучать язык.

Ларс Бертильссон вскоре умер в России, а Энгельберт Нильссон был в 1574 г. отпущен в Швецию, но при обыске в Орешке у него были найдены царские родословцы и выписки из разрядных книг. За это он был обвинен в «лазучестве» и еще на некоторое время задержан в России. В декабре 1574 г. его обменяли на В. Пивова (В. Чихачев умер в Швеции).

В 1601–1602 гг. Борис Годунов отправил несколько русских юношей в Европу для обучения иностранным языкам. Трое из них отправились в Швецию, но обратно в Россию, где полыхало пламя гражданской войны, не вернулись.

Во время шведской оккупации Новгородских земель устным и письменным переводом занимались Ганс Фле-

рих, Елисей Павлов, Петр Романов, Андрей Петров, Иван Баранов, Тимофей Кирилов (Киров), Тимофей Хахин. Ганс Флерих, немец по происхождению, считается первым шведским славистом. Он был переводчиком у Б. Годунова и В. Шуйского. Перейдя на шведскую службу, участвовал в переговорах с новгородским посольством в Стокгольме в 1612 г. и в Выборгских переговорах в 1613 г. По поручению Густава II Адольфа он вместе с новгородским дьяком Исаком Торчаковым перевел на русский язык «Малый Катехизис» Лютера. По возвращении в Швецию Флерих возглавил отдел переводчиков русского языка (русскую канцелярию) при королевской администрации, а также принимал участие в подготовке печатных изданий на русском языке, предназначенных для православного населения перешедшего к Швеции Корельского уезда.

Развитие русско-шведской торговли после подписания Столбовского мира привело к увеличению спроса на услуги переводчиков. Особое место в русско-шведской торговле занимал Новгород. Он был ближе других торговых центров к шведским владениям в Прибалтике, в зимнее время путь через него на европейский рынок даже для московских купцов был гораздо короче и дешевле, чем через Архангельск. Уже в XVI в. здесь изучали русский язык шведские подданные. В XVII в. в Новгородской приказной палате работал целый штат переводчиков и толмачей шведского языка: Андрей Иванов, Еремей Иванов, Андрей Петров, Ефим Фентуров, Михаил Сахарников, Михаил Розитин, Лазарь Циммерман, Тимофей Фанемин, Илья (Яков) Бюттнер (Гитнер, Гюттнер).

Переводчики в Новгороде были не последними фигурами воеводской администрации. Когда в 1624 г. из Москвы пришло распоряжение отправить одного переводчика на пограничные переговоры со шведами, из воеводской канцелярии ответили, что «в Новгороде без одново переводчика без Еремея быти нельзя». В 1648 г. шведский гонец Андерс Фрас жаловался думному дьяку М. Ю. Волошенинову на то, что переводчик Михаил Розитин в Новгороде его «испозорил и бранил... и грозил на его, что его

не отпустит ни с места, пока он грамоты свои не покажет».

Иногда новгородские переводчики выполняли даже контрразведывательные функции. Так, Михаил Сахарников и Андрей Иванов разоблачили шведского подданного ямгородца Костю Ларионова, который по заданию шведского правительства собирал сведения о «корельских выходцах», т. е. о жителях отошедшего к Швеции в 1617 г. Корельского уезда, перебежавших в Россию.

По всей вероятности, Михаил Сахарников был одним из самых квалифицированных и опытных переводчиков. Он был в штате Новгородской приказной палаты в 1649—1660 гг., участвовал в межевых съездах русских и шведских представителей и торговых переговорах. Известны также два псковских переводчика: Матвей Вейгер (немецкий и шведский языки) и Ефим.

Знание шведского языка становилось одним из условий коммерческого успеха. Русские торговые люди, торговавшие со Швецией, годами держали лавки в Стокгольме, заводили связи в шведском обществе и в какой-то степени умели говорить («толмачить») на шведском языке. Некоторые из них (например, тихвинцы Павлин Семенов, Никита Петров и Афанасий Шпилькин) знали язык довольно хорошо, так что при заключении торговых сделок в Швеции не только сами могли обходиться без помощи шведских переводчиков, но и помогали в этом своим соотечественникам.

В XVII в. в России появляются первые «технические переводчики», работавшие со шведскими специалистами, приглашенными в Россию. Одним из них был Лоренц Андерсен — толмач при шведских мастерах горного дела на строительстве медеплавильного завода в Заонежье в 1670-х годах.

Известно, что по распоряжению из Москвы новгородские власти посылали на шведскую территорию купцов «для проводывания вестей», т. е. для сбора военно-политической информации. Для изучения условий торговли и размеров таможенных пошлин в Стокгольм ездил Максим Воскобойников, знавший язык и мест-

ные условия, имевший связи среди шведских купцов. В июне 1650 г. в Ивангород и Нарву был отправлен торговый человек Никита Тетерин. Вряд ли с такими поручениями посылали людей, совсем не знавших шведского языка.

Основная масса переводчиков шведского языка была сосредоточена в Посольском приказе, где устным и письменным переводом занималось более 30 человек: Иван Фомин, Юрий (Яков) Гивнер, Иван Фандельден, Елисей Павлов, Андрей Англер, Юнас Брандт, Иван Адамов, Матвей Елисеев, Дмитрий Францбеков, Нечай Дрябин, Тимофей Мартынов, Филат Адлер, Яков Эглин, Иван Спиридонов, Улоф Якобсен Виберг (Вольф Яковлев), Иван Енаков. Некоторые из них кроме шведского языка знали еще немецкий, датский или латинский. Переводчики Посольского приказа составляли «Куранты» — специальный обзор международной информации, поступавшей из-за рубежа, в том числе и из Швеции, в виде вестовых писем, тетрадей и листов. Их переводили в Посольском приказе или в порубежных городах Новгороде и Пскове. Непосредственное отношение к их переводу имели Михаил Сахарников и Матвей Вейгер.

В Посольском приказе были подготовлены рукописные справки о Швеции — ее статистическое описание с компилятивным приложением «О начатке Шведского и Готского государства», а также «Краткое описание жития, владения и смерти господствующих королей Швеции». Ни одна русская дипломатическая миссия в Швеции не могла быть успешной без надежного переводческого обеспечения. Не случайно, когда в 1650 г. шведские власти попытались задержать на границе переводчика Нечая Дрябина, сопровождавшего Василия Старого, посланного царем к королеве Кристине, он писал в Москву: «Мне, холопу твоему, без него, Нечая, ехать к королеве немочно... без него мне быть немочно».

Уровень подготовки переводчиков не всегда соответствовал характеру выполняемых ими поручений. Так, во время русско-шведских переговоров 1650–1651 гг. оказалось, что переводчик Матвей Елисеев «шведские пись-

ма переводить не навывчен, а сказал речью которые статьи вразумел, а иного свейского языку перевести не умеет». Об одном из переводчиков в источнике было сказано, что он «по-свейски говорит и грамоту свейскую знает, а на русский язык свейской грамоты и по-русски розказати без толмача не умеет». В 1649 г. переводчик Ефим Фентуров не смог перевести на русский язык «печатную тетрадь немецкого письма», и ее пришлось отправить в Посольский приказ.

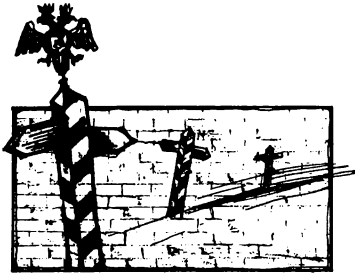
Недостаточно высокий уровень профессиональной подготовки переводчиков был обусловлен тем, что в России в XVII в. не велась их систематическая подготовка, как это было в Швеции, где существовали специальные русские школы и в обязанности королевского переводчика, возглавлявшего отделение переводчиков русского языка, входило их обучение и подготовка. Штат государственных переводчиков шведского языка пополнялся, главным образом, за счет иностранцев, перешедших на русскую службу. Известны случаи, когда для изучения языка их посылали в Швецию. Так, например, в 1646 г. по царскому указу был «послан в Свейское государство царского величества переводчиков Ульфа Яковлева Виберха сын Ондрей для научения свейского и немецкого, и латынского языку и грамоте». Царь Алексей Михайлович лично просил королеву Кристину, чтобы она разрешила ему «для научения свейского и немецкого, и латынского языку и грамоте в Свее остатца и велела ему учинить всякое поможательство».

Некоторые русские люди изучали язык, находясь непосредственно в шведской языковой среде, в шведском плену или занимаясь торговлей со Швецией. Дефицит переводчиков шведского языка иногда преодолевался за счет переводчиков немецкого языка, который был широко распространен в Швеции в XIV—XVII вв. Разный подход к изучению языка соседа в России и Швеции свидетельствует о том, что более активной стороной в духовных контактах был «малый» народ (шведы), и подтверждает тезис А. С. Кана об асимметрии русско-шведских отношений.

Тем не менее количество русских людей, в той или иной мере владевших шведским языком, постепенно увеличивалось. Если в XVI в. по-шведски говорили единицы, то в конце XVII в., по мнению Г. А. Некрасова, речь могла идти уже о сотнях лиц, понимавших по-шведски.

Литература:

Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных//Избранные труды. Т. II. М., 1954; *Некрасов Г. А.* Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М., 1993; *Лузейцев Д. В.* Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучкин//Русский родословец. 2002/1 (2); *Зверев С. В.* Дмитрий Николаев–переводчик начала XVII в.//Чело. 2005/2; *Arne T. Rysstolkarna och ryssgården*//*Det Stora Svitjod*. Stockholm, 1917; *Tarkiainen K.* 1) Venäjätulkkit ja slavistikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661//*Historiallinen Arkisto*. 1969. № 64; 2) *Rysstolkarna som yrkeskår*//*Historisk tidskrift*. 1972/4.

«Муж ума несравненного»: диссидент или шпион?

В 1930 г. советник советского дипломатического представительства в Швеции Сергей Дмитриевский перешел на положение невозвращенца. Объясняя причины своего поступка, он вспомнил слова подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, бежавшего в Швецию в XVII веке, который на вопрос о том, почему он бежал, показал следы от кнута на своей спине. «Если бы душа была телом и я мог обнажить и показать ее, то вы бы увидели на ней следы духовного кнута, и я мог бы ответить так же», — писал Дмитриевский.

Григорий Котошихин и Сергей Дмитриевский жили в разное время, и по-разному сложились их судьбы в Швеции. Сближает их то, что оба они служили по дипломатическому ведомству, следовательно, оба были «выездными», оба стали невозвращенцами, оба в изгнании написали книги, в которых рассказали шведам о России и которые долгое время были не известны на родине.

Григорий Котошихин происходил из семьи московских мелких служилых людей. Сын монастырского казначея он с молодых лет связал свою жизнь с приказной службой. Его чиновничья карьера началась в Приказе Большого дворца, оттуда был переведен в Посольский приказ. Уже в начале своей службы на дипломатическом поприще он был бит батогами за ошибку в написании царского титула. Однако это не стало препятствием для его продвижения по служебной лестнице. За три года его жалование

увеличилось с 13 до 30 рублей. Молодому подьячему доверяли не только писать грамоты, но и доставлять их за границу и участвовать в переговорах.

В то время он «был много употребляем по царским поручениям ради своей ловкости». В 1659—1660 гг. в составе посольства под руководством Прозоровского и Ордина-Нащокина он участвовал в переговорах, предшествовавших заключению Кардисского мира. В это время он дважды ездил из Дерпта в Ревель с грамотой к находившемуся там шведскому посольству, а в следующем году был отправлен с царским письмом к королю Карлу XI. Он прибыл в Стокгольм 23 сентября 1661 г., а уже на следующий день на специально предоставленном корабле отбыл назад с ответной грамотой короля. Шведы подарили подьячему два серебряных бокала стоимостью в 300 далеров, а в Москве он получил денежное вознаграждение и повышение оклада на шесть рублей.

Однако здесь его ждали и печальные известия. Вот что писал он об этом в письме к шведскому королю: «Когда я находился при заключении Кардисского договора, у меня отняли в Москве дом со всеми моими пожитками, выгнали из него мою жену, и все это сделано за вину моего отца, который был казначеем в одном московском монастыре и терпел гонения от думного дворянина Прокофья Елизарова, ложно обнесшаго отца моего в том, что будто он расточил вверенную ему казну монастырскую, что, впрочем, не подтвердилось, ибо по учинении розыска оказалось в недочете на отце моем только пять алтын... но, несмотря на то, мне, когда я вернулся из Кардуса, не возвратили моего имущества, сколько я ни просил и ни заботился о том». Таким образом, дом Котошихиных со всем имуществом был «взят на царя», а сам он, его отец и жена оказались на улице. Не исключено, что именно эта новая обида толкнула подьячего на путь измены, побудила вступить в тайные сношения со шведами.

Летом 1663 г. в Москву для разрешения споров о взаимных денежных претензиях прибыл шведский дипломатический представитель Адольф Эберс. Неизвестно, при каких обстоятельствах ему удалось завербовать Котошихи-

на. Известно лишь, что он передал шведам копии с секретных инструкций, содержащих сведения о том, на какие уступки могли пойти русские дипломаты. За свои услуги Котошихин получил 40 рублей, правда, согласно представленному Эберсом отчету, осведомителю было заплачено 100 дукатов. Очевидно, разница пошла в карман шведского дипломата.

В следующем году Котошихина для ведения переговоров с поляками отправили в полки под командованием Якова Черкасского и Ивана Прозоровского, которые сдерживали стоявшие на берегу Днепра польские войска. Эберс очень сожалел о его отъезде и сообщал в своем донесении в Швецию: «Мой тайный корреспондент, от которого я всегда получаю ценные сведения, послан отсюда к князю Черкасскому, и, вероятно, будет некоторое время в отсутствии, что для меня очень прискорбно, потому что найти в скором времени такое же лицо будет мне очень трудно».

Вскоре Прозоровского и Черкасского заменил боярин князь Юрий Долгорукий, который потребовал от Котошихина, чтобы тот написал донос на прежних воевод. За это боярин обещал подьячему повышение по службе и помощь в возвращении отцовского имущества. Не доверяя известному своим крутым нравом воеводе, подьячий решил бежать в Польшу, не дожидаясь мести Долгорукого.

В конце лета или осенью 1664 г. Котошихин перешел границу, а в следующем году в приходно-расходной книге Посольского приказа появилась запись о том, что подьячий Котошихин «своровал, изменил, отъехал в Польшу». В Польше он был принят на службу при канцлере Великого княжества Литовского.

Но в Польше он не задержался и вскоре отправился в Силезию, Пруссию, потом в Любек, а оттуда — в Нарву. 24 октября 1665 г. он подал ингерманландскому генерал-губернатору Якобу Таубе, которого он знал со времени своей поездки в Стокгольм, прошение о принятии его на шведскую службу, в котором он сообщал основные сведения о себе.

Рассмотрев прошение Котошихина, Государственный совет решил выдать ему 200 далеров и привезти его в Стокгольм, «так как до сведения нашего дошло, что этот человек хорошо знает Русское государство, служил в канцелярии великого князя и изъявил готовность делать нам разные полезные сообщения». Между тем о пребывании Котошихина в Нарве стало известно новгородскому воеводе В. Г. Ромодановскому и он, ссылаясь на недавно подписанный Кардисский договор, один из пунктов которого предусматривал выдачу перебежчиков, потребовал от Таубе выдачи беглого подьячего. Однако шведы не хотели упускать из своих рук ценного агента. Таубе ответил, что он приказал найти перебежчика, но тот исчез.

Под именем Ивана Александра Селицкого Котошихин прибыл в Стокгольм в феврале 1666 г. и через переводчика Улофа Баркхусена подал королю челобитную с просьбой определить его на службу и поручить какому-нибудь студенту обучать его шведскому языку. В свою очередь он был готов обучать шведов русскому языку. В конце марта 1666 г. он был принят на службу в штат королевской канцелярии с жалованием в 300 далеров, «поелику он нужен нам ради своих сведений о Русском государстве». По поручению канцлера графа Магнуса Делагарди, разглядевшем в перебежчике острый ум и широкий кругозор, он начал работу над своим сочинением о Московском государстве. Вполне возможно, что в это время он встречался со шведским историографом Юханом Видекиндом, который в это же время по поручению Делагарди работал над своей «Историей шведско-московитской войны».

К лету 1667 г. Котошихин закончил работу над книгой и даже составил оглавление — «ропись главам и статьям», по которой легко ориентироваться в тексте. Состоящая из 13 глав и 235 статей книга содержит систематизированную информацию о царской фамилии, служилых людях, дипломатии, дворцовом хозяйстве, структуре и повседневной практике государственных учреждений, местном управлении, а также о быте и нравах русских людей. Несмотря на пренебрежительное отношение к покинуто-

му отечеству, невежеству и предрассудкам московского общества, в целом Котошихину удалось создать довольно объективную картину русской жизни. Именно поэтому его сочинение приобрело широкую известность и стало одним из самых цитируемых источников по русской истории XVII в.

В конце 1666 г. Котошихин поселился в южном предместье Стокгольма у русского толмача Даниила Анастасиуса. Анастасиус отличался склонностью к крепким напиткам, а во хмелю был буен и частенько поколачивал жену Марию Валентину, и она уходила от него. Котошихин пытался мирить их, и одна из попыток примирения закончилась пьяной ссорой и бытовым убийством. Вот как пишет об этом хорошо знавший Котошихина переводчик Улоф Баркхусен: «Анастасиус подозревал Селицкого в порочной связи с своей женой, однажды, быв оба дома в нетрезвом виде, они заспорили между собою: начались с обеих сторон упреки и брань, Селицкий в запальчивости гнева нанес Анастасиусу несколько смертельных ударов испанским кинжалом, который в это время имел при себе».

Вдова Анастасиуса потребовала наказать убийцу по всей строгости закона. Суд приговорил Котошихина к смертной казни через отсечение головы. Он признал свою вину, о помиловании не просил и в ноябре 1667 г. сложил голову на плахе. Перед казнью он принял лютеранство. «Так кончил жизнь свою Селицкий, муж русского происхождения, ума несравненного» — писал Баркхусен. После казни его тело было отвезено в Упсалу, где оно было анатомировано профессором медицины Улофом Рудбеком. Его скелет, нанизанный на медные и стальные проволоки, был выставлен в Анатомическом театре. В 1670 г. там его видел Саксен-Готский герцог Альбрехт. Где он находится сейчас, неизвестно.

В 1669 г. сочинение Котошихина было переведено на шведский язык Баркхусеном, с перевода было снято несколько копий. Подлинная рукопись Котошихина досталась шведскому ученому Ю. Г. Спарвенфельдту, знавшему русский язык. Он сделал на ней помету,

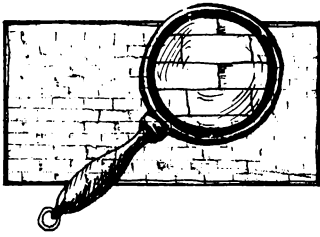
в которой ошибочно назвал автора «Кошихиным». Спарвенфельдт передал рукопись в Упсальский университет, где она хранится и поныне. Скорее всего, первым из русских людей рукопись увидел А. И. Тургенев. Он считал, что со слов Густава III о ней впервые узнала Екатерина II. Однако эта версия не подтвердилась. В переписке короля с императрицей речь шла, очевидно, о списке Разрядной книги, хранящейся в библиотеке Упсальского университета.

Первооткрывателем сочинения Котошихина следует считать профессора Гельсингфорского университета С. В. Соловьева. В 1837 г. он обнаружил его шведский перевод в Государственном архиве Швеции, а в 1838 г. им был открыт и русский оригинал в библиотеке Упсальского университета и он скопировал его. Именно ему мы обязаны тем, что сочинение Котошихина стало одним из самых используемых и цитируемых источников по истории России XVII в. Впервые оно было издано Археографической комиссией в 1840 г. под названием: «О России в царствование царя Алексея Михайловича». В опубликованной в журнале «Москвитянин» рецензии на это издание было сказано: «Не только в XVIII веке, но и в XIX едва ли сыщется сочинение, которое бы обилием содержания, знанием дела и чистотою изложения могло равняться с сочинением подъячего Котошихина о России. Подъячий обнимает все отрасли государственного управления... повествует о самых существенных обычаях русской земли и бросает смелый взгляд на внутреннее устройство русского духа».

Личность подъячего в отличие от его труда оценивается учеными и писателями неоднозначно. Для одних он был шведским шпионом, предателем, для других — русским диссидентом, интеллигентом-западником, жертвой первых контактов с Европой, некоторые считают его предвестником петровских реформ. Один нижегородский журналист подписывал его именем свои статьи. Видимо, в каждой из этих оценок есть доля истины. Но очевидно все-таки можно согласиться с мнением В. Тарасова о том, что «вину беглого чиновника вполне загладила работа талантливого историка».

Литература:

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича//Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984; *Грот Я. К.* Новые сведения о Котошихине по шведским источникам. СПб., 1882; *Никоненко В. С.* Русский интеллигент-западник XVII века Григорий Карпович Котошихин//Русская философия накануне петровских преобразований. СПб., 1996; *Пересветов Р. Я.* Биография одного скелета//Тайны выцветших строк. М., 1970; *Пытин А. И.* Григорий Карпович Котошихин//Вестник Европы. 1896/9; *Джинчарадзе В. З.* Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII в.//Исторические записки. 39. 1952; *Тарасов В. М. Г. К. К.* Жизнь и необыкновенные приключения подьячего Посольского приказа//Родина. 1997/10; *Hjärne H.* En rysk emigrant i Sverige för två hundra år sedan//Historisk tidskrift. 1881.

«Венец» шведской Московитики

В 1673 г. в Россию приехало посольство, возглавляемое графом Оксеншерной. Целью посольства было урегулирование спорных вопросов в отношениях между двумя странами, возникших после подписания Кардисского мира 1661 г. Кроме того, в связи с начавшейся в 1672 г. франко-голландской войной, расколовшей Европу на два лагеря, шведскому правительству было важно обеспечить если не поддержку, то хотя бы нейтралитет России. Переговоры продолжались около двух месяцев и были совершенно безрезультатны. После долгих споров, взаимных упреков и жалоб стороны пришли к весьма неопределенному соглашению: «Если царское величество потребует у Королевского Величества помощи против недруга с этой стороны моря, то может просить надежно; также если Королевское Величество станет требовать помощи у царского величества против недруга с этой стороны моря, то может просить надежно».

Стремясь к нормализации отношений с Россией, шведское правительство, тем не менее, по-прежнему считало ее сильным и опасным противником и усердно собирало сведения о ее экономике, вооруженных силах, коммуникациях и укреплениях. Именно в этих целях к посольству были прикомандированы Юхан Филипп Кильбургер, выполнявший функции эксперта по вопросам торговли и экономики, и инженер-капитан Эрик Пальмквист, выполнявший функции военного агента. Появившееся в результате

этой поездки сочинение Пальмквиста «Заметки о России» занимает особое место среди шведских сочинений о России. Знаток шведской Россики Кари Таркиайнен называет его «венцом» «Московитики», красивейшим дипломатическим рапортом шведского великодержавия.

Это не дневник и не записки досужего путешественника, не рутинная реляция дипломата, не трактат о России, написанный в тиши кабинета. Характер поручения определил характер этого сочинения и место Пальмквиста в составе посольства, где он выполнял функции тайного агента и добывал интересующие его сведения, говоря его же словами, «тайным обычаем посредством подкупа». Вот что было написано о нем в статье об иностранном шпионаже в России в XVII в., появившейся в разгар холодной войны: «Усиленной разведывательной деятельностью занималось в России посольство Оксеншерны. Мы располагаем точными сведениями о разведывательной деятельности Э. Пальмквиста. Он тщательно собирал сведения о различных сторонах военного дела в России. Являясь военным разведчиком, он был обязан давать не вымышленные, а точные сведения». Именно это придает особую значимость сочинению Пальмквиста как историческому источнику.

Пальмквист успешно справился с данным ему поручением. За 8 месяцев пребывания в России он собрал уникальную информацию о ней. После возвращения он представил шведскому правительству отчет о проделанной работе — рукопись *in folio*, содержащую 53 рисунка различного формата, 16 географических карт и планов городов, а также заметки и пояснения к ним. Именно на иллюстративный материал его работы прежде всего обратили внимание исследователи. И тут же перед ними встал вопрос: кто его автор? По мнению шведского исследователя К. Таркиайнена, автором был сам Пальмквист, однако он был слишком молод для того, чтобы владеть столь блестящей графической техникой. Поэтому вполне вероятно, что у него был помощник. Как предполагает К. Таркиайнен, им мог быть известный гравер Герман Падбрюгге.

Эрик Пальмквист родился около 1650 г. в семье высокопоставленного чиновника Густава Берга, который был возведен в дворянское достоинство под фамилией Пальмквист. Эрик учился в Германии, по возвращении в Швецию в 1670 г. был назначен фортификационным кондуктором в Риге, а в 1673 г. получил чин инженер-капитана. Он прошел хорошую школу у известного специалиста по фортификационным работам Эрика Дальберга. Под его руководством он освоил также технику рисования карандашом, акварелью, углем и тушью, что очень пригодилось ему в России. По возвращении из России Пальмквист получил чин генерал-квартирмейстера и возглавил строительство укреплений в Карлсхамне и Фридрихсхольме, где был взят в плен датчанами во время так называемой Сконской войны; умер он в датском плену в 1676 г.

Предназначенная для служебного пользования рукопись его «Заметок о России» более 200 лет хранилась в Государственном архиве Швеции и была практически неизвестна исследователям. Одним из первых на нее обратил внимание шведский король Густав III, использовавший ее при написании исторической пьесы из русской жизни «Наталья Нарышкина». В 1881 г. шведский архивариус Т. Вестин напечатал в «Новой иллюстрированной газете» статью о посольстве Оксеншерны, сопроводив ее биографическим очерком о Пальмквисте, извлечениями из текста и иллюстрациями. В Россию на эту публикацию откликнулись Я. К. Грот, Ю. В. Готье и С. Н. Шубинский. Русское археологическое общество постановило создать специальную комиссию для издания рисунков из сочинения Пальмквиста, а архив министерства иностранных дел собирался издать его перевод. В 1898 г. «Заметки о России» были изданы шведским Генштабом тиражом в 75 экземпляров, два из которых были переданы Оскаром II Николаю II.

В России первое известие о сочинении Пальмквиста относится, по всей вероятности, к 1840 г., когда Николаю I были доставлены 5 рисунков из его сочинения, которые А. В. Висковатов поместил затем в одном из томов «Описания одежд и вооружений русских войск». С тех

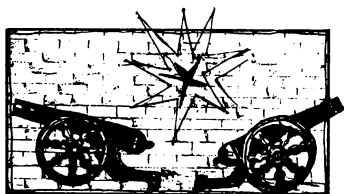
пор они часто воспроизводились в различных изданиях и стали почти хрестоматийными. Сам же текст сочинения Пальмквиста известен исследователям гораздо меньше. Это связано прежде всего с тем, что «Заметки о России» написаны скорописью XVII в. на языке, который по традиционной периодизации принято называть ранним новошведским. Его особенностью является отсутствие строгих грамматических и орфографических норм, выработанных лишь в XIX в. Иногда встречаются латинские, немецкие, голландские и французские слова и выражения. Все это представляет определенные трудности при работе с текстом.

В 1899 г. по заказу архива министерства иностранных дел полный перевод «Заметок о России» был выполнен переводчиком и издателем детских книг Эдуардом Андреевичем Гранстремом и частично опубликован М. В. Рубцовым, И. К. Линдеманом и А. А. Бобринским в различных изданиях в 1902–1914 гг.

В 1900 г. перевод сочинения Пальмквиста сделал окружной воинский начальник из Або (Турку) подполковник А. П. Вакуловский. В 1901 г. он также сделал обстоятельный доклад о сочинении Пальмквиста в Гельсингфорском офицерском собрании. Перевод Вакуловского хранится в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Литература:

Westrin T. Bilder från 1600-talets Ryssland//Ny illustrerad tidning. 1881. № 2–3; *Tarkiainen K.* Se Vanha Vainooja. Helsinki, 1986; *Tarkiainen K.* En bilderbok om Ryssland från 1674 i riksarkivet//Arkivvetenskapliga studier. 6. Stockholm, 1987; *Гром Я. К.* Новооткрытый памятник русской истории//Журнал Министерства народного просвещения. 1881/10; *Шубинский С. Н.* Шведское посольство в России в 1674 г.//Исторический вестник. 1882/VII; *Готье Ю. В.* Известие Пальмквиста о России//Археологические известия и заметки. 1899/3–4; *Джинчарадзе В. З.* Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII в.//Исторические записки. 39. 1952.

Неизвестная война

Всякая война кончается победой одной и поражением другой стороны. С этой точки зрения русско-шведская война 1656–1658 гг. является как бы исключением из правил. Она не принесла ощутимых успехов ни одной из сторон, в ней как будто не было победителей и побежденных. Поэтому она не привлекла особого внимания ни российских, ни шведских историков и является, по сути дела, «неизвестной» войной.

Русские дореволюционные историки, как правило, игнорировали связь этой войны с другими европейскими войнами середины XVII столетия, в частности, с первой Северной войной, и характеризовали ее как отклонение от внешнеполитической линии. Советские историки, отвергая такую точку зрения, рассматривали эту войну как очередной этап в борьбе за выход к Балтийскому морю. Они отмечали прогрессивный характер этой войны со стороны России, подчеркивая агрессивный характер внешней политики Швеции. Шведские историки, напротив, считали, что действия русских войск в Польше угрожали интересам Швеции, внешнеполитическая экспансия которой являлась средством защиты ее заморских территорий.

После заключения Столбовского мира, несмотря на нестабильность отношений между Россией и Швецией и наличие серьезных противоречий между ними, непосредственной военной угрозы для России со стороны Швеции не было. Удовлетворив свои территориаль-

ные притязания на Востоке, правящие круги Швеции отказались от дальнейшей экспансии в этом направлении. Для России же борьба за возвращение прибалтийских владений была пока преждевременной, поэтому оба государства стремились к сохранению *status quo*.

Приоритетным направлением внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. были отношения с Польско-Литовским государством. Их развитие определяло русскую политику на северном (Швеция) и южном (Крым, Турция) флангах. Внутреннее положение Польско-Литовского государства, ослабленного аристократическими междоусобицами, создавало благоприятные условия для возвращения Смоленских, Новгород-Северских и Черниговских земель. Первой, но неудачной попыткой реванша была Смоленская война 1632–1634 гг.

Новые возможности для возвращения захваченных Польшей территорий открывало крестьянско-казачье восстание под руководством Богдана Хмельницкого. В 1653 г. Земский собор принял решение о включении Украины в состав Московского государства, а в мае 1654 г. русское войско выступило в поход к польско-литовской границе. Уже в первые месяцы русские войска взяли Смоленск и значительно продвинулись вглубь Белорусских земель. В 1655 г. были взяты Минск, Гродно и Вильно.

Крестьянско-казачье восстание и военная кампания 1654–1655 гг. привели к ослаблению Речи Посполитой. Карл X, с понятным беспокойством наблюдавший за стремительным продвижением русских войск к Балтийскому побережью, не преминул воспользоваться благоприятной ситуацией для того, чтобы нанести решающее поражение своему сопернику Яну Казимиру, считавшему себя единственным законным претендентом на шведский престол после отречения королевы Кристины.

В июле 1655 г. шведы с двух сторон вторглись в Польшу. Считая московитов более страшным врагом по сравнению со шведами, польские дворяне в основной массе не оказали им действенного сопротивления. К осени шведы захватили большую часть Великой Польши и Литвы и преградили русским войскам путь к Балтийскому побережью. Теперь

уже русское правительство с тревогой наблюдало за тем, как «царского величества у ратных людей свейские ратные люди дорогу переняли». Шведские войска под командованием Магнуса Делагарди, заняв Жмудь и часть южной Ливонии, вышли к границам Полоцкой и Псковской земель. Ян Казимир бежал в Силезию, и Карл X выставил свою кандидатуру на польский престол.

В октябре 1655 г. литовские магнаты во главе с Янушем и Богуславом Радзивиллами подписали в местечке Кейданы договор об унии с Карлом X и перешли под его покровительство. Противники Радзивиллов провозгласили Великим князем литовским Алексея Михайловича. Литва, в которой появилось сразу три Великих князя, стала ареной ожесточенной политической борьбы между Россией и Швецией. Конфронтацию между ними усиливала активизация шведской дипломатии на Украине.

Карл X видел в Богдане Хмельницком союзника в борьбе с Яном Казимиром. Для гетмана, в свою очередь, было важно в борьбе с польской шляхтой заручиться поддержкой могущественной Швеции. Понимая, что война России со Швецией будет означать прекращение войны с Польшей, а возможно и крушение его планов, Хмельницкий стремился не допустить усиления конфронтации между Москвой и Стокгольмом и вел со шведами активные переговоры, которые Алексей Михайлович расценивал как попытку шведской стороны «отвратить от него казаков»*.

Не желая вести войну на два фронта, Карл X летом 1655 г. отправил в Москву посольство Густава Бьельке, поручив ему подтвердить условия Стокгольмского договора 1649 г. и установить демаркационную линию между шведскими и русскими войсками. Шведских послов ждал холодный прием. Переговоры начались только в январе 1656 г. Русская сторона сразу же перешла в наступле-

* В свое время Густав II Адольф пытался использовать украинское казачество как военно-политический фактор в борьбе с Сигизмундом. Выдвинув идею русского протектората над Украиной, он хотел тем самым вовлечь казачество и Московское государство в борьбу с Польшей.

ние. Русские дипломаты обвинили Карла X в «умалении» царского титула, в незаконном захвате территории, которые ранее были заняты русскими войсками, во враждебной России пропаганде в Литве, в попытках переманить на свою сторону украинских казаков и «отвести их от высокой руки царской» и потребовали, чтобы шведские войска ушли с территории Великого княжества Литовского. Переговоры зашли в тупик; к концу марта стало ясно, что войны избежать не удастся.

В апреле в Варшаву был послан Ф. Зыков с предложением начать переговоры о мире. Виленское соглашение с Польшей, которое вывело Русское государство из состояния войны с Речью Посполитой, было подписано в октябре, уже после начала военных действий. Только после начала военных действий начались переговоры и с наиболее вероятным союзником России — Данией. В июне 1656 г. в Копенгаген прибыл князь Д. Е. Мышецкий, которому было поручено вести переговоры о заключении русско-датского союза против Швеции. Однако датчане заняли выжидательную позицию, не желая раньше времени связывать себя договором. Они затягивали переговоры, пытаясь оценить военный потенциал России и убедиться в том, что она всерьез намерена воевать со Швецией. Д. Е. Мышецкий был задержан в Копенгагене и только в 1658 г. вернулся в Москву.

Таким образом, обращает на себя внимание тот факт, что до начала военных действий русские дипломаты не подписали ни одного союзного договора, направленного против Швеции. Антишведская коалиция не была создана, Россия вела войну в одиночку и вскоре оказалась перед единым фронтом европейских держав. Создается впечатление, что русские правительственные круги не были заинтересованы в заключении наступательных договоров против Швеции с третьими странами, так как в их планы не входила длительная война, на которую ее обрекало бы подписание таковых.

Особенно показательными являются переговоры с Данией, проливающие свет на действительные цели русской внешней политики в середине 1650-х годов. Если бы в пла-

нах русского политического руководства была длительная борьба со Швецией за Балтийское море, то в 1657 г., когда Дания наконец вступила в войну со Швецией, а Карл X «увяз в Польше», русская дипломатия должна была направить все свои усилия на создание антишведской коалиции, но именно в это время она была пассивна. Переговоры с Польшей и Данией в 1656 г. были предприняты, по всей вероятности, лишь для того, чтобы вовлечь их в войну против Швеции. Для Московского государства в то время антишведская политика не была аксиомой, как для Дании и Польши. Это позволяет предположить, что цель войны 1656–1658 гг. заключалась в том, чтобы устранить угрозу шведского влияния на сферу русских интересов в польско-литовских землях.

Война началась в середине мая, в июле-августе русские войска взяли литовские крепости Динабург и Кукейнос (Кокенгаузен) и 21 августа осадили Ригу, но взять ее не смогли. 12 октября русскими войсками, наступавшими на Ливонию со стороны Новгорода и Пскова, был взят Юрьев. Одновременно с операциями русских войск в Литве и Ливонии начались военные действия в районе Невы и Южного Приладожья. В июне отряд в 1500 человек под командованием П. Потемкина взял Ниеншанц и блокировал Орешек, он одержал также морскую победу над шведами: «у Котлина острова имел бой с немецкими людьми и взял полукорабель». Однако развить успех и взять Орешек Потемкин не смог.

К концу 1656 г. наступление русских войск прекратилось по всей линии фронта именно в тот момент, когда положение шведских войск в Польше резко ухудшилось. Весной 1657 г. военные действия возобновились. Шведам удалось перейти от обороны к наступлению. Они захватили Псково-Печерский монастырь и нанесли русским войскам поражение под Валком. В октябре шведская армия под командованием Магнуса Делагарди осадила Гдов, но взять его не смогла.

1658 год был отмечен ухудшением русско-польских отношений и осложнением ситуации на Украине. Иван Выговский, ставший гетманом после смерти Богдана

Хмельницкого, заключил в августе Гадячский договор с Польшей, возвращавший Украину под власть польского короля как особое автономное образование.

В этой ситуации продолжение войны со Швецией стало бесперспективным и создавало угрозу утраты Украины. В то же время цель войны можно было считать достигнутой: летом 1657 г. шведские войска ушли из Польши и вторглись в датские владения. Поскольку шведы больше не угрожали русским интересам в польских владениях, русское правительство сочло целесообразным отказаться от продолжения войны и начать переговоры о перемирии и восстановлении мирных отношений со Шведским государством, с тем, чтобы сосредоточить усилия на борьбе с Польшей. В результате предварительных переговоров с членами посольства Г. Бьельке, задержанного на время военных действий в Москве, было достигнуто соглашение о прекращении военных действий с 21 мая 1658 г. После этого русские и шведские представители встретились в местечке Валиесари неподалеку от Нарвы, где 20 декабря подписали договор о прекращении войны, по условиям которого за Россией временно, до заключения мирного договора, оставались все занятые русскими войсками территории, благодаря чему она получала выход в Балтийское море.

В 1660 г. между Швецией, Польшей, Австрией и Бранденбургом был подписан Оливский мирный договор, по условиям которого Польша уступала Швеции большую часть Ливонии, а Ян Казимир отказывался от претензии на шведский престол. Этот договор поставил Россию перед угрозой создания польско-шведской коалиции, направленной против России. Тогда Алексей Михайлович потребовал от Ордин-Нащокина, возглавлявшего русскую делегацию на переговорах со шведами, заключения мира даже ценой уступки захваченных у Польши земель.

По условиям Кардисского мирного договора 1661 г. Россия возвратила Швеции все завоеванные и отошедшие к ней по Валиесарскому мирному договору города Кокенгаузен, Дерпт, Мариенбург, Нейгаузен, Сыренск. Договор восстановил русско-шведскую границу, установ-

ленную в 1617 г., то есть вновь отрезал Русское государство от Балтики, но дал ему возможность сосредоточить силы для борьбы с Польшей.

По всей вероятности, наиболее точную оценку войне 1656–1658 гг. дал шведский историк М. Карлон, отметивший, что она была побочным результатом отношений России и Швеции с Польшей. Она не была запланирована, а произошла случайно под влиянием изменившихся отношений Швеции с Россией, вызванных войной в Польше.

Таким образом, если цель войны 1656–1658 гг. состояла в том, чтобы воспрепятствовать шведскому продвижению в прибалтийские владения Польши, то ее исход нельзя считать неудачей для Русского государства. «Неизвестная» война показала, что время для решения балтийской проблемы еще не наступило. С чисто военной точки зрения эта война была примечательна тем, что традиционный театр военных действий между Россией и Швецией переместился в прибалтийские провинции. Кроме того, впервые в истории русского военного искусства была предпринята попытка сочетать сухопутные операции с морскими. Бой у острова Котлин был первой морской победой русских над шведами.

Литература:

Форстен Г. В. Сношения России со Швецией во второй половине XVII в. (1648–1700)//Журнал Министерства народного просвещения. 1898/5; *Вайнштейн О. Л.* Русско-шведская война 1655–1660 гг.//Вопросы истории. 1947/3; *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М., 1998; *Широкорад А. Б.* Северные войны России. М.; Минск, 2001; *Carlson M.* Ryska kriget 1656–1658. Stockholm, 1903; *Christensen S.* Danisch-russischen Verhandlungen und russische Aussenpolitik in den Jahren 1656–1659//Scando-slavica. XXI. 1975; *Fagerlund R.* Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661. Åbo, 1979; *Haumant E.* La guerre du Nord 1656–1661. Paris, 1893; *Lappalainen J.* Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656–1658. Suomen suunnalla. Jyväskylä, 1972.

«Для прове́дывания всяких вестей...»

Военно-политическое соперничество Русского и Шведского государств имело своим следствием интенсивную разведывательную деятельность с обеих сторон. В Государственном архиве Швеции сохранился уникальный документ — список шпионов Эрика XIV, из которого явствует, что шведские агенты в России были не только в пограничных районах и при дворе новгородского наместника, но и в окружении царя. Известно также, что в 1568 г. Эрик XIV пытался использовать русскую агентурную сеть в Стокгольме для сбора информации о настроениях в шведской столице. Он просил русских дипломатов «узнавать про стокгольмских посадских людей, не хотят ли они королю изменить, а город сдать его братьям королевичам». Его брат Юхан III для получения информации о восточном соседе использовал русских перебежчиков в Швецию.

Шведы не оставляли без внимания приезжавших в их владения подданных русского царя. В 1605 г. для сбора информации о планах шведского короля Борис Годунов послал в Швецию толмача Ханса Англера. Перехватив его донесения, отправленные в Россию из Або и Стокгольма, шведы арестовали его и в свою очередь желали узнать, что у Бориса Годунова «было на уме против Его Королевского Величества в Швеции», а также, «является ли тот Дмитрий, который теперь стал правителем России, тем самым кровным сыном Ивана Васильевича или нет, и как вообще следует понимать его дело». Кроме того, Англер дол-

жен был раскрыть свои источники информации. В 1606 г. перешедший на шведскую службу Данил Головин получил 5 далеров для того, чтобы напоить русских купцов, прибывших в Швецию, и получить у них информацию о событиях в России.

В Смутное время Якоб Деллагарди создал в оккупированных его войсками Новгородских землях разветвленную агентурную сеть. Его лазутчики ходили из Новгорода в Москву и возвращались назад со всякими вестями, получая за это «многие деньги». Деллагарди держал их имена в секрете и никому не показывал, а прятал их у себя «в подклете».

Российское правительство также весьма интересовало дела ближайших соседей. По свидетельству Олауса Магнуса, московский Великий князь использовал в разведывательных целях скоморохов, которые собирали для него информацию о странах Западной Европы. Иван IV также придавал большое значение сбору разведывательной информации о своих вероятных противниках. Михалон Литвин отмечал, что для сбора политической и экономической информации русское правительство использовало также «перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, которые, разведав дела и разузнав о деньгах, состоянии и обычаях наших, беспрепятственно возвращаются восвояси; побывав у нас, они тайно передают своим наши планы». Генрих Штаден писал, что царь «не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне».

В XVII в. русские резиденты и тайные агенты в Стокгольме, Нарве, Риге и других городах добывали сведения о внутреннем положении Швеции, ее политике и торговле. О происшествиях при королевском дворе сообщали статейные списки послов. Московские власти собирали «вести» у всех своих подданных, побывавших в Швеции, а таких бывалых людей находилось немало. Помимо обычных дипломатических каналов политические новости собирались и посредством торговцев, посещавших столицу Русского государства. Благодаря близкому соседству и неточной демаркации границ между Росси-

ей и Швецией, население приграничных областей обеих стран не было национально однородным — там жило много русских людей, доставлявших московскому правительству ценную информацию. Русские торговые люди часто ездили в Стокгольм, где имелось русское подворье — колония купцов-москвитов.

Первому русскому дипломатическому представителю в Стокгольме Дмитрию Францбекову (1634–1636) было поручено не только вести официальные сношения со шведским правительством, но и «тайно проводывать от нарочитых людей добрых и досужих, кому бы доверить можно, и у агентов разных земель, как с цесаревыми людьми войну ведут... и чать ли миру».

Важную роль в получении военно-политической информации из Европы играл Новгород. Отсюда в Москву поступали переводы западноевропейских известий, сведения, полученные от проезжавших через Новгород иностранцев, и донесения русских купцов, возвращавшихся из шведских владений, или специально направленных туда лазутчиков. Организацией сбора информации ведали новгородские воеводы и дьяки Приказной избы. Приходили в Новгород вести и непосредственно с границы — от командира пограничной заставы на реке Лавуе Федора Обернибесова, доносившего воеводе, что в Орешке (Нотебурге) был усилен шведский гарнизон, «да от зарубежных мужиков слух несется, что еще будет людей в Орешек».

Взаимная разведывательная деятельность активизировалась во время внутренних смут и неурядиц. Так было во время Новгородского восстания 1650 г. Восстание началось 15 марта, а 28 марта новгородский воевода Федор Хилков сообщал в Москву о том, что в Новгород приехал шведский подданный — якобы для торговли. Он внушил подозрение новгородским властям тем, что «товары у него небольшие». Поэтому воевода предположил, что швед прибыл не для торговли, а для «проведывания вестей». Следует отметить, что шведы действительно проявили к восстанию самый пристальный интерес. О нем сообщали в Стокгольм дипломатический представитель Карл Померенинг, торговый представитель Юхан

де Родес, шведский торговый фактор в Новгороде Адольф Эберс, шведский резидент Якоб де Мулин.

В свою очередь московские власти интересовались реакцией шведского правительства на события в Новгороде и Пскове. Отправленному на подавление восстания князю П. Хованскому было поручено выяснить, не ссылались ли восставшие «с окрестными государствами, с поляками и немцами (шведами. — Г. К.)». Информация, интересовавшая правительство, поступала в Москву из Новгорода прежде всего от новгородцев, побывавших в шведских владениях. В Приказной избе опрашивали всех вернувшихся из Швеции. 1 апреля давал показания Алешка Нестеров, ездивший в Колывань (Таллин). Он рассказал, что военных приготовлений там он не заметил, а «с цесарем (германским императором) и поляками у свеян мир или война, про то он не ведает и слышать ни от кого не случилось». 5 апреля посадский человек Федор Свечник, побывавший в Канцах (Ниеншанце) и Выборге, рассказал о том, что «слышал от торговых от русских людей, что королева с цесарем помирились», а в Выборг вернулись взятые оттуда на службу солдаты.

О реакции Швеции на новгородские и псковские события можно было судить и по сообщениям лазутчиков. Так, 20 апреля 1650 г. «пришел на государеву заставу зарубежский мужик Федыка Романов и про вести зарубежские сказывал». Он, в частности, рассказал, что в Канцах о событиях в Новгороде и Пскове стало известно «от тех немец (шведов. — Г. К.), что на Руси засажены», т. е. от шведских агентов. Узнав о восстании, комендант Ниеншанца распорядился, чтобы «все служивые люди по всем уездам были готовы, а числом их, сказывают, восемь прапоров».

По распоряжению из Москвы новгородские власти засылали на шведскую территорию купцов «для проведывания вестей». Так, в июне 1650 г. с проезжей грамотой для торговли в Ивангород и Нарву был отправлен торговый человек Никита Тетерин. Кроме документа, удостоверявшего, что он «отпущен для торговли с товаром», ему из государевой казны была выдана довольно крупная сумма денег. Вернувшись в Новгород через 20 дней, он сообщил

о военных приготовлениях на границе: «Слышал от торговых людей, что из Ниеншанца в Орешек привезли сто бочек зелья, да триста мушкетов, да триста шпаг, да триста заступов железных, да ядра железные, да пять пушкарей, а шестой над ними начальник. А был тот начальной человек в Цесарской и в Испанской, и в других землях в бою». Еще он доложил, что между Выборгом и Або «стоят два приказа солдат числом 1200, а начальник над ними Нильс Ассерсон, а до тех мест он был в бою с ратными людьми против датского короля». В Ниеншанце шведский генерал расспрашивал его о событиях во Пскове, но Никита сказал ему, что он человек не служивый, торговый, во Пскове не был и о псковских событиях ничего не знает.

Не оставались без внимания русской разведки и события, происходившие в самой Швеции. Так, в 1653 г. купец Иван Микляев, вернувшийся в Новгород из Стокгольма, рассказал, что королева Кристина уехала со своим двором в Упсалу, «а для чего выехала, не ведает». О «моровом поветрии» в Швеции сообщили новгородским властям Семен Стоянов и Иван Карпов. Это сообщение не было случайным. Сведения о «моровых поветриях» — эпидемических заболеваниях — интересовали русское правительство, которое стремилось не допустить их распространения в России.

По сообщению С. Коллинса, А. Л. Ордин-Нащокин, узнав о том, что в Лондоне свирепствует чума, запретил английским купцам въезд в Россию, сказав при этом: «Как нам знать, не вывезены ли товары из зараженных домов? А довольно искры, чтобы зажечь целый мешок с углями». Иногда информацию получали на месте от шведов, проживавших в Новгороде. В 1652 г. Максим Воскобойников сообщил властям, что от приказчика шведского торгового двора в Новгороде Адольфа Эберса ему стало известно о переговорах между Швецией и Польшей, и что в Польшу пришли «запорожские казаки с татарами 200 тысяч, да турецких людей 80 тысяч на Буг реку и в город».

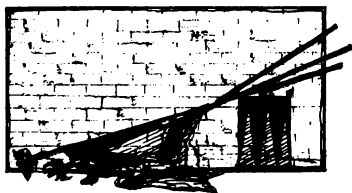
Русские купцы направлялись за границу не только «для проведывания вестей». В 1651–1652 гг. новгородские купцы Петр Микляев и Максим Воскобойников выпол-

няли в Швеции и Германии специальное поручение. С их помощью был задержан и препровожден в Москву беглый подьячий Новой Четверти Тимофей Анкидинов (Анкудинов), выдававший себя за сына или внука Василия Шуйского и доставивший много беспокойства царю.

В исторической литературе иногда высказывается мнение, что в XVII веке Россия была изолирована от Европы и в Москве плохо представляли европейские дела. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что даже простые новгородцы неплохо разбирались в международной обстановке и использовали свои знания для сбора политической и военной информации.

Литература:

Мятежное время. Следственное дело о Новгородском восстании 1650 года. СПб.; Кишинев, 2001; *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Восстание Московского государства. СПб., 1999; *Кобзарева Е. И.* Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях//Вестник МГУ. 1989/2; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 1996; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.

Предупреждение, не услышанное королем

С началом Северной войны на шведов обрушился целый поток пропагандистских материалов: памфлетов, официальных публикаций и военных бюллетеней, содержащих много отрицательного и даже унижительного для России. И в это же время весной 1706 г., когда Карл XII преследовал Августа II в Саксонии, в Стокгольме вышла небольшая книга анонимного автора под названием «Описание положения границ, областей, городов, правления, власти, обычаев и других свойств России». Предполагают, что ее автором был бывший секретарь канцлера Магнуса Делагарди Ёран Вискель.

Источниками его сочинения послужили западноевропейские описания России, авторами которых были Петр Петрей, Адам Олеарий, Джон Перри, Николай Бергиус, а также анонимные немецкие сочинения начала столетия. Вполне возможно, что ему было известно также сочинение Григория Котошихина, написанное им для Магнуса Делагарди. В целом работа Вискеля не представляет особого историографического интереса. Как справедливо заметил шведский исследователь Самюэль Бринг, «с точки зрения содержательности небольшая работа Вискеля вряд ли представляет большой интерес для шведского читателя, поскольку она не основана на личных наблюдениях, а представляет собой компиляцию из нескольких иностранных сочинений, о чем, впрочем, автор сам сказал во введении».

Гораздо больший интерес представляет ее политическая направленность. Автор описывает Россию как огромную страну, простирающуюся от Северного Ледовитого океана до Китая и обладающую неисчерпаемыми запасами природных ресурсов. Многие в этой стране представляются автору экзотическим: одежда, прически, дома, обычаи, религия. Однако он не считает русских ни варварами, ни язычниками, а сравнивает их с европейскими народами. Он пишет о попытках Петра I модернизировать Россию, о свободе вероисповедания, отмене запрета на поездки за границу, благодаря чему россияне начали ездить в Европу для изучения языков, навигации, военного дела.

Что касается военного дела, то Виксель пишет, что в России оно имеет свои особенности. Он считает, что оборона России опирается не столько на систему пограничных крепостей, сколько на размеры территории. Мало-населенные и необжитые приграничные территории могут стать непреодолимой преградой на пути любого агрессора. События последних лет показали, что модернизация и перевооружение русской армии начали приносить свои плоды. Повысились ее боеспособность и численность. Он полагает, что царь может поставить под ружье более 400 тысяч человек. Правда, он считает, что численное превосходство не всегда гарантирует победу, которой можно добиться и небольшими силами, если у солдат высокий боевой дух, а командиры думают не только о победе, но и о том, как избежать ненужных потерь.

В качестве примера он приводит победу Карла XII под Нарвой в 1700 г., когда король с 8000 солдат разгромил 80-тысячную русскую армию, осаждавшую крепость. Он считает, что эта победа могла бы принести больше успеха, если бы тогда король довел борьбу с Россией до конца. Он пишет, что после того, как Карл XII вытеснил войска Августа II из Ливонии, у него не было необходимости вести свои войска в Литву и Польшу. Начав польскую кампанию, он дал русским соблазн и повод вторгнуться в Балтийские провинции Швеции. Он заканчивает этот раздел книги такими словами: «Что произойдет в одном или дру-

гом месте, когда столкнутся враждебные силы и партии, покажет время».

Виксель считает, что война с Россией еще не закончена, но предостерегает Карла XII от наступательной войны. Он пишет, что царь использовал полученную им передышку для того, чтобы модернизировать армию, и указывает, что на территории России шведская армия может столкнуться с такой опасностью, как тактика выжженной земли.

Книга Викселя по своему тону сильно отличалась от многих западноевропейских сочинений о России и представляла резкий контраст официальной пропаганде. Виксель не считал Россию и Швецию исконными врагами. Он писал, что традиционными врагами русских были турки и татары, а не шведы. Что же касается шведов, то с ними у русских, равно как и с поляками, часто случались вооруженные конфликты из-за спорных пограничных территорий, но их вражда не была аксиомой.

Не удивительно, что книга Викселя сразу была запрещена цензурой как непристойная и недостоверная. Весь тираж был конфискован прямо в типографии и передан на хранение в Государственный архив. Газета «Стокхольмске Пост-Тидендер» назвала ее «наполненной немислимым вздором и явной ложью».

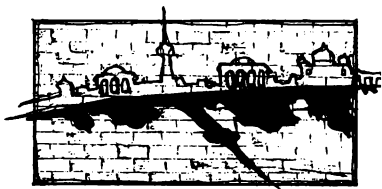
Книгу Викселя можно считать предостережением шведскому королю, но Карл XII не услышал его. Летом 1707 г. он двинул свою армию вглубь России. Как отметил Ш. Монтестье, стратегические замыслы короля оказались ему не по силам, поскольку он «задумал сокрушить не государство в период упадка, а империю в период ее рождения». Столкнувшись с тактикой выжженной земли, оказавшись на безлюдной и опустошенной территории, он был вынужден повернуть свою армию на Украину навстречу Полтавской катастрофе.

Тем не менее в исторической перспективе Полтава была в большей степени не национальной, а личной катастрофой короля. Современный шведский историк Петер Энглунд отметил, что «одна из дорог, приведших к сегодняшнему богатству и преуспеванию Швеции, началась именно там, на равнине под Полтавой». По его мнению,

Полтавская битва была для шведов катастрофой лишь с точки зрения краткосрочных последствий. В долгосрочном плане она принесла пользу. Развал империи нанес удар по национальной гордости шведов, но избавил их от тяжелого бремени военных расходов. Тогда Швеция сделала первый шаг к государству всеобщего благополучия — «народному дому», жители которого сегодня чувствуют себя членами одной семьи.

Литература:

Beskrifning om Rysslands belägenhet, gränntzor, städer, styrelse, makt, plägseder och andra beskafenheten nu för tiden. Stockholm, 1706; *Bring S. E.* En censurerad svensk Rysslandsskildring från det stora Nordiska krigets tid//*Nordisk tidskrift för Bok och Biblioteksväsen.* VI. 1919; *Кан А. С.* Россия и Швеция в прошлом и настоящем. М., 1999; *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Шведская модель для Петра I

«Гений Петра», отмеченный Пушкиным, заключался не только в том, что он мог извлекать урок из поражения и обращать его в победу, но и в уважительном отношении к противнику, которого в XVIII веке, как правило, называли не врагом, а неприятелем. Швеция была для Петра I не только государством-соперником, победа над которым была победой над «славным и регулярным народом», но и государством-образцом.

Северная война стала для Петра I суровой школой. Уже первые месяцы войны заставили его изучать и перенимать шведский военный опыт. Поэтому петровские реформы начались с реформы армии.

При ее проведении был использован шведский опыт поселенной системы, при которой в мирное время войска размещали среди крестьянского населения податных округов. Из этой системы был заимствован территориальный характер формирования и содержания полков, их расквартирование в крестьянских и мещанских домах той губернии, к которой эти полки были приписаны и на деньги которой содержались. Даже обувь для армии должны были шить по шведским образцам: «Драгунские сапоги и солдатские башмаки делать на шведский манер». От шведов переняли также наказание шпицрутенами, которое считалось самым тяжелым и позорным наказанием военнослужащих.

В результате проведения военной реформы русская армия стала постоянной, национальной и регулярной,

а Россия стала великой европейской военной державой.

Полтавская баталия стала убедительным доказательством успеха военной реформы. Превзойдя Карла XII в этой сфере, Петр I хотел опередить шведов и в сфере гражданской. Он полагал, что Швеция ближе всего к России и по своим природным условиям, и по уровню развития. Экономические системы Швеции и России были отчасти похожи, а шведская строго централизованная административная структура являлась отражением абсолютистской формы правления и импонировала русскому царю. Простая и рациональная политическая система Швеции представлялась Петру I наиболее подходящим воплощением модели цивилизованного абсолютизма, который он хотел воспроизвести в русских условиях при проведении реформ центрального и местного управления.

В 1716 г. он направил в Швецию перешедшего на русскую службу опытного голштинского чиновника Георга Генриха Фика. Ему было поручено собрать материалы о шведских коллегиях и пригласить в Россию опытных шведских чиновников. Исполнение этого поручения во враждебной стране было сопряжено со значительной опасностью. Тем не менее Фику удалось собрать самые подробные сведения об устройстве шведских коллегий и вывести в Россию множество печатных и письменных материалов. Только вот охотников ехать в Россию, чтобы занять места асессоров в русских коллегиях, ему найти не удалось.

В 1711 г., отправляясь в Прутский поход, следуя примеру Карла XII, поручившего управление страной «Сенату в Стокгольме», Петр I учредил Правительствующий Сенат «для отлучек наших» как постоянное государственное учреждение для координации работы государственного аппарата в условиях войны. За образец была взята шведская Королевская канцелярия, представляющая собой особое координирующее учреждение, ведающее внешними и внутренними делами королевства.

В 1717–1722 гг. на смену приказам пришли специализированные учреждения — коллегии («собрания многих персон»). Их структура, функции, режим и порядок

работы, система делопроизводства, отчетности, титулы, ранги, жалованье чиновников были скопированы в Швеции. Однако при этом были созданы коллегии, не имеющих аналогов в шведской системе (Вотчинная, Малороссийская, Духовная и Мануфактур-коллегия).

Провинциальная реформа 1719 г. в основных чертах воспроизводила трехчленную систему шведского местного управления (приход — дистрикт — земля), но по приказу Петра I «спускалась с русским обычаем». Поэтому из нее был изъят приход — низовое звено с участием крестьян, поскольку «в уездах ис крестьян умных людей нет».

В ходе податной реформы 1718—1728 гг., проводившейся по шведскому образцу, в дистриктах были размещены армейские полки, и командиры полков получили большую власть в низшем звене местного управления.

Судебная реформа 1719 г., целью которой было создание централизованной системы судебных органов, замкнутой на Юстиц-коллегию, также проводилась по шведскому образцу. Однако, поскольку подготовленных юристов, из которых формировался состав шведских судов, в России не было, отделить судебную власть от исполнительной не удалось.

Церковная реформа Петра I преследовала цель подчинить духовную власть светской, превратить церковь в одно из звеньев бюрократической системы абсолютистского государства. В конфессиональных вопросах Петр I был прагматиком. Он смотрел на церковь как на инструмент воспитания верноподданных, школу воспитания нравственности. Образец церковной реформы был заимствован в Швеции, где церковь не вмешивалась в государственные дела. В результате реформы церковь утратила свою независимость и была инкорпорирована в бюрократическую систему, превратилась в послушную служительницу светской власти.

По мнению шведского исследователя К. Петерсона, Петр I пытался создать государственный аппарат, соответствующий аппарату Карла XI, при котором в Швеции окончательно утвердилась самодержавная форма правления.

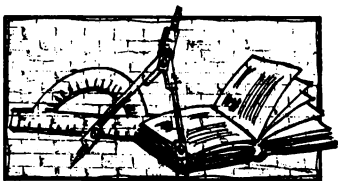
Таким образом, при проведении реформ Петр I широко использовал шведскую модель. Однако, как отметил известный специалист по российской истории XVIII в. Е. В. Анисимов, воспроизвести ее полностью «Петр не смог, да и не стремился к этому. Русские учреждения отличались от шведских не столько номенклатурой должностей, численностью чиновников или тем, что коллегиальное управление не охватило всего центрального управления, сколько тем, что взятые образцы были вырваны реформатором из шведского государственного «контекста», в котором они являлись органичным элементом всего устройства шведского государства с характерной для него разветвленной системой сословно-представительных органов, самоуправляющихся городов и сельских общин, с неотменяемыми сословными привилегиями, личной свободой всего населения... Росток бюрократического дерева, контролируемого в своем развитии на шведской почве риксдагом и местными выборными органами, был высажен на русскую почву, не имевшую или, точнее сказать, давным-давно утратившую всякие черты самоуправления и элементы сословного представительства».

Поэтому довольно скоро обнаружилась невозможность нормального функционирования шведской модели в российских условиях. Шведская административная система основывалась в своих низших звеньях на свободном крестьянстве и, кроме того, была органически связана с национальной податной системой, с особенностями поземельного права, налогообложения и пр. Опыт применения шведской модели на русской почве убедительно показал, что на ней успешно функционировали лишь те ее составляющие, которые более или менее органично вписывались в канву исторического развития страны.

Литература:

Алексеева Е. В. Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. 2006/2;
Анисимов Е. В. «Шведская модель» с русской «особностью»: Реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. 1995/1;

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997; *Власть и реформы.* СПб., 1996; *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999; *Маньков А. Г.* Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970; *Некрасов Г. А.* Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975; *Троицкий С. М.* Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII в. // Вопросы истории. 1977/2; *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedens and the Process of Reception. Stockholm, 1979.

Культурная миссия каролинов

Неизбежным продуктом войн являются пленные. В новое время под пленом стали понимать ограничение свободы лиц, принимавших участие в военных действиях, с целью недопущения к дальнейшему участию в них.

В XVIII веке в ряде европейских стран сложилась довольно четкая и сравнительно гуманная система содержания военнопленных. Тем не менее до конца XIX века в международном праве не было многосторонних соглашений, устанавливающих режим военного плена. Первая конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, зафиксировавшая нормы, регулирующие режим военного плена, была принята только в 1899 году на мирной конференции в Гааге.

С массовым притоком военнопленных Русское государство столкнулось в годы Северной войны. В общей сложности в России за годы Северной войны скопилось свыше 25 000 пленных шведских каролинов. Первые шведы (около 114 человек) оказались в русском плену в декабре 1701 года. В плен брали не только солдат и офицеров, но и членов их семей, и мирных жителей прибалтийских городов. Так в 1702 г. при сдаче Мариенбурга в числе «свейских пленников» оказалась жена шведского солдата Марта Скавронская — будущая российская императрица Екатерина I.

В ходе военной кампании 1704 г. в Прибалтике в русский плен попало свыше 3000 человек. В сражении под Калишем в 1706 г. было взято в плен 5000 шведов. В интересах

внутренней безопасности первые «шведские арестанты» были разделены на несколько групп и высланы в различные города России: Нижний Новгород, Тулу, Владимир, Муром, Переяславль-Рязанский, Коломну, Астрахань и Казань.

В 1709 г. под Полтавой и у Переволочны в плен попало более 22 000 шведских военнослужащих и гражданских лиц (женщин и детей, сопровождавших армию). Петр I распорядился накормить пленных и выплатить им денежное содержание, соответствующее жалованию солдат и офицеров русской армии. При этом им было разрешено отправлять известные им ремесла, зарабатывать деньги своим трудом. Тогда же была проведена перепись военнопленных, в ходе которой были выявлены кузнецы, токари, плотники, колесники, слесари, шорники, седельные и ружейные мастера, гончары, каменщики. Их профессиональные навыки предполагалось использовать для того, чтобы извлечь хоть какую-то пользу из пребывания большого количества специалистов в стране.

Все «шведские арестанты» поступили в ведение Военной коллегии. Сановники и генералитет (начальник полевой канцелярии Карла XII граф Пипер, фельдмаршал Реншельд, генералы Крейц и Левенгаупт, секретарь Цедерельм, кригс-комиссары Тунинг и Меландер) были переданы под контроль высших чинов русской армии. Впоследствии они были уполномочены Карлом XII представлять интересы шведских военнопленных в России и создали в Москве своего рода управление по делам шведских военнопленных. Остальные были отправлены в ближние города Севск, Чернигов, Киев, Азов и Воронеж. 21, 26 и 27 декабря 1709 г. несколько тысяч каролинов приняли участие в праздничных торжествах, пройдя маршем по улицам Москвы.

После этого их разбили на команды, выдали кормовые деньги и под охраной отправили в назначенные для их проживания города: Петербург, Новгород, Клин, Суздаль, Ярославль, Серпухов, Переяславль-Залесский, Галич, Коломну, Тулу, Вологду, Казань, Свияжск, Нижний Новгород, Астрахань, Уфу, Чебоксары и др.

В условиях продолжавшейся войны Русское государство не могло взять на себя содержание пленных каролинов. Поэтому они были поставлены перед выбором: перейти на русскую службу, работать на государство или перейти в руки частных лиц, которые взяли бы на себя расходы по их содержанию. Часть пленных шведов в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г. оказалась в холопской зависимости от частных лиц, у которых они проживали. Многие «шведские арестанты» были приписаны к различным ведомствам или предприятиям, испытывавшим постоянную нужду в квалифицированной рабочей силе.

За полтора десятилетия пребывания в России пленные шведы показали себя умелыми мастерами. Их присутствие позволило хотя бы частично компенсировать нехватку квалифицированных кадров.

В Тульском крае их труд использовался на строительстве канала, связавшего в единую судоходную систему бассейны рек Дона и Оки. После окончания работ в 1713 г. около 300 шведских военнопленных во главе с сержантом Олевом Иску и капралом Ларсом Лундом было переведено на строительство тульских оружейных заводов. Здесь их использовали также для подготовки русских мастеров-оружейников.

Каролины внесли свой вклад в строительство Петербурга. Вместе с русскими мастерами и работными людьми шведские каменотесы, столяры и плотники строили Гостиный двор, здание Коллегий, Петропавловский собор, Александро-Невский монастырь, первый Зимний дворец, Петергоф. Они участвовали в «плетении ограды» Летнего дворца и в разбивке Летнего сада, южная часть которого до конца XVIII в. именовалась «Шведским садом».

Шведские мастера обучали русских людей, передавали им свой опыт. Каменоломщик Нильс Ландрин обучил в Петербурге 15 русских, а мурмейстер (каменщик. — Г. К.) Улоф Люсти в 1714 г. руководил строительными работами русских мастеров в Александро-Невском монастыре. Лекарь Яган Штаркин лечил не только своих соотечественников, но и русских людей.

Порой пленные шведы выполняли ответственные и сложные поручения. Так Ларс Лин с соотечественниками и русскими плотниками в 1718 г. возводил шпиль Петропавловской колокольни и купол собора, а Карл Вридрих в 1716 г. выполнял важные чертежные работы.

В 1718 г. на петербургских артиллерийских заводах в Петербурге работали 10 шведских мастеров — токарей, плотников, пильщиков, принявших русское подданство; на пильной мельнице Александро-Невского монастыря работал швед Эколяней, принявший в 1720 г. православие под именем Стефана Михайлова.

Некоторые шведы зарабатывали себе на жизнь ремеслами, не получившими широкого распространения в России: они делали парики, табакерки, очки, пудру, игральные карты.

Весной 1711 г. в Казани и Свияжске был раскрыт заговор шведских военнопленных, замысливших побег в Польшу, где в это время была шведская армия. В условиях возобновившейся войны с Турцией присутствие потенциальной «пятой колонны» в центре страны и на южных окраинах было крайне нежелательным. Поэтому летом 1711 г. начинается массовая высылка каролинов в сибирские города Томск, Красноярск, Тюмень, Симбирск, Соликамск, Сургут, Березов, Мангазею и др. Около 1500 пленных было выслано в Тобольск, который, по определению шведского исследователя Альфа Оберга, стал «городом каролинов».

Отмечая цивилизаторскую роль каролинов в освоении Сибири, Г. В. Шебалдина считает, что «вольно или невольно шведы воплотили в жизнь надежды русского царя по скорейшему освоению этого региона. Пребывание шведских военнопленных в Сибири было определенным этапом в развитии этого края».

Многолетнее пребывание каролинов в России принесло ей немалую пользу. Можно сказать, что они стали не только проводниками шведского опыта в России, но и частью ее населения. Вот что писал об этом автор первого русского исследования о каролинах в России Я. К. Грот: «Они завели фабрики и мануфактуры, как живописцы, мастера золотых и серебряных дел, токари и знающие прочие

ремесла ввели всюду полезную роскошь; как музыканты, комедианты, фабриканты карт и трактирщики они сделали для русских наслаждение жизнью приятнее и разнообразнее и споспешествовали, сколько могли, обучению юношества».

В этом плане весьма показательна история шведской школы в Тобольске. Она была открыта в 1713 г. по инициативе Брура Роламба при поддержке губернатора М. П. Гагарина. Это была типичная для Швеции школа с подготовительным классом и пятью классами основного обучения. В школе было два потока: немецкий и шведский. Шведские дети обучались в основном на родном языке, а также изучали немецкий язык и некоторые предметы на нем. Немецкие, русские, украинские дети и представители народов Сибири обучались на немецком языке. Обучение было бесплатным. Родители оплачивали только стоимость еды (бедные семьи освобождались и от этой платы). В 1717 г. при школе была открыта больница на 74 койки.

Светские и духовные власти не обходили школу вниманием, ее посещали генерал-губернаторы Сибири Матвей Петрович Гагарин и Алексей Михайлович Черкасский, митрополит Тобольский Филофей Лещинский. Известно, что Петр I поддержал открытие школы и разрешил обучение в ней местного населения. Он считал, что школа будет способствовать превращению Тобольска в культурный центр Сибири.

Школа была закрыта в 1721 г. после подписания Ништадтского мира, по условиям которого все шведские пленные получили возможность вернуться домой. Так закончился 10-летний эксперимент по внедрению в российскую систему образования передовых европейских методик преподавания.

Пленные шведы внесли также вклад в развитие музыкальной культуры Сибири. По инициативе шведского композитора Густава Блидстрёма, взятого в плен под Полтавой, из пленных шведских музыкантов в Тобольске был создан оркестр, в состав которого входили флейта, труба, гобой, ударные инструменты. Здесь он сочинил 40 маршей, 170 менуэтов. Еще один музыкальный ансамбль,

состоящий из шведских военнопленных, был образован в Томске под руководством коменданта города В. Г. Козлова.

В 1715–1717 гг. некоторые каролины, среди которых преобладали немцы, набранные Карлом XII в Саксонии, приняли участие в освоении Камчатки, в экспедициях И. Бухгольца на Иртыш и А. Бековича-Черкасского в Хиву. Они внесли свой вклад в изучение и картографирование Прииртышья и восточного берега Каспийского моря. Участник экспедиции Бухгольца Юхан Густав Ренат, попав в плен к джунгарскому хану Цэван-Рабдану, научил его подданных плавить железную руду, лить пушки и стрелять из них. Вместе со своим соотечественником Дебешем он наладил в Джунгарии производство сукна. Ренат занимался также поисками золотых месторождений, был военным советником хана и составил карту Джунгарии*.

Его соотечественник Юхан Кристофер Шнитшер сопровождал русское посольство к Аюке-хану. Свои впечатления от поездки он описал в книге «Рассказ о Калмыкии Аюки-хана», которая является первым историко-этнографическим описанием калмыков.

Полковой священник Генрих Сёдерберг, взятый в плен под Полтавой, занимался обучением детей в Москве. По возвращении на родину он написал «Заметки о религии и нравах русского народа».

Значительный вклад в изучение географии России внес капитан Филипп Иоганн Страленберг, составивший карту Сибири, которая охватывала всю Россию, Камчатку и даже часть Японии. Вернувшись в Швецию, он издал ее в 1730 г. в Любеке, сопроводив пространным историко-географическим описанием под названием «Историческое описание Северной и Восточной части Европы и Азии», содержащим сведения о русской генеалогии и этнографии, а также археологическую, филологическую и военную информацию.

* Джунгария (Чжунгария) — горная страна в Средней Азии между Тянь-Шанем и Алтаем. До завоевания Китаем в 1758 г. — государство монголов, джунгаров и ойратов.

Шведский инженер Лоренц (Лаврентий) Ланг представлял торговые интересы России в Китае в 1719–1721 гг., сопровождал Петра I в Персидском походе 1722–1723 гг., ездил с дипломатической миссией в Константинополь, был вице-губернатором в Иркутске.

Положение офицеров, которых старались содержать как почетных пленников, и рядовых шведов в русском плену было различным. Вот как писал об этом один из каролинов корнет Бартольд Эннесс: «С пленными офицерами в России вообще обращались хорошо; они пользовались большой свободой, если только вели себя тихо и порядочно, оставаясь в тех городах, куда были посланы, но в случае неудачной попытки бежать с ними поступали строго, а часто даже и жестоко. Сибирский губернатор князь Гагарин старался всячески облегчить судьбу шведских пленных и выделял им не раз по несколько тысяч рублей для раздачи наиболее нуждавшимся. Унтер-офицеры и рядовые находились в совершенно других местах, где должны были исполнять тяжелые работы, особенно в сибирских рудниках и при построении Петербурга».

Нехватка квалифицированных кадров в России натолкнула Петра I на мысль об использовании на русской государственной и военной службе шведских военнопленных, имеющих соответствующие специальности и знавших русский язык. Он надеялся обрести в них помощников в деле модернизации страны. Прежде всего, на русскую службу стали приглашать неприродных шведов из завоеванных русскими войсками Остзейских провинций.

В 1711 г. Петр I предписал фельдмаршалу Б. П. Шереметеву предлагать лифляндским офицерам вступать в службу «в виду недостатка у нас офицеров». Специальные указы 1717 и 1718 гг. приглашали на гражданскую службу в коллегии не только остзейцев, но и «природных шведов». Поступившим на русскую службу гарантировалось щедрое вознаграждение, использование только на гражданской службе и возможность вернуться на родину после окончания войны.

Еще одна попытка набрать государственных служащих из шведских военнопленных была предпринята уже

в преддверии заключения Ништадтского мирного договора. В апреле 1721 г. был издан специальный манифест, предлагавший шведским военнопленным свободу в обмен на российское гражданство с обретением прав собственности, семейной жизни, выбора места жительства и занятий, подтверждением сословных преимуществ и сохранением «природной веры». Особо подчеркивалось, что «никакой природный швед противу отечества своего служить не принуждается».

Однако лишь немногие каролины откликнулись на призыв Петра и пополнили ряды российских канцеляристов. Известно, что в 1719 г. в штат коллежских чиновников были зачислены ассессор Ревизион-коллегии И. Б. Миллер, переводчик Е. Рыхерт, актуариус Камер-коллегии Ю. Грове и еще несколько человек. До высоких административных постов дослужился Карл Христиан Принценшерна.

Причины перехода на русскую службу были самые разные: неизбежные тяготы плена, полунищенское существование, отсутствие достаточной и регулярной помощи из Швеции, а также чувства страха и даже любви. Так корнет Эрик Мурман, в течение нескольких лет не получавший денежной помощи из Швеции, оказался в таком тяжелом положении, «что вынужден был взять русскую службу». Петр Бринкин перешел в русское подданство, чтобы спастись от гнева своих соотечественников. Братья Эренборг перешли на русскую службу, чтобы избежать наказания за участие в казанском заговоре. Капитана Эрика Друандера поступить на русскую службу и перейти в православие заставила любовь к некой Марии Молоковой, с которой он обвенчался уже на следующий день после принесения присяги царю.

Ништадтский мир был заключен 30 августа 1721 г., и уже 30 сентября последовал указ Сената Военной коллегии, разъяснявший условия освобождения и возвращения на родину шведских военнопленных. Каролинам была предоставлена возможность остаться в России, пользоваться свободой вероисповедания и выбирать место жительства.

Пленные освобождались без выкупа, но были обязаны рассчитаться с долгами. Принявшим православие

выезд из России был запрещен. Военнопленный, женатый на россиянке, но не перешедший в православие, получал свободу, которая, однако, не распространялась на его жену и детей. Военнопленные на подводах добирались до Санкт-Петербурга, где поступали в распоряжение Военной коллегии, которая должна была обеспечить их транспортировку до границы, «учинив им досмотр заповедных и неявленных товаров». В Военной коллегии они получали паспорт на выезд и шпагу. Их обеспечивали одеждой, обувью, солью и провиантом на месяц по солдатской норме.

До середины 1722 г. в Швецию из России было репатрировано около 6000 военнопленных. Репатриация продолжалась и в последующие годы, хотя и в значительно меньших масштабах. Последний каролин Ханс Аппельман вернулся в Швецию в 1745 году. Точных данных о том, сколько всего каролинов вернулось из русского плена, нет. В работах шведских и российских историков приводятся самые разнообразные цифры. Шведский исследователь Альф Оберг считает, что в Швецию вернулось около четверти пленников. Российские историки, как правило, объясняют это тем, что большая часть пленных добровольно осталась в России. Шведские исследователи связывают эту ситуацию с высоким уровнем смертности среди пленных, прежде всего нижних чинов, особенно в первые годы плена.

Характеризуя деятельность пленных каролинов в России, А. С. Кан пишет: «Вынужденная «культурная миссия» шведских каролинов... была осуществлена несколькими сотнями офицеров и наиболее грамотной частью рядовых из 25 тыс. пленных... То была вторая после жителей Немецкой слободы в Москве столь крупная группа приезжих из более развитой страны. В качестве наставников или исполнителей мы находим «каролинов» на уральских заводах, на донских верфях, на строительных площадках Санкт-Петербурга, наиболее преуспевших — в пышных париках своего времени».

Как справедливо отметила Г. В. Шебадина, «деятельность шведов в большинстве случаев не носила целе-

направленного цивилизаторского характера, а явилась результатом необходимости приспособления к многолетнему пребыванию в русском плену». Тем не менее готовность молодой России перенимать всё новое и передовое в сочетании с длительным пребыванием в стране носителей европейского производственного, культурного и административного опыта способствовала внедрению элементов европейской культуры в различные области жизни русского общества, а также культурному сближению двух народов.

Литература:

Грот Я. К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом//Труды. Т. IV; Журнал Министерства народного просвещения. 1851. LXXVII; *Капитонов А. П.* Репатриация шведских военнопленных из России после окончания Северной войны 1700—1721 гг. //Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. Труды ГИМ. Вып. 133. М., 2002; *Котлярчук А.* Шведская школа в Тобольске (1712—1721)//Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2005; *Недоспасова А. П.* Вклад шведских военнопленных в музыкальную культуру Сибири как следствие государственной политики освоения сибирских территорий в начале XVIII века//Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века. Новосибирск, 2007; *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005; *Юркин И. Н.* «Свейские полоненики» на Туле и окрест//Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. Труды ГИМ. Вып. 133. М., 2002; *Кошелева О.* Дерзость капитана Старшинта. Шведские пленные в России//Родина. 2009/7; *Комолов Н.* Пункт назначения — Азов. Пленные шведы на юге России до и после Полтавы//Родина. 2009/7; Полтава. Судьба пленных и взаимодействие культур. М., 2009; *Almquist H.* Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland//Karolinska förbundets årsbok. 1943; *Åberg A.* Fångarnas elände. Karolinerna i Ryssland 1700—1723. Lund, 1991; *Åberg A.* De fångna karolinska kvinnorna i Ryssland//Karolinska förbundets årsbok. 1991.

Странная война

В истории военного противостояния России и Швеции самым крупным вооруженным конфликтом была Северная война. О предопределившей ее исход Полтавской битве в России знает каждый школьник, да и для многих шведов не пустым звуком является название украинского села Полтава. И это не случайно. Для России Полтава, наряду с Бородином и Сталинградом, была одним из сражений, решивших ее судьбу, для Швеции — началом конца эпохи великодержавия.

Северная война как бы заслонила собой другие малые войны и военные конфликты между двумя странами. К их числу относится русско-шведская война 1741—1743 гг., которую по ряду причин можно назвать «странной войной». По мнению русского историка М. М. Бородинки, трудно найти другой пример войны столь своеобразной, поучительной и неисчерпаемой по своим отрицательным сторонам. «Такой войны и поведения из историй легко изобрести не можно», — читаем в частном шведском письме, написанном в разгар этой войны. Чем же удивила современников эта почти забытая сегодня война?

Финские историки называют ее «малым лихолетьем», отличая тем самым ее от разрушительных для своей страны последствий «большого лихолетья» — Северной войны. В шведской историографии она получила название «войны шляп», чем подчеркивается, что виновником этой войны была воинственная партия реванша.

В 1720 г. в Швеции была принята новая форма правления, в соответствии с которой законодательная власть перешла к сословиям; их прерогативой стала также внешняя политика. Партийные группировки в риксдаге сломали сословные границы, в основе их размежевания лежала внешняя политика*. На риксдаге 1738—1739 гг. верх взяла партия шляп. Вопрос о войне с Россией обсуждался на заседании секретного комитета риксдага в 1739 г. и был окончательно решен на сессии 1740—1741 гг. В Финляндию были отправлены войска под командованием Будденброка. Ему было предписано в случае кончины русской императрицы сосредоточить войска в непосредственной близости от границы. Вообще ставку в этой войне шведское правительство делало не столько на собственную силу, сколько на слабость соседа, на интриги, которые плелись при русском дворе. Смерть Анны Иоанновны, свержение Бирона, а потом Миниха стали сигналом для реваншистов из Стокгольма. Они сочли момент удобным, чтобы вернуть себе Восточную Прибалтику, пересмотрев тем самым Ништадтский мир 1721 г.

В 1739 г. шведскому посланнику Эрику Матиассу Нолькену было поручено вступить в переговоры с той из противоборствующих партий, которая окажется сильнейшей и выразит готовность пойти на территориальные уступки Швеции за помощь, которую она готова оказать в борьбе за власть. Таких партий было три: Бирон — Анна Леопольдовна — Елизавета Петровна. Но Анна Леопольдовна пришла к власти без шведской помощи, Бирон был свергнут, так что единственной оппозиционной партией была партия Елизаветы. Впервые Нолькену удалось откровенно поговорить с Елизаветой в начале января 1741 г. Он предложил ей простой и ясный план: она подписывает обращение к шведскому королю Фридриху I с просьбой помочь

* Партию мира их противники иронически называли «ночными колпаками» якобы за трусость, а себя гордо именовали «шляпами» (символ дворянина). Главным отличием «шляп» от «колпаков» был их внешнеполитический курс, направленный на сближение с Францией и реванш в отношении России.

ей взойти на престол. Король объявляет войну России и наступает на Петербург, чем облегчает ей совершение переворота. Елизавета в свою очередь обещает в случае успеха предприятия удовлетворить все территориальные притязания Швеции, то есть вернуть ей территории, утраченные по Ништадтскому миру.

Елизавета вступила с ним в переговоры, точнее — в недостойный ее, дочери Петра, политический торг. Она была согласна предоставить Швеции за ее помощь денежную компенсацию и торговые преимущества, но принять шведские требования кардинальной ревизии Ништадтского договора она не могла, поскольку ее репутация и популярность зиждились, прежде всего, на сохранении наследия Петра I. Кроме того, она отказывалась обращаться к королю с письмом, а хотела ограничиться устным обращением.

Вскоре на помощь Нолькену пришел французский посланник маркиз де ла Шетарди. Дипломаты представляли при русском дворе страны-союзницы и преследовали общую цель — добиться ослабления России. Франция добивалась разрыва русско-австрийского союза и поддерживала Швецию в ее реваншистских планах. Шетарди пытался убедить Елизавету в том, что она не может рассчитывать на успех без шведской поддержки. В случае если она не примет шведских условий, Стокгольм может оказать поддержку внуку Петра I Голштинскому герцогу Карлу Фридриху и возвести его на российский престол. Пытаясь сыграть на всех струнах, Нолькен и Шетарди забывали о том, что краеугольным камнем движения в пользу Елизаветы был национальный интерес, несовместимый с возвращением к допетровским временам, поэтому она медлила и не решалась обратиться с просьбой о помощи к шведскому королю.

Тем не менее они писали своим министрам пространные репортажи о том, что в Петербурге образовалась сильная партия, которая готова объединиться со шведами в пользу Елизаветы, как только шведские войска покажутся на границах, и обещали, что переговоры с цесаревной вот-вот увенчаются успехом. На основании этих донесений швед-

ский премьер-министр Гюлленборг строил далеко идущие планы и даже хотел, чтобы Елизавета сама приехала в Швецию, когда «наступит момент нанесения решительного удара». Он предложил, чтобы она приехала в свое имение в Карелии, откуда легко можно перейти на шведскую территорию. В случае отказа предполагалось послать шведских драгун и, захватив ее, отвезти в свой лагерь, чтобы затем она вошла в Петербург во главе шведской армии.

Действия Нолькена и Шетарди следует квалифицировать как государственное преступление. Но в те времена участие иностранных дипломатов в интригах при дворах своей аккредитации было обычным делом. Еще в большей степени занимались такой деятельностью русские дипломаты в Стокгольме.

Кончина Анны Иоанновны не стала потрясением для России. Свержение Бирона показало устойчивость русского правительства. Это понимали англичане и французы. Но иначе смотрели на это в Стокгольме. Там считали, что общественное мнение достаточно подготовлено к войне с Россией убийством шведского дипкурьера Малькольма Синклера*, депешами Нолькена из Петербурга и донесениями Будденброка из Финляндии. Бурный поток воинственных стремлений ширился и рос. Задорное настроение охватило стокгольмскую молодежь,

* Майор Синклер был послан в Турцию в 1738 г., чтобы решить вопрос о долговых расписках Карла XII. Но это было лишь прикрытием. Главной целью его миссии был союз между Турцией и Швецией, направленный против России; русское правительство знало о действительной цели этой миссии. Русским спецслужбам удалось получить его портрет. Выполнив поручение, в апреле 1739 г. Синклер выехал из Константинополя. С собой он вез важные бумаги. Он знал о том, что русское правительство назначило цену за его голову. Русским офицерам капитану Кутлеру и поручику Левицкому удалось напасть на его след в Силезии. Они убили Синклера, размозжив ему голову, чтобы никто не мог опознать его. Когда об этом стало известно в Швеции, по всей стране поднялась волна русофобии. Толпа ворвалась в дом русского посланника Бестужева и избивала прислугу. Поэт Андерс Одель воспел Синклера как национального героя и мученика.

дам и девиц. «Война теперь или никогда» — восклицали члены риксдага. Разгоряченной фантазии шведов рисовалась легкость возвращения отнятых Петром провинций. Собрав в Финляндии 15-тысячное войско, они рассчитывали беспрепятственно дойти до Петербурга. В общем, машина была запущена, и в Стокгольме решили действовать, не дожидаясь подписанных цесаревной бумаг. Война была predetermined общей политической обстановкой в Швеции. Перевороты в Петербурге, слабость правительства Анны Леопольдовны и наличие оппозиции в лице партии цесаревны создавали благоприятную обстановку для начала военных действий.

В конце июня 1741 г. Нолькен был отозван в Стокгольм. Прощаясь с Елизаветой, он вновь просил ее дать ему письменное обязательство, уверяя, что без него невозможно приступить к делу. Елизавета ответила ему: «Я ожидаю лишь выступления ваших войск, чтобы начать действовать».

Выступление шведских войск не заставило себя ждать. В конце июля Швеция отказалась признать императорский титул Ивана VI и объявила войну под предлогом чинимых Россией «обид и несправедливостей». В шведском манифесте говорилось: «Намерение короля шведского состоит в том, чтобы избавить достохвальную русскую нацию, для ее же собственной безопасности, от тяжелого чужеземного притеснения и бесчеловечной тирании». «Любящая благородную свободу» Швеция желала избавить Россию от единовластия.

Войну объявили до того, как сосредоточили все силы у русских границ. Успех считался настолько обеспеченным, что составление какого-либо плана кампании признавалось излишним, если не считать планом заявление, что Швеция намерена действовать энергично, чтобы скорее окончить войну и тем уменьшить издержки. Чтобы не запугать членов риксдага крупными суммами, шведские «ястребы» составили совершенно нереальную, явно заниженную смету военных расходов. Результатом такой подготовки стало сокрушительное поражение шведской армии под Вильманстрандом. После этого на театре воен-

ных действий наступило затишье. В сентябре в шведскую армию прибыл главнокомандующий граф Карл Левенгаупт. С его прибытием в действующей армии и в Петербурге стали распространяться шведские воззвания к русскому народу. В них говорилось об обидах, нанесенных Швеции русскими министрами-иностранцами, о желании Швеции освободить Россию от невыносимого ига и жестокости и дать русскому народу возможность выбрать законное и должное правительство.

Для русских победа над шведами была в известном смысле неожиданной. Армия была не в лучшем состоянии, а флот пришел в совершенный упадок: корабли сгнили, матросов не хватало, маяки и вехи разрушались. Летом 1741 г. ни одного судна нельзя было вывести в море. С тем большей пышностью праздновали победу в Петербурге, где в это время плелось кружево дворцовых интриг.

Война со Швецией подтолкнула заговорщиков к решительным действиям. Во-первых, Анна Леопольдовна дала понять Елизавете, что ей известно о переговорах цесаревны со шведами. Во-вторых, 24 ноября было объявлено о том, что гвардия будет выведена из Петербурга на театр военных действий. Рискуя лишиться своей основной опоры, Елизавета перешла к активным действиям и совершила дворцовый переворот.

Став императрицей, Елизавета должна была в своих действиях руководствоваться уже не личными симпатиями полуопальной цесаревны, а государственными интересами. Взглянув на шведскую проблему другими глазами, она попросила Шетарди связаться со шведским главнокомандующим Левенгауптом и убедить его приостановить военные действия. 27 ноября был получен ответ Левенгаупта, из которого следовало, что шведская сторона считает возведение на престол Елизаветы своей заслугой. Он сообщал, что не видит возможности заключить мир без предварительных территориальных уступок. Швеция своевременно не подготовила боевой силы для поражения неприятеля, но зато широко и обстоятельно подготовила те требования, которые имела в виду предъявить России. Они включали Карелию, Кексгольм, Выборг, Петер-

бург, Нотебург, Кронштадт и Кроншлот со всей Невой, Лифляндию, Эстляндию и Ингерманландию. На это императрица согласиться не могла. Даже государственные советники Швеции Врангель и Окерельм полагали, что «Елизавета никогда не согласится отказаться от завоеваний своего отца, и если бы она даже пожелала это сделать, то, во всяком случае, невозможно было бы начало своего царствования омрачить добровольным раздроблением государства».

В июле 1742 г. русская армия перешла в решительное наступление по всему фронту и в течение двух месяцев заняла почти всю Финляндию*. В конце июля без боя был взят Фридрихсгам, 7 августа капитулировал Нейшлот. В конце августа под Гельсингфорсом Ласси отрезал отступление 17-тысячной шведской армии и заставил ее капитулировать. Это поражение вынудило шведов начать мирные переговоры. Тем не менее заключать мир они не спешили. Не рассчитывая больше на свои силы, они хотели добиться уступок посредством переговоров, угрожая принять сторону Иоанна Антоновича.

В мае 1743 г. отряды русских галер вышли в море с тем, чтобы высадить десант на шведские берега в районе Стокгольма, как это было в 1719 и 1721 гг. На этот раз замысел не удался, но реальная угроза высадки русского десанта заставила шведов пойти на уступки, и в августе мир

* В марте 1742 г. Елизавета опубликовала манифест, в котором выражала сочувствие финнам и обещала им поддержку, если они захотят отделиться от Швеции и образовать самостоятельное государство. Сначала финны не обратили особого внимания на манифест, но после перехода русскими войсками границы и овладения финской территорией отношение к нему изменилось. Финны стали трактовать его таким образом, что Россия готова создать из Финляндии независимое государство под своим покровительством. Однако вскоре Елизавету перестало интересовать мнение финнов. Обеспечив наследование шведского престола своему родственнику голштинскому герцогу Адольфу Фредерику, она ушла из Финляндии, присоединив к России лишь небольшую часть финской территории.

был заключен на условиях уступки России незначительной части финской территории.

Война 1741–1745 гг. не была кровопролитной, она завершилась «малой кровью», но кровь эта была пролита напрасно. Война была бесславной и бессмысленной, не нужной ни России, ни Швеции. Вот как характеризует ее историк М. М. Бородкин: «Не собрав войска, шведы объявили войну, не победив неприятеля, они составили требования, которые имели в виду предъявить ему при заключении мира. Не оказав никакой помощи Елизавете Петровне по возведению ее на престол, они домогались вознаграждения за свои услуги... Эта война представляет собой наглядный пример губительности господства политики в военной среде — офицеры от своего имени вели переговоры с русской державой. Вся кампания со стороны шведов представляла беспрерывную цепь ошибок, слабости и малодушия. У русских тоже было немало неурядиц. Флот оказался настолько запущенным, что в первый год войны его не могли вывести в море. Война велась русскими вяло и не предприимчиво. Еще хуже шли переговоры в Або, во время которых более заботились о чужих, чем о собственных интересах... Короче, кампания 1741–1743 гг. — классический пример того, как не следует вести войну».

К этой характеристике вряд ли можно что-нибудь добавить. Следует лишь отметить, что война собрала свою кровавую жатву не только на полях сражений. Ее жертвой стала большая часть шведских солдат, взятых в плен под Вильманстрандом. В октябре 1741 г. их отправили во внутренние области России. Двухмесячный марш из Петербурга в Москву голодных, по-летнему одетых пленников стал для них дорогой в ад. Из 1250 пленников в пути от голода, холода и болезней погибло около 700 человек. В этом не было чьего-либо злого умысла, тем более что война вообще не отличалась жесточением.

В начале войны в Петербурге был издан именной указ о том, чтобы шведским подданным «никаких обид, досадительства и вреда не чинить и имений и вещей их отнюдь не касаться». Плененные под Вильманстрандом шведы

были препровождены в Петербург, где солдатам раздали одежду, а офицеров разместили по домам вельмож и угощали при дворе. 1 декабря императрица даже подписала специальный указ, предписывавший вести пленных «с добрым порядком без всяких озлоблений... чтоб никто ни в чем малейшей нужды претерпеть не могли». Но указ этот появился слишком поздно. Несчастные шведские пленники стали жертвой русского беспорядка, равнодушия и черствости, а их судьба явилась печальным подтверждением бессмысленности этой войны.

Литература:

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. М., 1986; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910; *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976; *Петрухинцев Н.* Трагедия «малой войны»//Родина. 1997/10; *Широкорад А. Б.* Северные войны России. М.; Минск, 2001.

Шведы в русском фольклоре

Читая описания путешествий, дневники, путевые заметки и письма шведов, побывавших в России, можно составить представление о том, что думали шведы о своем восточном соседе. Такие источники появляются в Швеции уже в XVI в., а в XVII — XVIII вв. счет им идет уже на десятки. Русские люди стали путешествовать по Швеции и записывать свои впечатления о северном соседе только в XIX в., когда на фоне бурного роста европейских связей и русских, и шведов их взаимный интерес по сравнению с предшествующим периодом уменьшился*.

Но не следует забывать о том, что образ Швеции и шведов, который начал складываться у россиян в более раннюю эпоху, был запечатлен в исторической памяти народа, в русском фольклоре — в исторических преданиях и песнях, которые являются продуктами художественного освоения исторических событий и действий исторических лиц.

К числу таких лиц принадлежит легендарный Рюрик, который, согласно «Повести временных лет», в 862 году был приглашен новгородцами на княжение. В предании, записанном Е. В. Барсовым в Медвежьегорском

* См.: Кан А. С. Швеция глазами русских путешественников (1817–1917)//Новая и новейшая история. 1983/4; Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 291.

районе Карелии, он фигурирует как Юрик-новосел из северной стороны, поселившийся сначала в Ладогe, а затем заключивший договор с новгородцами и переехавший в Новгород. Здесь он прожил несколько лет, и новгородцы полюбили его за веселый нрав и хороший разум.

Наряду с Рюриком, одним из немногих шведов, память о которых сохранилась в русском фольклоре, был Якоб Делагарди, который в соответствии с условиями Выборгского договора 1609 г. был направлен в Россию для оказания помощи правительству Василия Шуйского в борьбе с польско-литовскими отрядами. В исторических песнях и прозе он оставил след, прежде всего, как соратник «оберегателя мира крещеного», талантливого русского полководца Михаила Скопина-Шуйского, который был послан в Новгород для ведения переговоров со шведами. Вот как рассказывает об этом песня «Михайло Скопин»:

И берет он (Скопин. — Г. К.) бумагу белую,
 Писал ерлыки скорописчаты
 Во Свицкую землю Саксонскую,
 Ко любимому брату названному,
 Ко Свицкому королю Карлусу:

.....

А ты, Свицкой король Карлус!
 А и смилуйся, смилосердися,
 Смилосердися, покажи милость,
 А и дай мне силы на подмочь.

.....

А честной король, честной Карлус
 Показал ему милость великую,
 Отправляет силы со трех земель.

.....

Того ратного люду ученого,
 А не много не мало — сорок тысяччей.
 Прибыла сила во Новгород,
 А из Новагорода в каменну Москву.

В марте 1610 г. Скопин-Шуйский вместе с Делагарди снял блокаду Москвы. Однако вскоре он внезапно забо-

лел и умер. Деллагарди, как и многие москвичи, считал, что Скопин был отравлен. Узнав о его болезни, он послал к нему своих врачей и искренне оплакал его кончину. «Пошел со двора, горько плача и захлебываясь от слез, говорил: “Люди московские! Уже не увидеть мне больше такого государя не только на Руси вашей, но и в моей Немецкой земле, даже и среди королей”».

Скопин и Деллагарди как бы олицетворяли союз России и Швеции. Смерть Скопина означала его конец. Шведы, воевавшие на стороне Скопина, выступили против русских, взяли Новгород «и в Новгороде заперлися, и многой мир-народ погубили, и в Латинскую землю превратили».

Сохранился в народной памяти и образ Карла XII — прежде всего, как достойного соперника, который в чем-то был схож с Петром I, так что однажды казаки даже перепутали его со шведским королем. «Карло был широкий, росту среднего, плечистый, настоящий был воин, да на воина попал: Петр Первый ему не уступал».

Интересно, что в северных преданиях был запечатлен такой эпизод из биографии шведского короля, как «калабалик (стычка) в Бендерах», когда он, отказавшись покинуть Бендеры, сражался с турецкими янычарами. Правда, место действия перенесено в Англию: «Карло не знал, куда деться, и убежал в Англию. И пишет туда Петр Первый: Выслать оттуда Карлу! — Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своими руками убил». Когда царь узнал об этом, то усмехнулся и сказал: «Ах, Карло, Карло, где ни ходит, а везде воюет».

Историческая память народа избирательна, поэтому фольклор, как и летописи, фиксирует, как правило, какие-то чрезвычайные события. Не случайно русские былины, песни шотландских бардов, скандинавские саги, испанские и итальянские кантаты воспевают борьбу с соседями.

К числу преданий о военных столкновениях так называемого «новгородского периода борьбы» XII—XV вв. относятся предания о шведах, превращенных в камни,

и об их истреблении чудотворной силой, воспоминания о набегах чуди, шведов и финнов, о местах их погребения (могилищах и курганах), в которых скрыты несметные сокровища.

Одно из преданий о смертном заклании над кладом гласит, что, уходя от погони, шведы зарыли награбленное ими с торговых судов в холме на берегу Волхова. Сами же они укрылись в пещере под холмом. Погоня прошла мимо, но Бог наказал шведов, и они остались под землей. Позднее другие шведы, грабившие купеческие суда на берегах Волхова, узнав про этот клад, раскопали холм, но поссорились при дележе добычи и перебили друг друга. Это предание указывает также на большое торговое значение Новгорода.

Из событий начала XVII века в народной памяти запечатлелись, главным образом, набеги поляков, или «панов», которых по приказу Маринки (Марины Мнишек) возили в Москву в бочках. Из Москвы они «бежали куда глаза глядят, часть добежали до Выгозера, поселились на одном острове и стали грабить народ». В данном случае речь идет о польско-литовских отрядах Барышпольца и Сидора, которые после разгрома польских войск под Москвой пришли в Новгородские земли и поступили на службу к шведам. Осенью 1613 г. они двинулись через Заонежье к Белому морю. Они воевали на стороне шведов, поэтому в народных преданиях их иногда смешивают со шведами. Так под Повенцом был записан вариант былины о набеге литовцев, в котором «политовским» королем был король Карл.

Несмотря на то, что шведское военное присутствие на северо-западе Русского государства (в Новгородских землях) продолжалось почти восемь лет, наиболее отрицательных характеристик удостоились поляки («гордые и гневливые ляхи», «очень злые поляки», «литва», «литовские паны»), которые были здесь около двух лет.

В преданиях, записанных в Медвежьегорском районе, рассказывается о том, как поляки, узнав о том, что в деревне Челмужи живет мать Михаила Федоровича Марфа Романова, «то место копали, хотели подкоп

под Челмужу сделать, взорвать Челмужу», а также о том, как литовские паны приходили на Семчезеро «с умыслом убить жителей и захватить имущество».

В кемском предании сказано о том, как в деревне Гридино «паны порубили народ, сожгли строения, а колокол утопили в море, а самую красивую девушку подвязали под колокол. Девушка погибла».

В то время как поляки остались в народной памяти как «просто разбойники», которые «грабили все», шведы предстают все-таки в несколько ином качестве. В одном из преданий о них сказано: «Красавчики шведы, одетые нарядно, шли в Панозеро». Конечно, шведы были интервентами и вели себя соответствующим образом: «брали мелочи, забирали имущество, били, издевались всячески», «людей убили, коров убили», «согнали в церковь сорок карел и зарезали». Они брали налоги «скотом, маслом, шерстью. Кто не мог выплатить, так били, издевались», но все-таки они действуют как регулярная армия, а не разбойничья шайка.

Русско-шведская война 1656–1658 гг. запечатлелась в народной памяти осадой Риги, которая не принесла славы русскому оружию. Обращаясь к царю, «солдаты новобранные» говорят: «Уж и так нам-де Рига наскучила, она скучила нам, Рига, напроскучила: много холоду-голоду приняли». На это царь отвечает им: «Не одним вам Рига та наскучила, самому мне, государю, напроскучила».

Северная война, осталась в мнении народном как брань-война за спорные территории. Предание о встрече Петра I с Карлом XII на Ладожском озере начинается описанием привольного и богатого северного края, который полюбился как шведскому королю, так и русскому царю. Петр предстает не только былинным богатырем, но и повелителем моря и ветра. Он не вступает в вооруженную борьбу со шведами, а трубит в золотой рожок, и по его зову ветры собираются в тучу, и начинается буря: «Пошел тут первый вал, приподнял стоймя лодки свои-ские, а второй вал понакренил их, а третий захлестнул на век начальников».

Центральным событием Северной войны стала «Полтавска баталья», «Полтавское дело», в которой «смешалась шведская сила; распахана шведская пашня солдатской белой грудью; орана шведская пашня солдатскими ногами; боронена шведская пашня солдатскими головами, поливана пашня горячей солдатской кровью».

О победах русского оружия в Полтавской битве говорят пословицы:

- Погиб, как швед под Полтавой.
- Петр со славой дрался под Полтавой.
- Было дело под Полтавой.

Исторические песни отмечают довольно гуманное отношение шведов к русским пленным. Так в одной из них Левенгаупт предлагает взятому в плен казаку Краснощекову «послужить шведскому царю хоть три года», на что, конечно, следует решительный отказ. В другой казачьи полковники сидят за одним столом с Карлом XII. Такая картина соответствовала действительности. Источники не зафиксировали фактов жестокого обращения шведов с русскими пленными.

Если в песнях и преданиях о Северной войне шведам противостоит Петр I, то в исторических песнях о послепетровской эпохе положительным героем предстают русские солдаты и любимые ими военачальники.

Так в солдатской песне о русско-шведской войне 1741–1743 гг. показана беспомощность Елизаветы Петровны перед шведами, которые требуют возвратить им утраченные в результате Северной войны Ригу, Ревель и Нарву. Отповедь шведам дает не императрица, которая «убоялася того», а русские генералы-патриоты Потемкин и Румянцев, которые действовали уже в более позднюю эпоху. В другом варианте генералы и фельдмаршалы также пребывают в нерешительности, в то время как донской казак и солдат обещают императрице встретить «короля шведского на Тюмени (Кюмени) быстрой реке» и дать ему достойный отпор.

Своего рода общий итог русско-шведским войнам и вооруженным конфликтам подводит историческая песня, в которой дана обобщенная картина войн:

Собирался-то большой барин
 Он со всем ли войском со Российским,
 Что на Шведску на границу.
 Не дошедши он границы становился,
 Становился в чистом поле при долине,
 Российским войском изуставил,
 Российскими знаменами поле изукрасил.
 Как увидел шведский король:
 Чтой-то в полевое за люди.
 Не торгом они приехали торговати,
 Или нашего городу глядети.

 Сходилися тут двои силы:
 Что шибкие громы гремели,
 Что нелюты звери проревели,
 Прогремели чугунные ядры.
 Что между их протекли реки,
 Протекли реки, реки кровавые,
 Что и силы полегло, что и сметы нету.

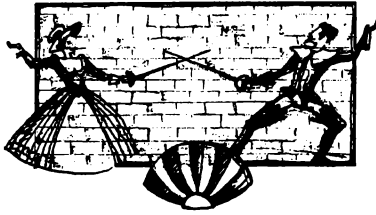
В этой песне нет ни победителей, ни побежденных, есть лишь реки крови, пролитой с обеих сторон, и сожаление о жертвах. В то же время в ней есть свидетельство того, что в истории русско-шведских отношений были не только войны, но и торговля и взаимный интерес.

Не будет большим прегрешением против истины сказать, что во всей Европе не очень любили соседей, особенно тех, с которыми приходилось вести продолжительные войны. Но все-таки восприятие этих соседей было различным. Если в XVII в. в Польше укрепляется стереотип шведа как свирепого солдафона и грабителя, разрушителя костелов и насильника*, то этого нельзя сказать о русских людях, впечатление которых от общения со шведами было более благоприятным. Шведы в русском фольклоре — это не только давние противники и соперники, но и торговые партнеры, к которым «Новгород протоптал дорожечку», и даже союзники.

* См.: *Тазбир Януш*. Селедка вместо головы. Польский стереотип шведа//Родина. 1999/12. С. 118–121.

Литература:

Песни, собранные А. В. Киреевским. Вып. 8. М., 1870; Северные предания. Л., 1978; Русские исторические песни. М., 1985; Исторические песни. Баллады. М., 1986; Народная проза. М., 1992; *Елисеев А. В.* Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям//Древняя и новая Россия. XVIII. 9. 1880; *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941; *Жигулев А. М.* Исторические события в русских народных пословицах//Вопросы истории. 1961/5. С. 211–217.

Екатерина II и Густав III

Имена Екатерины II и Густава III оказались так же тесно связанными в истории, как имена Карла XII и Петра I. Связь Карла и Петра — в противостоянии и противопоставлении. Так, Вольтер противопоставил тщеславному и честолюбивому королю-разрушителю мудрого царя-созидателя. В «Полтаве» Пушкина бесполезной славе короля-полководца противопоставлен гений царя-преобразователя. У Дюма сражавшемуся ради удовольствия Карлу противостоит осторожный политик Петр, сражавшийся в интересах своего народа. Тарле считал Карла авантюристом широчайшего масштаба, беспомощным и бездарным в дипломатии, тогда как в Петре он видел первоклассного полководца и талантливого дипломата.

Отношения Густава и Екатерины — это отношения более сложные: они соперничают, переписываются, воюют, мирятся, заключают союзы, поверяют друг другу свои мысли, обмениваются подарками, шутками и колкостями. Их личные отношения развиваются по синусоиде: на смену недоверию приходит довольно продолжительная, хотя и не всегда искренняя дружба; она сменяется враждой, вылившейся в войну, окончание которой ознаменовало новый поворот в русско-шведских отношениях.

Екатерина II и Густав III составили целую эпоху в истории своих государств, ярко и полно выразили свое сложное и противоречивое время. Их имена вдохновляли многих талантливых людей и нередко окружались таин-

ственной прелестью легенды. Оба — сложные и своеобразные характеры. В обоих было много ума, блеска, энергии, изящества, но в то же время много рисовки, противоречий и недостатков. Как метко заметил граф Ульрих Шеффер, их общие слабости принимали у Густава женский, а у Екатерины — мужской характер.

Желая скрасить и прикрыть свои недостатки и слабости, Екатерина много писала; Густав много говорил. Оба любили власть и славу, блеск торжеств и шум похвал, отличались расточительностью. Они всегда были озабочены тем, чтобы привлечь и расположить к себе всех. Он — позер и неисправимый мечтатель, она — страстная женщина, которая, тем не менее, в политике все подчиняла расчету. Он насаждал вокруг себя все французское, она старалась перевоплотиться в облик и дух своих русских подданных.

Они были довольно близкими родственниками: отец Екатерины Ангальт-Цербстский герцог Христиан Август и отец Густава шведский король Адольф Фридрих — родные братья. Императрица и король сходились в передовых стремлениях века, в расположении к науке и искусству, в любви ко всему изящному и остроумному. Может быть, отсюда — их взаимная ревность, граничащая с враждой.

В сознании шведов Густав III — это памятник Тобиаса Сергеля и целая эпоха расцвета шведской культуры, тесно связанной с современной ей европейской культурой. Знакомые со шведской историей россияне знают его, скорее всего, как монарха, совершившего конституционный переворот, и как незадачливого агрессора, развязавшего бесславную и бессмысленную реваншистскую войну с Россией. Между тем эта война была лишь завершением монархического переворота 1772 г. Восстановив абсолютизм, Густав III ограничил власть привилегированных сословий и тем, быть может, предотвратил «полонизацию» Швеции, т. е. спас ее от участи Польши. Не случайно Вольтер одобрил действия Густава III, король Пруссии Фридрих Великий сравнил их с очищением Авгиевых конюшен, а великий шведский поэт Карл Микаэль Бель-

ман сочинил песню в честь Густава как лучшего короля, которого когда-либо носила земля.

Дело в том, что в период «эры свобод» (1718–1772) королевская власть в Швеции была низведена до такой степени, что важнейшие документы не нуждались в скреплении подписью монарха. Сановники, имея штамп с его подписью, пользовались им по своему усмотрению. Власть была сосредоточена в риксдаге. Его депутаты проникали во все области управления, они направляли внешнюю политику, указывали королю, кто должен быть назначен на ту или иную должность. Представительное собрание сосредоточило в своих руках и исполнительную власть. Шведский риксдаг, подобно польскому сейму, превратился в рынок, на котором торговали государственными интересами. После поражения в войне 1741–1743 гг. усилилось вмешательство русской дипломатии во внутренние дела Швеции. Русский посланник И. А. Корф почти открыто финансировал оппозицию и вмешивался в деятельность шведских законодателей.

Борьба политических партий губительно отразилась на обороноспособности: полуразрушенные крепости, пустые оружейные склады, плохая артиллерия, флот, не отвечавший требованиям времени. В «эру свобод» была почти полностью разрушена поселенная система, введенная Карлом XI, снизился уровень военной подготовки, ослабла дисциплина. Какая-то доля вины за упадок Швеции в «эру свобод» была и на России. Не случайно Пушкин отмечал, что в политическом активе Екатерины были униженная Швеция и уничтоженная Польша. В интересах России было иметь по соседству слабую Швецию, и в этом плане ее интересы совпадали с интересами Дании. В 1765 г. был подписан русско-датский договор о недопущении сильной королевской власти в Швеции. Не только упадок Польши, но и внутреннее расстройство Шведского государства содействовали усилению могущества России и росту ее значения в Европе.

Положить конец влиянию России на шведские дела могла реформа в области государственного права, осуществленная Густавом III в форме монархического пере-

ворота в 1772 г. Отсюда — реакция Екатерины на эти события. В них она видела руку Франции и предугадала, что это приведет к столкновению Швеции с Россией. Шведов, недовольных новым порядком и искавших убежища в России, велено было принимать беспрепятственно. Императрица приказала Остерману попытаться восстановить прежнее правление. В 1773 г. к русско-датскому союзному договору была приложена секретная статья о том, что обе державы при первом удобном случае обязуются силой восстановить в Швеции конституцию 1720 г.* Екатерина хотела сохранить в Швеции такой строй, какой она не хотела бы иметь в России, и говорила: «Я не сыграю спокойной и слабой роли шведского короля».

Тем не менее она писала Вольтеру: «Что вы скажете о революции в Швеции? В четверть часа... народ лишился там своей конституции и своей свободы... Швеция лишена свободы, и король в этом государстве имеет такую же деспотическую власть, какую имеет король французский».

Густав намеревался личным свиданием с Екатериной заглазить неблагоприятное впечатление, произведенное на нее его первыми действиями. Он даже получил согласие Екатерины на приезд, целью которого было возобновление союза с Россией, но под давлением со стороны Франции вынужден был отложить поездку на несколько лет.

Только в июне 1777 г. он приехал в Петербург инкогнито под именем графа Готландского и впервые встретился с Екатериной. За месяц своего пребывания в Петербурге он посетил Летний сад, Царское Село, Петергоф, Ораниенбаум, Смольный и Невский монастыри, Академию наук, Кунсткамеру, Адмиралтейство, Горное училище, Монетный двор, Петропавловскую крепость, шведскую церковь св. Екатерины.

* Ситуация не позволила им вмешаться во внутренние дела Швеции, поскольку Россия была занята войной с Турцией, а правящие круги Дании были заняты восстановлением старой формы правления после падения режима временщика И. Струензе.

Женоподобный король не принадлежал к тому типу мужчин, которые нравились императрице, но она в совершенстве владела искусством лицемерия и была с ним крайне вежлива и учтива, так что Густав был совершенно очарован приемом и писал своему брату Карлу: «Императрица выказывает мне всевозможное внимание, она необычайно обходительна и вежлива... У нас установились весьма дружественные отношения, и она относится ко мне со всей сердечностью и радушием».

По возвращении в Швецию он писал ей: «Если бы Вы не были императрицей, то можно было бы надеяться видеть Вас в Стокгольме, а теперь надо искать случая, чтобы насладиться этим счастьем, поехав в маленький финляндский городишко, провести с Вами два-три дня». Густав надеялся, что ему удалось успокоить Екатерину и примирить ее с мыслью о необходимости сильной монархической власти в Швеции. Он сообщал графу Крейцу, что на смену предубеждению пришла дружба. После встречи Густав и Екатерина обменивались письмами, в которых Екатерина проявила литературный талант, остроумную игривость, склонность к шутке и колкости. Так, в одном из них она писала: «Я вовсе не верю слуху, который мне угрожал вторжением Ваших войск в Финляндию, где Ваше Величество, как утверждали, намеревались вырезать мои слабые гарнизоны и идти прямо на Петербург, вероятно, с тем, чтобы там поужинать».

Они вновь встретились в июне 1783 г. в Фридрихсгаме. Густав хотел получить свободу действий в отношении Дании для присоединения Норвегии, но это ему не удалось. Во время этой встречи король рассказал императрице о хранящейся в университетской библиотеке в Упсале ценной древнерусской рукописи и предложил Екатерине направить кого-нибудь в Упсалу для снятия с нее копии. По всей вероятности, речь шла о родословной книге, составленной по разрядным записям, копию с которой по повелению Екатерины в октябре 1783 г. снял советник русской миссии в Стокгольме Саннаков.

В том же году Густав прислал Екатерине коллекцию роскошно переплетенных шведских книг с собствен-

норучно написанным реестром и кратким объяснением содержания каждой книги. Выразив ему благодарность, Екатерина особо отметила его познания в шведской истории и написала, что смотрит на него уже не как на короля, а как на одного из достойнейших академиков ее Академии. В свою очередь, она отправила в Стокгольм мастера для приготовления русского кваса и кислых щей, которые понравились шведскому королю.

Со временем Густав приходит к мысли, что для укрепления его положения одних внутренних мер явно недостаточно. Нужны военные успехи, которые восстановят Швецию в ее прежних границах и вернут ей былое значение на европейской сцене. При этом он рассматривал войну и как средство сохранить мир внутри страны. Густав не хотел довольствоваться обороной, он мечтал о возвращении утраченных провинций. Но политика — это искусство возможного, а Густав переоценивал собственные возможности и слабость России.

Конституция запрещала ему объявлять наступательную войну без согласия риксдага. Поэтому он ищет повод к ней. По его мнению, достаточно было стога сена, сгоревшего в пограничной полосе, чтобы назвать императрицу виновницей войны. В конце концов, он приказал группе переодетых в русскую форму шведов напасть на шведский пограничный пост в Финляндии. Инцидент в Пумала можно сравнить с операцией «Гляйвиц», с которой началась Вторая мировая война, или с инцидентом в Майнила, положившим начало советско-финской войне 1939–1940 гг.*

Екатерина так характеризовала действия Густава: «Король шведский в своем коварстве еще дальше зашел, нежели Порта, порвав узы крови и нарушив все договоры для того, чтобы объявить нам войну без всякого повода и без всяких справедливых и веских причин... начал враждебные действия, послав переодетых солдат ограбить

* 26 ноября 1939 г. на участке советско-финской границы вблизи деревни Майнила группа советских военнослужащих была обстреляна артиллерийским огнем с советской территории.

таможню в окрестностях Нейшлота. Вот самый благородный способ для начала военных действий».

Густав был страстным театралом и актером по натуре. Война с Россией стала грандиозным, но неудавшимся спектаклем. По его замыслу, война должна была быть молниеносной. Он даже наметил дату бала в одном из дворцов и взял с собой художника-баталиста. Из всех русских памятников он собирался сохранить только памятник Петру I, чтобы увековечить на нем свое имя. Перед началом военных действий он учредил Орден меча Большого креста и отправился на театр военных действий именно в тот день, когда Густав Адольф выступил в поход на Германию, в сапогах на высоких красных каблуках, с огромным султаном на шляпе и со шпагой Карла X. При этом он объявил, что намерен превзойти своими делами Густава Адольфа и завершить то, что начал Карл XII. На это Екатерина заметила: «Последнее может быть ему и удастся, понеже Карл начал разорение Швеции».

Пожалуй, только при Юхане III война между Россией и Швецией сопровождалась таким личным раздражением друг против друга самих правителей. Приготовления Швеции к войне стали особенно заметны с весны 1778 г. Секретарь императрицы А. В. Храповицкий отмечает в своем дневнике, что почти не проходит и дня без разговоров о Густаве. При этом Екатерина проявляет крайнее раздражение: называет Густава сумасшедшим, сравнивает его с Пугачевым и Дон Кихотом. В дипломатических нотах, письмах и манифестах императрица и король осыпают друг друга упреками. Полемика началась с ответа Густава III на запрос Екатерины по поводу вооружения Швеции. Ответ Густава был, по сути дела, ультиматумом с заранее неприемлемыми условиями: он требовал уступки Швеции Финляндии и Карелии, а также возвращения Турции Крыма. Французский посланник в Петербурге граф Сегюр заметил, что даже турецкий султан не осмелился бы говорить в таком тоне со своими вассалами. Екатерина назвала ответ короля нелепой и сумасшедшей нотой.

Вскоре была обнародована шведская декларация, рассчитанная уже на европейское общественное мнение. В ней Густав обвинял Россию в коварстве и интригах и предупреждал Европу о русской угрозе. Ответом Екатерины стали написанные на немецком языке «Примечания и исторические объяснения на объявление Его Величества короля шведского», в которых она отвергла все обвинения Густава, назвав их «словами без всякого смысла». Сегюр объявил, что «Примечания» Екатерины написаны орлиным пером, тогда как декларация Густава — пером вороны. Колкие насмешки императрицы в адрес короля содержались также в ее французском стихотворении «Предсказание» и иностранной корреспонденции, в частности, в письмах к своему представителю в парижских литературных салонах Гримму. По заданию короля французский журналист Малле дю Пан написал антиекатерининский памфлет о русской угрозе европейскому политическому равновесию.

Особое значение в этом литературном поединке — чернильной войне — Екатерина придавала опере-памфлету «Горе-богатырь Косометович», написанной после первых военных побед и впервые поставленной в январе 1789 г. В ней высмеиваются военные неудачи Густава III. Опера представляет пародию на Дон Кихота. Подобно Дон-Кихоту, Горе-богатырь заявляет: «Я ныне много наслышан о богатырских делах и сам хочу такие же предпринять». Однако рыцарские доспехи ему явно не по плечу, поэтому он надевает картонные латы и в сопровождении оруженосцев Кривомозга и Торопа отправляется на подвиги. В одной деревне безрукий старик побивает их ухватом и спускает на них цепного пса, после чего все трое возвращаются домой как победители. Оперу давали в присутствии двора и иностранных дипломатов. В литературе было высказано мнение о том, что эта опера была сатирой не на Густава III, а на Потемкина, которым Екатерина была недовольна за его действия под Очаковым. Однако это мнение было убедительно опровергнуто академиком Я. К. Гротом в статье «Екатерина II и Густав III». Точка зрения Грота подтверждается тем, что опера была

снята с репертуара театров сразу после прекращения военных действий.

Примеру венценосцев следовали их подданные. Придворный поэт В. П. Петров написал сатиру в стихах «Приключение Густава III, короля шведского», в которой пред Густавом, одетым «в латы, как в кожу льва осел», предстает тень Карла XII, называет внука «маленьким тираном» и предрекает ему поражение в войне с Россией. В свою очередь, шведские литераторы в баснях, стихах, патриотических песнях и одах воспевали своего монарха, противопоставляя его восточному деспоту — императрице.

Екатерина могла бы закончить войну уже в 1788 г., когда после выступления финских конфедератов шведская сторона стала делать попытки добиться мира. Но она хотела использовать финских конфедератов для того, чтобы восстановить в Швеции режим сословного парламентаризма. Россия и Дания стремились «утвердить мир не с королем, но с нацией» и «восстановить прежнюю в Швеции конституцию». В инструкции главнокомандующему Мусину-Пушкину от 9 сентября 1788 г. Екатерина отказывала Густаву в праве на заключение мира, поскольку он нарушил конституцию 1720 г., и определяла ближайшую цель — теснить шведов до созыва сейма. Как отметил К. Ордин, «странным представляется требование созыва народных представителей в качестве решающей власти со стороны императрицы, обладавшей у себя в стране всеми правами безграничного самодержавия».

Верельский мир 1790 г. не давал России формальных оснований для вмешательства во внутренние дела Швеции. Одна из статей договора обязывала Россию отказаться от гарантий шведской конституции 1720 г., т. е. признать новое политическое устройство, введенное в 1772 г. В этом состоял главный итог войны для Швеции, и с этой точки зрения война не была полностью проиграна Густавом III.

Преодолению русско-шведской вражды после подписания Верельского мира способствовала революция во Франции, превратившая недавних соперников в единомышленников. Уже на следующий день после заключения мира Густав приказал воздвигнуть Алтарь друж-

бы, украшенный инициалами короля и императрицы, и написал ей письмо, в котором было сказано, что его самое большое желание — вернуть дружбу императрицы и заключить с ней тесный союз. В сентябре 1791 г. Екатерина пишет Густаву: «Государь мой, братец. С удовольствием вижу, что Вы снова питаете ко мне совершенно те же чувства, какие Вы некогда выражали и на которые я всегда буду готова отвечать Вам самым непритворным чистосердечием. Вы теперь знаете намерения мои относительно политического союза, которым я готова еще теснее укрепить соединяющие нас узы родства». В декабре между Россией и Швецией был подписан договор и конвенция «О восстановлении равновесия в Европе и Французской монархии». Екатерина обещала выделить под командование Густава 8000 солдат для похода на Францию. Высадить войска во Франции предполагалось весной 1792 г. Выстрел капитана Анкарстрёма* положил конец этим планам.

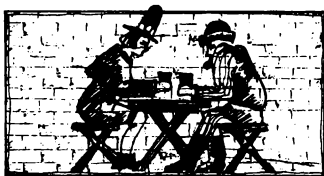
Незадолго до смерти Густав писал Екатерине о возможном заключении брачного союза между одной из ее внучек и своим сыном, сравнивая при этом императрицу с Изабеллой, а себя с Фердинандом. Однако Густав IV отказался подписать с Великой княжной Александрой Павловной брачный контракт, предоставлявший ей свободу вероисповедания. Этим он очень огорчил императрицу. По ее словам, в связи с этим она испытала большее волнение, чем в ночь перед воцарением. Предполагают, что это ускорило ее кончину.

Литература:

Бородкин М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; *Грот Я. К.* Екатерина II и Густав III//Сборник Отдела рукописного языка и словесности Императорской академии

* Густав III пал жертвой заговора дворянской оппозиции, стремившейся ограничить власть короля. 16 марта 1792 г. на маскараде в Стокгольмской опере Якоб Юхан Анкарстрём смертельно ранил короля выстрелом дробью в спину.

наук. Т. 18. СПб., 1878; *Лёнрут Э.* Густав III и Екатерина II//Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998; *Ченуров А.* «Оперная война» короля и императрицы//Всемирное слово. № 15. 2002; *Хид С.* Опера и политика в Балтийском регионе в XVIII в. Политический диалог Густава III и Екатерины II на языке оперы//Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. Труды Эрмитажа. СПб., 2007; *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм—СПб., 2003; *Odher C. T.* Gustaf III och Katarina II åren 1783–1784//Nordisk Tidskrift. 1899; *Olausson M.* Katarina den Stora och Gustav III. En månad i S:t Petersburg. Borås, 1998.

Мир во время войны*

Несмотря на многовековое соперничество, история взаимоотношений России со Швецией (и входившей в ее состав Финляндией) не сводилась к сплошной череде войн и вооруженных конфликтов. Любая война заканчивается миром, ростки которого обнаруживаются порой уже в самом начале военного противостояния. Ярким примером тому могут служить добрососедские отношения населения пограничных областей двух государств, не прерывавшиеся даже во время крупных вооруженных конфликтов.

Для крестьянства северных районов России и Финляндии, где земледелие носило лишь вспомогательный характер, важную роль играли промыслы и торговля, которая уже в древности стремилась выйти за государственные границы. Особенно активными были торговые контакты жителей Карельского Поморья и Лопских погостов (западная часть Северной Карелии между Карельским Поморьем и шведской границей) с населением Северной Финляндии.

Шведско-русскую границу, которая впервые была установлена в 1323 г., на севере пересекали удобные водные пути, облегчавшие крестьянский товарообмен по обе стороны границы. Торговые связи порубежного населения северных районов России и шведской Финляндии упрочивались и развивались. Во время военных конфликтов, которые происходили между Швецией и Новгородом,

* Очерк написан совместно с Ю. Н. Беспятым.

а с конца XV в. — Швецией и Россией, пограничное население по обе стороны границы, как правило, не питало взаимной вражды и, желая «в любви и соединении быти», заключало местные пограничные перемирия. Более или менее подробные сведения о таких перемириях содержатся в источниках с начала XVII в.

Когда в 1610–1614 гг. шведские войска вели военные действия на Кольском полуострове, в Корельском уезде, Северной Карелии и Заонежье, население, проживавшее по обе стороны границы, желая сохранить традиционные торговые контакты, в конце июня 1612 г. заключило локальное пограничное перемирие. Местные шведские и русские власти не стали препятствовать такой акции. Войны разоряли податное население, и администрация обеих сторон, усматривая в таких перемириях средство поддержания хозяйственной жизни на подвластных им территориях, «накрепко заказала своим служилым людям, чтоб они жили смирно и задоров никаких не чинили».

В это время велась интенсивная переписка между шведскими и русскими местными властями. С русской стороны в ней участвовал фактически возглавлявший русскую администрацию в Северной Карелии игумен Соловецкого монастыря Иринарх. Шведскую сторону представлял губернатор Эстерботнии Эрик Харе. В мае 1613 г. он обратился к властям Сумского острога с письмом, из которого явствует, что инициатива перемирия исходила от крестьян финских пограничных приходов, просивших шведскую администрацию оказать им в этом содействие: «Мужики, которые живут по рубежу на сей стороне, были у меня, чтоб меж тех мужиков мир учинил с вашими мужиками на вашей стороне». Предполагая возможность появления на границе русских представителей, Э. Харе распорядился не чинить им препятствий, а препроводить в губернскую канцелярию. Он, в свою очередь, призвал местную русскую администрацию приложить усилия к тому, чтобы сохранить мирные отношения в приграничных районах. Переписка русских и шведских властей свидетельствует, что пограничное крестьянское перемирие ежегодно обновлялось и подтверждалось.

В годы Северной войны вновь проявилось стремление порубежного населения северных областей к заключению локального мира. Войне предшествовал «великий голод» 1695–1697 гг., от которого сильно пострадали северные области Финляндии, так что к началу войны ее экономика еще не вошла в нормальное русло. Как никогда остро ощущался упадок торговли, поэтому традиционные контакты между жителями русской Карелии и шведской Эстерботнии имели большое значение.

Переговорам способствовало то обстоятельство, что военные действия в этих редконаселенных и отдаленных местах не велись. Устная традиция приписывает инициативу переговоров о мире пастору одного из приходов Каянской губернии Юхану Каянусу. Соглашение о мире было достигнуто в конце 1700 или начале 1701 г. на встрече представителей сторон. Русские и шведские власти не препятствовали заключению соглашения.

Условия пограничного перемирия предусматривали продолжение торговых контактов по древним водным путям, ведущим с русской территории к шведской границе и далее на запад к Балтийскому побережью. Пограничная торговля велась круглый год, приобретая наибольший размах во время зимних и летних ярмарок, которые устраивались в финском городе Каяни. Из России сюда поступали традиционные продукты ремесел и промыслов: хлеб, рыба, ткани, кожи, меха, соль. В условиях военного времени эти товары жители северной Финляндии могли получать прежде всего из-за русского рубежа. Поэтому в годы войны пограничная торговля иногда была более интенсивной, чем в мирное время. Так, например, зимой 1711 г. из России в Каяни было привезено 5 тысяч аршин домотканого полотна — сермяги. Для редконаселенных областей северной Финляндии такое количество представляется весьма значительным.

Пограничная торговля велась с небольшими перерывами в продолжение всей войны. Серьезному испытанию крестьянское перемирие подверглось весной 1712 г., когда шведский таможенный инспектор незаконно конфисковал большую партию товара, привезенного из-за восточ-

ного рубежа. Усилиями обеих сторон конфликт был вскоре урегулирован, и в январе 1713 г. торговля возобновилась.

Традиционные пограничные (или крестьянские) перемирия имели место также на Крайнем Севере в районах обитания саамов. В одном из документов, относящихся к периоду Северной войны, сказано: «При начатии нынешней войны от стороны Его царского Величества Государя нашего всемилостивейшего, тако ж и Королевского Величества свейскаго блаженной и достохвальной памяти Карола втораго на десять российские и свейские в Лапонских правинциях в то время обретающиеся управители от своих государей имели указы, а имянно что (хотя война между обоими государи и объявлена была), однако же во оных дальних правинциях один другому никакой притчины неприятельским действиям не показал, но подданных по старому их обыкновению во всяких согласных торгах и обхождении приятельском между собой сохраняли, что по все время ненарушимо сохранено было».

Ганноверский резидент в России Христиан Вебер также отмечал в своих записках, что «в главном городе Лапонии Коле, где сходятся границы шведских, датских и русских лапонцев, эти различные народцы в продолжение всей войны жили между собой дружелюбнейшим образом и не переставали вести торговлю друг с другом».

Во время следующей русско-шведской войны в декабре 1741 г. в Кольский уезд пришли двоedanщики* Масельского погоста Лаврентий Чанка и Матвей Павлов. Они были посланы на русскую территорию шведским пастором Яковом Тетениусом «для проведывания, чего ради не Колской воевоцкой канцелярии для сбора с них луковой дани в казну данщик не бывал, понеже прислан указ ис Стокгольма к тому пастору, чтоб луковую дань платили бездомочно, и жили б с россиянами по-прежнему в согласии и ссор бы никаких не имели». Кольские власти приняли их за шпионов и взяли под «крепкий караул» в воевод-

* Поскольку владения России и Швеции в Заполярье не были четко разграничены, местное население платило подати не только русским, но и шведским сборщикам налогов.

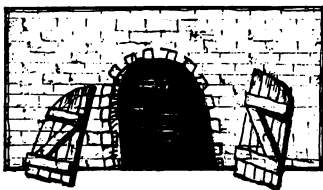
ской канцелярии, доложив об этом по инстанции. Вскоре из Петербурга пришло распоряжение «тех пойманных ис-под караула освободить и за шпионов их не признавать, а о зборе луковой дани поступать по прежним указам».

Летом 1788 г., узнав о начале военных действий между Россией и Швецией, крестьяне русской Карелии отправили к главе шведской администрации в Эстерботнии Й. Ф. Карпелану своих депутатов. Ссылаясь на прецедент, они просили его содействовать заключению пограничного перемирия, которого, по их словам, желало все русское порубежное население. Вскоре текст договора был составлен. В нем было сказано, что на северном участке русско-шведской границы традиционно даже во время военных действий сохраняются мир и согласие, и что в соответствии с этой традицией подданные обоих государств и на этот раз будут поддерживать добрососедские отношения и совершать торговые поездки через границу. Договор скрепили своими подписями улеборгский и олонешский губернаторы. Один из пунктов предусматривал возможность расторжения договора в том случае, если его не одобрит шведский король или русская императрица. Но негативной реакции с их стороны не последовало, и договор действовал на всем протяжении военных действий.

Таким образом, исторические источники свидетельствуют о том, что население по обе стороны северной части русско-шведской границы на протяжении веков связывали мирные отношения, не зависевшие от политической конъюнктуры и не прерывавшиеся даже во время войн между двумя государствами.

Литература:

Беснятых Ю. Н. «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII в. // Скандинавский сборник. XXVI. Таллин, 1970; *Bespjättyh J, Kovalenko G.* Ja asuttaisiin sovussa // Punalippu. 1981/1; *Pirinen K.* Suomen ja Venäjän rajakysymys ennen Täyssinen rauhaa // Historiallinen aikakauskirja. 1966/4. Liite.

Падение «Северного Гибралтара»

Последняя русско-шведская война 1808–1809 гг. во многом носила «кабинетный» характер, что позволило избежать кровавых жертв среди мирного населения и разорения территорий. Одним из самых знаковых и ключевых событий этой войны была во многом определившая ее исход «Свеабургская катастрофа» — капитуляция Свеабурга в мае 1808 года. Она произвела большое впечатление на современников и осталась в памяти потомков. У многих шведов даже через сто лет слово «Свеабург» пробуждало «мысли о тех днях, когда шведские мужчины и женщины продали за русское золото свою честь и интересы своей страны».

Морская крепость Свеабург (Виापори, Суоменлинна) была построена на пустынных островах близ Хельсинки для защиты южного побережья Финляндии. Работы по ее сооружению начались в 1748 г. и продолжались 25 лет. Построенная по последнему слову фортификационной науки, крепость считалась неприступной и получила название «Северный Гибралтар». Ее гарнизон насчитывал более 7500 человек, на вооружении было более 700 орудий. Поэтому сдача крепости без единого выстрела после непродолжительной осады до сих пор является одной из загадок финской истории и предметом научных дискуссий, в ходе которых были предложены две основные версии: предательство («золотые пули и порох») и нерешительность и малодушие коменданта крепости Кронштедта

в сочетании с умелой психологической обработкой и пропагандистской кампанией, предпринятой русским командованием.

К первой версии больше склоняются шведские историки, разработавшие теорию «женского заговора» против Свеаборга. С ними солидарен современный российский исследователь А. Широкоград: «Свеаборг капитулировал... исход баталии решили не сталь и свинец, а золото. Каменский просто подкупил коменданта вице-адмирала Карла Улофа Кронштедта». Финские и русские дореволюционные историки, как правило, придерживаются второй версии. По мнению М. Бородкина, «дело было не в деньгах, не они побудили Кронштедта спустить шведский флаг... Дело в его слабости. Устрашенный превосходством Русского государства над Швецией, убитый духом после отступления шведской армии, он вообразил, что Финляндия навсегда потеряна... Упадок духа сгубил гарнизон крепости. Слабого закала оказался ее комендант, еще слабее были проникнуты сознанием долга его подчиненные».

К этой точке зрения близок финский историк Х. Похьёлан-Пирхонен. По его мнению, Кронштедт «заранее считал, что оборонять Финляндию от превосходящей силы России дело безнадежное».

Советские историки объясняли успехи русских войск, в том числе и капитуляцию Свеаборга, не только их высокими качествами, но и пораженческими настроениями в шведской армии, состоявшей в основном из уроженцев Финляндии, и прорусскими симпатиями определенной части высших слоев последней.

Комендант крепости контр-адмирал Карл Улоф Кронштедт был известен как участник войны 1788–1790 гг., победитель в сражении при Свенскзунде (Руотсинсалми), которое считается одним из крупнейших морских сражений Швеции-Финляндии. Он пользовался расположением Густава III, но Густав IV сослал его из столицы в отдаленный Свеаборг, не принимая во внимание хотя бы того обстоятельства, что Кронштедт был морским, а не фортификационным офицером. Следует отметить, что одним

из просчетов короля было то, что он превратил имевший столь важное стратегическое значение Свеаборг в своего рода место ссылки неугодных ему офицеров, что сыграло роковую роль весной 1808 г.

Русская армия перешла шведскую границу 9 февраля, и уже 18 февраля (2 марта) русские войска вошли в Хельсинки, а 20 февраля осадили Свеаборг. Русские понимали, что взять крепость штурмом невозможно и решили вести психологическую войну. При штабе руководившего осадой крепости генерала П. Сухтелена была создана особая группа во главе с Йораном Магнусом Спренгпортенем. В нее вошли также Густав Вильгельм Ладу, Карл Хенрик Клик и Юхан Самуель Хагельстрём. Им было поручено вести работу, направленную на ослабление боевого духа гарнизона Свеаборга и его воли к сопротивлению.

Стараясь убедить осажденных в том, что оборона крепости бессмысленна, так как скоро вся Финляндия окажется под властью России, они посылали в Свеаборг иностранные газеты с известиями об успехах русского оружия и распространяли слухи, деморализовавшие гарнизон, а также прокламации с обещаниями отпуска по домам и раздачи денежных пособий.

Но наиболее удачной акцией этой группы следует считать привлечение к сотрудничеству живших в Хельсинки жен офицеров свеаборгского гарнизона, из которых им удалось создать небольшую, но очень эффективную женскую «пятую колонну». Не случайно впоследствии король-изгнанник Густав IV Адольф говорил, что потеря Свеаборга была вызвана в числе прочих причин и действиями «старых баб». Наиболее активной среди них была Хелена Ройтершёльд. Ее муж капитан Карл Вильгельм Ройтершёльд был командиром батареи на острове Лилла Остер Свартё. Другой ключевой фигурой была одна из самых красивых и ярких свеаборгских дам жена начальника артиллерии майора Густава Йерне — Густава София (урожденная Розенборг). Местом их встреч с представителями штаба Сухтелена стал салон родственницы Йегергорна и Спренгпортена вдовы полковника Анны Густавы Брунов.

Сухтелен любезно «разрешил» (предложил) им писать своим мужьям и встречаться с ними у крепостных стен. 19 марта Хелена Ройтершёльд впервые встретилась со своим мужем на льду у крепости. За этой встречей последовали другие, во время которых ей удалось проникнуть в крепость и встретиться с другими офицерами и — что, возможно, еще более важно — с другими офицерскими женами. На одной из таких встреч она передала своему мужу предложение Сухтелена сдать Лилла Остер Свартё за 20000 золотых дукатов. На это предложение он не согласился, но вполне вероятно, что с подачи жены он вел в крепости агитацию в пользу России. Во всяком случае, генерал Буксгевден в письме императору Александру I называл его «надежным и полезным для империи человеком».

София Йерне не посещала крепость, но она писала своему мужу и подругам письма, в которых в черных красках описывала свое положение и положение других эвакуированных женщин, лишившихся своих кормильцев и живших под угрозой бомбардировок со стороны Свеаборга.

Письма в Свеаборг писали также Спренгпортен и Клик. Их адресатами были комендант Кронштедт и его заместитель полковник Фредрик Адольф Йегергорн, который, подобно многим другим офицерам, скептически относился к возможности обороны Свеаборга. Он убеждал адмирала в том, что крепость не продержится до мая, если не подоспеет помощь из Швеции. Сделать это не составило большого труда, поскольку Кронштедт сам весьма пессимистически оценивал ситуацию. Он считал, что Финляндия в Тильзите была подарена России, что нет возможности противостоять воле Напарты и что приведению в исполнение этого декрета не в силах помешать никакая человеческая власть. С самого начала военных действий он вел себя довольно пассивно: не выслал из крепости женщин и детей (в том числе и свою собственную семью), не вел разведки, не попытался выбить русских из Хельсинки и даже не выжег его предместий.

21 марта Сухтелен послал своего сына Пауля и советника Хагельстрёма на переговоры с Кроншtedтом. Они предложили ему объявить Хельсинки нейтральной территорией, и к их удивлению Кроншtedт легко согласился на это. Это был первый шаг к сдаче Свеаборга.

Следующим шагом стало подписанное 7 апреля соглашение о перемирии, по условиям которого Свеаборг и шведский береговой флот должны быть переданы русским, если до 3 мая из Швеции не подойдут на помощь осажденным по меньшей мере пять линейных кораблей.

1 мая некоторые офицеры предложили Кроншtedту расторгнуть договор о перемирии и совершить вылазку. Но адмирал не согласился с их предложением, и 3 мая Свеаборг капитулировал. В тот же день из крепости по льду ушел первый полк, в последующие дни до материка добирались уже на лодках. Когда Кроншtedт вышел попрощаться с уходящими войсками, ему никто не ответил. Слышались только проклятия солдатских жен и детей в адрес адмирала и военного совета. 6 мая Кроншtedт вместе с семьей покинул крепость, 8 мая над крепостью был поднят русский флаг.

Адмирал оправдывал сдачу крепости тем, что крепостные сооружения сильные с моря, в зимнее время они были уязвимы с суши, тем, что в крепости было много гражданского населения и больных, в то время как офицеров и артиллерийской прислуги было мало, а также тем, что запасы пороха были ограничены.

Сам Кроншtedт был убежден в том, что, открыв ворота крепости, он оказал услугу Финляндии, России и человечеству, не причинив особого вреда Швеции. Он даже был готов поехать Швецию, чтобы дать отчет о своих действиях. Тем не менее ему не удалось оправдаться перед современниками. Он окончил свои дни в Финляндии, «всеми забытый и презираемый соотечественниками». Несмотря на то, что ничто в его поведении ни до, ни после капитуляции не свидетельствовало о том, что он был сознательным предателем, больше столетия его имя передавалось из поколения в поколение как имя изменника, подкупленного русским золотом.

Свеаборг пал, и Швеция проиграла войну, но финны получили не только мир на выгодных условиях, но и автономию, ставшую первым шагом на пути формирования собственной государственности.

Литература:

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909; *Ширококорд А. Б.* Северные войны России. М.; Минск, 2001; *Луото Р., Талвитие Х., Висури П.* Русско-шведская война 1808–1809. Хельсинки, 2009; *Pohjolan-Pirhonen H.* Kansakunnan historia. III. 1808–1855. Porvoo, 1973; *Sandström A.* Sveriges sista krig. Örebro, 1994; *Lindqvist H.* Historien om Sverige. När riket sprängdes och Bernadotte blev kung. 1998.

Союз 1812 года

Начиная войну с Россией, Наполеон рассчитывал на ее полную изоляцию. Но русской дипломатии удалось сорвать эти планы французского императора. Подписание Бухарестского договора с Турцией освободило для борьбы с Наполеоном всю Дунайскую армию, а заключение договора со Швецией позволило перебросить русские войска с северо-западной границы на запад.

В августе 1810 г. шведский сейм избрал наследником шведского престола маршала Франции Жана Батиста Бернадота, князя Понте-Корво. Он не был ставленником Наполеона, но выбор пал на него, поскольку шведы после поражения в войне с Россией, в результате которой они лишились Финляндии, связывали надежды на реванш с Наполеоном и избранием Бернадота думали угодить императору. Между тем отношения между императором и его маршалом были далеко не безоблачными, эти два человека уже давно не терпели друг друга. Их взаимная неприязнь возникла во время Итальянской кампании, когда Наполеон понял, что Бернадот стремится к независимой карьере, а тот, в свою очередь, не мог верно определить расстояние между собственным талантом и гением Бонапарта.

Тем не менее Наполеон согласился с избранием Бернадота, считая, что в случае войны с Россией воспоминания о поражении и потере Финляндии сделают шведов более воинственными, чем избранный ею французский маршал, и более франкофильскими, чем ее король-француз.

Перед честолюбивым Бернадотом открывалась перспектива стать новым Густавом Адольфом, и для него было предпочтительнее стать повелителем этой маленькой северной страны, чем претерпевать на родине эволюцию из соратника Наполеона в его подданного. Поэтому он принял предложение шведского риксдага и 20 октября 1810 г. прибыл в Швецию, где был усыновлен бездетным королем Карлом XIII под именем Карла Юхана.

С первых дней перед наследным принцем встает проблема внешнеполитической ориентации. Свой внешнеполитический курс он должен был строить исходя из того, что франко-русские противоречия рано или поздно выльются в вооруженный конфликт. В этой ситуации ему было важно определить, к какой из сторон ему следует примкнуть. Что мог дать ему союз с Францией, если даже она выиграет войну с Россией? В лучшем случае — возвращение Финляндии и усиление зависимости от Франции. Союз с Россией мог дать ему Норвегию. Это выгоднее, поскольку этим был бы достигнут выход к океану и решена проблема безопасности западной границы. Александр в качестве врага был опаснее Наполеона, от которого Швецию отделяло море.

Не будучи шведом, Бернадот мог трезво взглянуть на проблему Финляндии; шведам же это мешала сделать оскорбленная национальная гордость. А между тем возвращение Финляндии служило бы вечным поводом для столкновений с Россией, ибо русский царь не мог бы спать спокойно, помня о том, что в любую минуту в Финском заливе может появиться шведский флот, как это было в 1790 г. Еще до отъезда из Парижа Бернадот склонялся к мысли, что лучший способ служить своей новой родине — это не поддаваться устремлениям партии реванша, считавшей его мстителем за позор и унижение, постигшие Швецию в последней войне с Россией. «Я знаю тернии этого положения, — говорил он. — Я избран небольшой партией, и не ради моих прекрасных глаз, а как вождь, с условием, которое обходят молчанием, — отвоевать Финляндию. Но начинать из-за этого войну было бы безумием, к которому я не приложу своих рук». Не случайно он срав-

нивал Финляндию с погубившей Геракла сорочкой, пропитанной кровью кентавра Несса. Итак, он решил искать компенсацию вместо реванша и взял курс на сближение с Россией.

Такой курс определялся также причинами экономического характера. Союз с Наполеоном и участие в континентальной блокаде пагубно отражались на экономике Швеции, находившейся в сильной зависимости от внешней торговли, которая создавала постоянный рынок для сбыта леса, железа и стали.

Определенную роль в изменении внешнеполитического курса Швеции сыграли личные отношения Бернадота с Наполеоном, который повел себя вызывающе по отношению к бывшему соратнику. Он лишил его доходов, полагавшихся ему не только как маршалу Франции, но и как князю Понте-Корво. Он не считал его равным себе и не принял орден Серафима, посланный кронпринцем его новорожденному сыну.

Однако в шведском обществе господствовали франкофильские тенденции и реваншистские настроения. Поэтому Бернадот вынужден был некоторое время «по инерции» двигаться в сторону Франции или же лавировать между противоборствующими сторонами, стараясь не связать себя никакими обязательствами ни с одной из них. В конечном итоге его выбор зависел от отношения великих держав к его внешнеполитической программе, краеугольным камнем которой было присоединение Норвегии.

Наполеон не принял предложений Бернадота о заключении союза на условиях присоединения Норвегии к Швеции и посоветовал отстаивать интересы Швеции в другом месте, имея в виду Финляндию. Это заставило наследного принца искать сближения с Россией. В свою очередь, русская дипломатия внимательно наблюдала за происходившими в Швеции событиями. Русский военный агент полковник А. И. Чернышев в июле 1810 г. сообщал из Парижа, что Бернадот «чрезвычайно хорошо расположен к России и постоянно отзывается о ней очень похвально». Ему удалось расположить принца к себе, и тот «облагодетельствовал его, удостоив своим доверием». В ноябре Черны-

шев был послан со специальной миссией в Стокгольм. Официально ему было поручено поздравить кронпринца с избранием, но главная цель поездки состояла в том, чтобы выяснить его истинные намерения в отношении России.

В начале декабря Чернышев прибыл в Стокгольм, где был принят королем и трижды встречался с наследным принцем, который заявил ему о своем желании завязать тесную дружбу с российским императором и выразил огорчение в связи с тем, что Россия, в поддержке которой так нуждается Швеция, пытается заставить последнюю следовать интересам Франции и строго соблюдать континентальную блокаду. Принц также пожаловался Чернышеву на оскорбительные поступки Наполеона. В конце беседы он дал понять, что Швеция будет нейтральна, куда бы русский император ни двинул свои войска. Чернышев сообщил императору, что Бернадот — это «не слуга императора Наполеона, поскольку его заживо затронутое самолюбие сделало то, что он совершенно потерял для Франции. Наследный принц убежден, что собственные выгоды должны побуждать его искать поддержку и покровительство Вашего Величества, и не замедлит при малейшем знаке с Вашей стороны подчиниться тому, что Вы пожелаете».

Миссия Чернышева была первым успехом русской дипломатии в Швеции после Фридрихсгамского мира. Она положила начало русско-шведскому сближению. Тем не менее подписание договора следовало отложить до тех пор, пока Швеция не сделает окончательного выбора. Вскоре ей представилась возможность сделать его. В январе 1812 г. Шведская Померания была оккупирована французскими войсками. Эта акция Наполеона нанесла удар по профранцузским настроениям в шведском обществе и упрочила положение наследного принца как в Швеции, так и за ее пределами. Он не упустил возможности развернуть антифранцузскую кампанию в прессе и заявил, что подобные действия со стороны Наполеона позволяют Швеции занять нейтральное положение по отношению к Франции. Под его нажимом Карл XIII в феврале издал указ о нейтралитете Швеции и о допуске в ее порты судов

всех стран. Фактически это означало отпадение Швеции от континентальной блокады и возобновление ее отношений с Англией.

6 февраля Александр I созвал специальное совещание, чтобы определить политику России в отношении Швеции. Среди присутствующих были министр иностранных дел Н. Л. Румянцев, военный министр М. Б. Барклай де Толли и член Государственного совета Г. Х. Армфельт, доклад которого заслушали участники совещания. Было решено привлечь Швецию к борьбе с Францией, пообещав ей за это Норвегию, приобретение которой умиротворило бы шведское национальное чувство. Для переговоров о подписании оборонительного союза из Швеции в Петербург прибыл граф К. Левенгельм. Центральным вопросом переговоров был вопрос о Норвегии. Александр I не склонен был осуществлять присоединение Норвегии вооруженным путем, так как к Дании у него, по его словам, «не было никаких претензий». Кроме того, он считал, что присоединение Норвегии должно последовать за высадкой шведских войск в Германии. Карл Юхан же настаивал на том, что присоединение Норвегии должно стать не наградой, а предварительным условием участия Швеции в войне против Франции. В марте из Петербурга в Стокгольм был направлен генерал П. К. Сухтелен. С этого времени переговоры о союзе велись параллельно в обеих столицах.

24 марта (5 апреля) 1812 г. в Петербурге был подписан русско-шведский союзный договор, гарантировавший неприкосновенность владений двух государств. Отныне Россия могла не бояться нападения с севера. Договор стал первым камнем в фундаменте новой антинаполеоновской коалиции. Десятая статья предусматривала помощь России в присоединении Норвегии к Швеции путем мирных переговоров либо путем совместной военной экспедиции против Дании, после чего союзные войска предполагалось перебросить в Северную Германию для действий в тылу наполеоновских войск. Согласно шестнадцатой статье, шведский король взял на себя роль посредника в русско-турецких переговорах, которые закончились подписанием Бухарестского мирного дого-

вора. В июле после англо-русско-шведских переговоров были подписаны англо-шведский и англо-русский договоры, в результате чего Англия стала участником антифранцузской коалиции, к которой позднее присоединились Пруссия и Австрия.

В августе 1812 г. Александр I и Бернадот встретились в Або (Турку), где с глазу на глаз обсуждали планы совместных действий против Франции. О содержании этих переговоров известно лишь то, что на них обсуждалась возможность переброски шведской армии в Россию при условии передачи Швеции в залог за Норвегию Финляндии или прибалтийских провинций России. По некоторым сведениям, на переговорах в Або обсуждался также вопрос о судьбе французского трона. При этом Александр якобы обещал поддержать Бернадота, если он захочет стать преемником Наполеона после его вероятного падения. 30 августа была подписана русско-шведская конвенция, подтвердившая союзный договор, расширившая его рамки и укрепившая позиции династии Бернадота на шведском троне.

Стремительное продвижение французских войск вглубь России не только снимало с повестки дня совместную военную операцию в Германии, но и грозило Бернадоту крушением всех его планов, связанных с Россией. Поэтому в трудное для российского императора время шведский кронпринц старался оказать ему моральную поддержку. Он убеждал Александра I в том, что в его распоряжении находятся огромные ресурсы, обученные и закаленные войска, что он борется за правое дело; советовал ему поддерживать в народе мысль о том, что французы будут разбиты, и приучать людей всех рангов и классов не верить в непобедимость Наполеона. Узнав о взятии Наполеоном Москвы, он писал Александру I, что это принесет французскому императору лишь мимолетную славу. Александр отвечал ему, что он полон решимости выстоять и предпочтет погибнуть под развалинами империи, чем вступить в сговор с современным Аттилой.

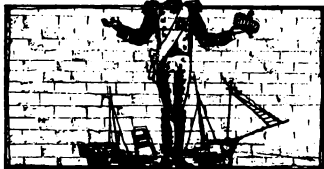
Петербургский договор не был действенным, поскольку цели договаривающихся сторон не совпадали: Швеция

хотела обеспечить присоединение Норвегии и получить денежные субсидии, а Россия стремилась использовать Швецию в борьбе против Франции. Поэтому договор практически остался только на бумаге, и Швеция до весны 1813 г. с согласия России оставалась ее невоюющим союзником. Тем не менее союз 1812 г. означал поражение французской дипломатии в Швеции, срывал планы изоляции России. В этой связи Наполеон с раздражением и недоумением заметил: «Неслыханная вещь — две державы (Швеция и Турция. — Г. К.), которые должны потребовать все обратно у русских, являются их союзниками как раз тогда, когда представляется прекрасный случай вновь завоевать потерянное».

Если говорить о значении договора 1812 г., то следует отметить, что оно было больше морально-политическим, чем военным, ибо для России он означал срыв дипломатической изоляции, а для Швеции обеспечивал посредничество России в присоединении Норвегии. Этот договор подвел черту под многовековой историей войн и конфликтов между Россией и Швецией, стал фактором, надолго определившим не только отношения между ними, но и международное положение на севере Европы. Сближение с Россией способствовало становлению нейтралитета как основы шведской внешней политики.

Литература:

Россия и Швеция. Документы и материалы 1809—1818 гг. М., 1985; *Al in O. Carl Johan och Sveriges yttre politik 1810—1815*//Historisk studie. Stockholm, 1889; *Höjer T. Karl XIV Johan. Kronprinstiden*. Stockholm, 1943; *Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. III*. СПб., 1910, Ростов-н/Д, 1995; *Звавич И. С. Союз между Россией и Швецией 1812 г.* //Известия АН СССР. Серия «История и философия». 1944. Т. I. № 1; *Коваленко Г. М. Русско-шведский союз 1812 г.*//Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974; *Рогинский В. В. Россия и Швеция: Союз 1812 г. М., 1978; Рогинский В. Маленький серебряный меч*//Родина. 1997/10.

Неожиданный визит. Николай I в Стокгольме

Русско-шведский союзный договор 1812 г. лег в основу нового дружественного России внешнеполитического курса Швеции, получившего название «политика 1812 года». После окончания наполеоновских войн для внешней политики Швеции было характерным балансирование между Англией и Россией, ориентируясь предпочтительно на первую. Личная дружба монархов сохранялась и после смены монарха на российском престоле. Николаю I нужна была свобода рук на Севере для осуществления своих планов на Востоке, а шведский монарх видел в консервативном императоре поддержку против потрясавших Европу народных движений. Французская революция 1830 г. усилила консерватизм и русофильство Карла XIV. Польское восстание 1830–1831 гг. он рассматривал как плохой пример для Норвегии. Родившегося в 1831 г. внука он демонстративно назвал Николаем Августом, и царь стал его крестным отцом. В свою очередь Николай I согласился на раздел с Норвегией спорных территорий в Заполярье.

Русско-шведские отношения омрачились во время восточного кризиса 1833–1834 гг. Ухудшение русско-английских отношений в связи с продвижением России в Причерноморье поставило Стокгольм перед выбором между Лондоном и Санкт-Петербургом. В условиях углубления кризиса англо-русских отношений по вопросу о черноморских проливах в 1834 г. Швеция приняла

декларацию о нейтралитете, которая давала преимущества Англии.

Следует отметить, что это время не только в шведском обществе, но и в правительстве усиливается неприязнь к русскому влиянию. В 1830 г. многие шведы сочувствовали польским повстанцам. Либеральная оппозиция, у которой была бóльшая связь с Англией и Францией, чем с царской Россией, требовала сближения с Лондоном и Парижем.

В это же время в Скандинавских странах зарождается и распространяется скандинавизм, культивирующий идеи политической, экономической и культурной общности Скандинавских стран. Его рассматривали также как средство противодействия преобладанию России в Северной Европе, поэтому его оборотной стороной была русофобия.

В 1836 г. в Швеции вышла брошюра оппозиционного публициста Андерса Линдеберга «Россия, ее система правления и опасность, которую она представляет для Европы». По мнению автора, политическая система России представляла собой полную противоположность североамериканской. Ее отличительными чертами были неограниченное самовластие, деспотизм цензуры и противодействие устремлениям и чаяниям эпохи. Линдеберг писал о том, что у русских людей нет прав, а есть лишь обязанность повиноваться. Он считал, что в будущем не Россия завоеует Европу, а Европа Россию. Но не штыками, а своей культурой, ибо такое завоевание — самое прочное.

В этой ситуации Николай I решил поправить имидж России в Швеции и предпринял «пиар-акцию», направленную на завоевание шведского общественного мнения. В 1838 г. великий князь и наследник Александр Николаевич в сопровождении своего воспитателя В. А. Жуковского совершал поездку по Европе, в ходе которой он должен был посетить Швецию. В Стокгольме ждали прибытия лишь его одного, но император Николай I захотел воспользоваться случаем, чтобы самому посетить престарелого короля, не предупреждая его о том. Вечером

29 мая (10 июня) пароход «Геркулес» под флагом наследника вошел в стокгольмскую гавань и бросил якорь перед королевским дворцом, где цесаревича под гром артиллерийского салюта встречал принц Оскар и приветствовали толпы собравшегося у пристани народа. Король должен был принять его позже, а пока он сидел в своем кабинете и просматривал газеты.

Его адъютант Магнус Брахе стоял у окна, наблюдая за тем, что происходит у королевского дворца. К своему удивлению он увидел, что от свиты наследника отделились два человека и направились по лестнице ко дворцу. В одном из них он узнал сына бывшего русского посланника при шведском дворе графа Сухтелена, а во втором — императора Николая Павловича. Через несколько минут российский император со словами «Сир, Вы ждали сына, но вот перед Вами отец» предстал перед изумленным шведским королем, с которым до этого они встречались в Париже в 1814 г. Они заключили друг друга в объятия, после чего продолжительное время беседовали за закрытыми дверями.

Своим неожиданным визитом Николай хотел продемонстрировать шведскому королю свои дружеские намерения и привязанность. И это ему удалось в полной мере. Вот как описывает их встречу очевидец: «Старый, худенький с орлиным носом и чрезвычайно умным выражением глаз, он (Карл XIV. — Г. К.) был в совершенном восторге от присутствия столь сильного соседа... Я наблюдал лица придворных шведского короля. Все они были как будто в изумлении. Конечно, не страх привел их в смущение, а неожиданность приезда государя нашего — удивление его любезности, его превосходной поразительной наружности, той ловкости, с которой Его Величество изволил обходиться с королем — маститым старцем, который, проходя по комнатам своего длинного дворца, не чувствовал, кажется, вовсе усталости».

На следующий день император с наследником посетили гвардейские казармы и военный госпиталь, потом обедали у короля и наследного принца. После обеда с «Геркулеса» во дворец привезли великих князей Николая и Михаила.

Они были одеты в красные шелковые рубашки и ямщицкие шляпы.

После обеда в сопровождении членов королевской семьи они посетили королевский зверинец Юргорден, где их приветствовали жители Стокгольма.

31 мая (12 июня) император в сопровождении короля присутствовал на смотре войск стокгольмского гарнизона. Улицы, по которым следовал королевский кортеж, были заполнены народом. После смотра пехоты было проведено построение гвардейской кавалерии и артиллерийское учение. Весь смотр продолжался до двух часов при сильной жаре. В отсутствие полиции толпы горожан, собравшиеся на учебном поле, часто мешали движениям войск.

Обед в этот день давал наследный принц Оскар, а вечером у королевы был бал, после которого в ночь на 1 (13) июня Николай I с младшими сыновьями Николаем и Михаилом «под гром пушек и все потрясающее “ура!” отбыл в Россию на пароходе “Геркулес”». Перед отплытием император наградил многих шведов русскими орденами. С собой он увозил подаренную ему Карлом XIV розовую «порфиновую» вазу, которая в 1839 г. была установлена в Летнем саду.

Уже на судне император собрал сопровождавших его офицеров и говорил с ними о шведской армии и шведских военных учреждениях. Похвалив шведских солдат, он заметил, что «общее образование их далеко не безукоризненно и что военная организация имеет обветшалые основания, хотя в экономическом отношении и представляющие неоспоримые выгоды».

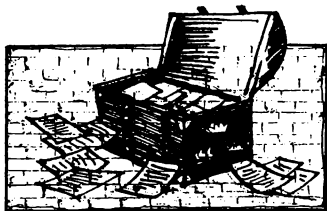
По словам очевидца этого неожиданного визита, «двухдневное пребывание императора в Стокгольме решительно очаровало весь город... Никто не мог опомниться от этого орлиного могучего налета нашего царя. Самые закоренелые враги России присмирели, не зная, чему дивиться: своему ли прежнему невежеству или этому магическому непреодолимому влиянию русского царя на душу каждого... Все были обворожены Его Величеством... Шведы и милые шведки, посещавшие из любопытства наш пароход, только и говорили о всеобщем восторге, который был

произведен неожиданным приездом государя. Журналисты позамолкли. Словом, необыкновенный переворот совершился в уме нации... Собирая сведения от разных лиц, мы с удовольствием узнали, что шведы совершенно изменились в понятии своем о русских».

Очевидно, эта восторженная оценка неожиданного визита несколько завышена, тем не менее следует все-таки признать, что эта «пиар-акция» императора в какой-то мере ослабила антирусские настроения если не во всей Швеции, то хотя бы в ее столице. Этот эпизод из истории русско-шведских отношений свидетельствует о том, что в вопросах внешней политики Николай не всегда был «жандармом Европы», мечтавшим об интервенции и вмешательстве во внутренние дела соседних государств.

Литература:

Фелькнер В. И. Поездка императора Николая Павловича в Стокгольм в 1838 г. // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1; *А. К-ий.* Поездка из С.-Петербурга в Стокгольм на пароходе «Александрия» в 1838 г. // Русская старина. 1908. Т. 135. № 8; *Татищев С. С.* Император Александр II. Жизнь и царствование. СПб., 1911; *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003; *Lindenberg A.* Ryssland, dess styrelsesystem och faran deraf för Europa. Stockholm, 1836; *Lagerqvist L. O., Wiséhn I., Åberg N.* Ryska statsbesök i Sverige. Stockholm, 2004; *Säve T.* Sverige under den nyaste tiden. 1809–1875. Stockholm, 1881; Николай I в донесениях шведского посланника // Русский архив. 1866/5.

«Скандинавия неистощима
в северных исторических памятниках».
С. В. Соловьев в Швеции

С глубокой древности между Русским и Шведским государствами существовали тесные экономические, политические и культурные связи. Поэтому в шведских архивах скопились многочисленные источники по русской истории. Не случайно известный шведский славист Андерс Шеберг назвал Государственный архив Швеции «золотой жилой» для тех, кто занимается изучением русской истории и культуры.

Еще В. Н. Татишев во время своей поездки в Швецию в 1724–1726 гг. обратил внимание на хранившиеся в Стокгольме рукописи и книги, «до русской истории относящиеся». Проторил же «археографическую тропу» в Швецию профессор русского языка и литературы Хельсинкского университета Сергей Васильевич Соловьев (1796–1857). Летом 1837 г. он предпринял за свой счет научную поездку в Швецию с целью отыскания в шведских архивах источников по истории России. Эта поездка дала обнадеживающие результаты. Главной находкой была рукопись на шведском языке «О некоторых русских обычаях», которая при дальнейшем исследовании оказалась переводом с русского языка сочинения бежавшего в Швецию подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, назвавшегося в Швеции Александром Селицким. Так был открыт ценнейший источник по истории России, без которого сегодня не обходится ни один историк, занимающийся историей Русского государства XVII в.

Кроме того, у частных лиц Соловьев приобрел документы по истории Смутного времени. Когда они были напечатаны в изданиях Археографической комиссии, известный русский археограф П. М. Строев писал ее председателю П. А. Ширинскому-Шихматову: «Я наслаждаюсь чтением второго тома «Актов исторических», бумаги, приобретенные в Швеции, любопытны в высшей степени, их надобно читать прилежно и с большим вниманием; история Смутного времени выходит ими в свет из прежнего сумрака и хаоса».

Археографическая комиссия поддержала предложенный С. В. Соловьевым проект археографической экспедиции в Швецию и ходатайствовала перед министерством народного просвещения о выделении средств для ее осуществления. В мае 1838 г. он поехал в Швецию уже в качестве члена-корреспондента Археографической комиссии.

В Государственном архиве Швеции Соловьев обнаружил собрание русских дипломатических актов и смоленские следственные дела, а в библиотеке Упсальского университета — «Хронику Польши, Литвы, Жмуди и всей Руси» польского историка XVI в. М. Стрыйковского, печатное Уложение 1649 г., славяно-русско-латинский словарь Спарвенфельдта, две Разрядные книги и другие документы. В Лунде он приобрел более 300 русских, белорусских и польских актов. В отделе рукописей библиотеки Упсальского университета он обнаружил подлинник сочинения Котошихина, с которого был сделан найденный им год назад в Стокгольме перевод.

В Упсале он встретился с путешествовавшим по Швеции литератором Ф. В. Булгариным, с которым был знаком еще со студенческих лет. Подозревая, что тот приехал в Швецию с той же целью, что и он, Соловьев пытался уверить его, что в Швеции нет ничего заслуживающего интереса, что касается русской истории. Он даже изменился в лице, увидев, что в отделе рукописей университетской библиотеки Булгарин обратил внимание на мемуары гетмана Сапеги, и Булгарин поспешил заверить Соловьева, что он не будет делать из них каких-либо выписок.

Во время третьей поездки в Швецию в 1839 г. в Государственном архиве Швеции в красном сундуке, где хранился походный архив Я. Делагарди, Соловьев обнаружил материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг., которые шведский военачальник взял с собой в качестве трофея при отступлении из Новгорода после заключения Столбовского мира.

По достоинству оценив значение Новгородского оккупационного архива, Археографическая комиссия поручила Соловьеву во время очередной поездки в Швецию разобрать этот архив и составить его опись. В 1840 г. он успешно справился с этим поручением и, кроме описи, представил в Археографическую комиссию копии 33 подлинных актов, а также 8 приказных книг и тетрадей.

В целом результаты четырех археографических экспедиций в Швецию превзошли ожидания С. В. Соловьева. «Скандинавия неистощима в северных исторических памятниках, — писал он в Археографическую комиссию. — Нужно посвятить несколько лет путешествий и непрерывных занятий для полного и более сообразного с целью и потребностями русской истории собрания скандинавских источников. Собранное мною есть сотая или тысячная, или еще меньшая частица того, что предстоит в будущем».

Материалы, приобретенные Соловьевым в Швеции для Археографической комиссии*, хранятся теперь в архиве Санкт-Петербургского института российской истории РАН. Среди них документы по истории Смутного времени, порубежные и дипломатические акты, подлинные письма Б. Годунова, В. Шуйского, Лжедмитрия II, донесения шведских дипломатов из России, иностранные сочинения о Московии. Наиболее интересные материалы были опубликованы в изданиях Археографической комиссии. Сам Соловьев практически не воспользовался открытыми им документами. Единственной основанной на них

* По мнению датского исследователя Д. Линда, значительная часть документов была похищена Соловьевым.

публикацией была статья о Тимофее Анкудинове*, опубликованная в 1847 г. в «Финском вестнике».

Возможно, что для этого у него не было времени. Вскоре после возвращения из последней поездки в Швецию у него стали обнаруживаться признаки психического заболевания, причиной которого, по слухам, была «усиленная работа» и неблагодарность министра народного просвещения графа С. С. Уварова. В 1842 г. Соловьев вынужден был оставить работу в университете, в 1843 г. его поместили в психиатрическую больницу. Умер он в 1857 г. в клинике ревельской богадельни.

Работу по разысканию источников по русской истории в шведских архивах продолжили А. Чумиков, Ю. Готье, К. Якубов, Г. Форстен, А. Папков, О. Вайнштейн, Л. Черепнин. В последнее время шведскими и российскими учеными опубликованы кабальные, купчие и таможенные книги из Новгородского оккупационного архива, обнаруженно-го С. В. Соловьевым в Государственном архиве Швеции.

Литература:

Протоколы заседаний Археографической комиссии. Т. 1–2. СПб., 1855–1886; *Булгарин Ф. В.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 г. СПб., 1839; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. 1. Ч. 2. Киев, 1892; *Коваленко Г. М.* Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции//Скандинавский сборник. XXXII. Таллин, 1988; *Dahl S.* Om märkliga ryska dokument i Kungliga biblioteket//Biblis. 1959/60.

*Тимофей Анкудинов был одним из самых незаурядных самозванцев XVII в. Он выдавал себя то за сына, то за внука Василия Шуйского. В 1651 г. он появился в Швеции, где снискал покровительство канцлера А. Оксеншерны и даже получил аудиенцию у королевы Кристины.

Пушкин и Швеция

Пушкин никогда не был за границей, тем не менее, его жизнь и творчество имели точки соприкосновения с историей и культурой многих европейских стран, в том числе и Швеции. Он был связан с этой страной, прежде всего генеалогически как по материнской, так и по отцовской линии.

В 1736 г. прадед поэта «арап Петра Великого», воспитанник и сподвижник царя Абрам Ганнибал женился вторым браком на дочери пленного шведского капитана Матвея фон Шёберха (Sheberx, Sjöberg) Христине Регине. Их сын Осип Абрамович Ганнибал в 1741 г. получил генеральский чин и псковскую вотчину. Его дочь Надежда Осиповна стала матерью поэта.

По линии отца родоначальником Пушкиных был, известно, легендарный Ратша. У его правнука Гаврилы Олексича, подвиг которого был увековечен в летописном рассказе о Невской битве, было два сына — Иван Морхиня и Акинф Великий. От Ивана Морхини пошел род Пушкиных, а от Акинфа Великого — род Аминовых (Аминевых), представитель которого Федор Аминов в 1609 г. перешел на службу к шведскому королю Карлу IX и в 1618 г. был возведен в дворянское достоинство. Его потомки и ныне живут в Швеции и Финляндии.

В историко-публицистической прозе «Исторические заметки» и подготовительных материалах к «Истории Петра» Пушкин определил основные точки соприкосно-

вения русской и шведской истории, выделил основные эпохи, когда русские и шведы оказывали друг на друга значительное влияние.

Общая история России и Швеции начинается в те времена, которые в Скандинавии называют эпохой викингов, а в России временем образования Древнерусского государства, в формировании которого приняли участие скандинавы. В отечественной исторической науке эта эпоха до сих пор вызывает ожесточенную полемику. В споре норманистов и антинорманистов Пушкин был на стороне норманистов. Как отметил Л. В. Черепнин, он «считал достоверной летописную легенду о добровольном призвании славянами варяжских князей, принимал норманскую теорию образования государства на Руси». Пушкин, в частности, писал: «В IX в. Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-руссов... Одна фамилия варяжская властвовала независимо». Для него «дерзкий скандинав Рюрик» — завоеватель, который подобно нормандскому герцогу Вильгельму Завоевателю являет пример «положительного» завоевания.

В наброске «Москва была освобождена», объясняя избрание Михаила Федоровича царем, он подчеркивал, что «юный Михаил происходил от Рюрика, ибо его родная бабка, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Ивана Васильевича».

В том же наброске Пушкин пишет, что в 1612 г. «король шведский думал о замирении». Тем самым он фиксирует еще одну точку соприкосновения истории двух стран — начало XVII в., оставшееся в памяти современников и потомков как Смута или Смутное время, когда Швеция принимала активное участие во внутренних делах России.

Самое пристальное внимание поэт обратил на судьбоносное для России и Швеции начало XVIII в., когда «Россия молодая мужала с гением Петра», а Швеция утрачивала статус великой державы. Шведы и Карл XII фигурируют на страницах его «Истории Петра» и «Полтавы». При этом история то перекликается с поэтическими образами, то как бы противоречит им: «Шведы наконец научат

и нас, как их побеждать» («История Петра») и «Суровый был в науке славы ей (России. — Г. К.) дан учитель: не один урок нежданый и кровавый задал ей шведский паладин» («Полтава»). Несмотря на такие характеристики шведского короля в «Полтаве», как «венчанный славой бесполезной» и «герой безумный», в «Истории Петра» Пушкин пишет: «В траншее убит был картечью Карл XII. Петр оплакал его кончину». Однако в этом нет противоречия, поскольку и в поэме он называет Карла «отважным», а шведов «славными пленниками». В целом Пушкин уловил и передал уважительно-настороженное отношение Петра к шведам, которых он считал «славным и регулярным народом».

Следует отметить, что, работая над «Полтавой», Пушкин обращался не только к известному сочинению Вольтера о Карле XII, но и к работам шведских историков Г. Адлерфельда и Е. Норберга. Он использовал также изданную на немецком языке книгу шведа Ф. Страленберга «Северная и восточная часть Европы и Азии», которая была в его библиотеке. Известно также, что в 1824 г. Пушкин встречался с 130-летним казаком Николой Искрой и слушал его рассказы о шведах и Карле XII.

В «Заметках по русской истории XVIII в.», характеризуя царствование Екатерины II, Пушкин отмечает, что одним из результатов ее внешнеполитической деятельности была «униженная Швеция». При этом он имеет в виду, что ее правление совпало с периодом «эры свобод» в Швеции, когда королевская власть была низведена до такой степени, что важнейшие документы скреплялись не подписью монарха, а штампом с его подписью, которым сановники пользовались по своему усмотрению. Власть была сосредоточена в риксдаге, который, подобно польскому сейму, превратился в большой рынок, на котором продавались государственные интересы. Какая-то доля вины за упадок Швеции в «эру свобод» была и на России, в интересах которой было иметь по соседству слабую Швецию. Поэтому Екатерина II выступала гарантом шведской конституции и была противником восстановления сильной королевской власти в Швеции.

Вмешательство российской дипломатии во внутренние дела Швеции раздражало шведское общество. Восстановив абсолютизм, Густав III покончил с режимом сословного парламентаризма.

Что касается художественного творчества Пушкина, то можно сказать, что именно он ввел шведскую тему в русскую литературу. Именно с его «Полтавы» началось знакомство нескольких поколений русских школьников со Швецией и шведами.

Есть «шведской след» и в пушкинской «Пиковой даме». В 1824 г. в Швеции был издан роман Класа Юхана Ливийна «Пиковая дама, повесть в письмах, найденных в Данвикене». На него обратил внимание хорошо известный русскому читателю пушкинской поры немецкий писатель-романтик Фридрих Ламотт-Фуке. Он перевел его на немецкий язык. Французский филолог Жан-Жак Антуан Ампер написал о нем в своих путевых заметках «Очерки Севера», отрывки из которых были опубликованы в «Библиотеке для чтения» в 1834 г. за несколько месяцев до выхода пушкинской «Пиковой дамы». Но еще в 1825 г. содержание романа Ливийна было изложено в «Московском телеграфе». Вполне вероятно, что по одной из этих публикаций Пушкин знал о книге Ливийна. На это, в частности, указывал в своем комментарии к «Евгению Онегину» В. Набоков.

Весьма примечательно и то, что одну из глав пушкинской «Пиковой дамы» предваряет эпиграф за подписью шведского философа-мистика Эммануэля Сведенборга (Шведенборга). В эпиграфе фигурирует шведская баронесса фон Б. — Брита де Бем, которую Д. М. Шарыпкин считает вторым прототипом графини Анны Федотовны.

Расцвет творчества Пушкина совпал с периодом охлаждения в отношениях между двумя странами. Несмотря на то, что с 1812 г. во внешней политике Швеция ориентировалась на Россию, в стране еще жила память о последней русско-шведской войне, в результате которой она лишилась Финляндии. Кроме того, следует иметь в виду реакцию шведов на внешнюю и внутреннюю политику Николая I. В этом контексте шведские либералы воспри-

нимали Пушкина, прежде всего, как автора стихотворения «Клеветникам России».

В годы правления Николая I шведскую русофобию питали, с одной стороны, скандинавизм*, а с другой, внутри- и внешнеполитический курс русского правительства. Именно в это время рождается миф о русской угрозе, в формировании которого принял участие известный шведский поэт Эсайас Тегнер. Будучи убежденным русофобом, он писал, что «русские были ненавистны ему с детства». В поэме «Svea» («Швеция»), удостоенной приза Шведской академии, он в ярких поэтических образах выразил идею «угрозы с Востока».

Шведы называют Тегнера «шведским Пушкиным»**. В своем стихотворении «Карл XII» (1818) и поэме «Аксель» (1822), герой которой — сподвижник Карла XII, погибает, полюбив русскую девушку, он выразил восхищение Карлом. Став любимой книгой шведского читателя, «Аксель» принес Тегнеру славу национального поэта***.

На этом фоне пушкинская «Полтава» могла восприниматься многими шведами как ответ Тегнеру и оскорбление шведского национального чувства. Пушкинские слова «Ура! мы ломим; гнутся шведы» и сегодня хорошо

* Скандинавизм — течение политической мысли, культивирующее идеи политической, экономической и культурной общности Скандинавских стран, заложившее основы скандинавского сотрудничества. Зародившийся в 1830—1840-х гг. как культурный или университетский скандинавизм, во второй половине столетия он приобрел политическое направление, стал средством противодействия влиянию России в Северной Европе.

** «Шведским Пушкиным» называют также великого национального поэта Швеции Карла Микаэля Бельмана (1740—1795). Пушкин познакомился с его творчеством уже в лицейские годы. Известно, что он вместе с другими лицеистами пел его песни, вероятно, в немецком переводе.

*** Исследователь русско-скандинавских литературных связей Д. М. Шарыпкин предполагал, что, работая над «Полтавой», Пушкин читал эту поэму Тегнера, которая была переведена на немецкий и русский языки.

известны не только русским, но и шведам. Не случайно «Полтава» была переведена на шведский язык только в 1888 г.

Вообще путь Пушкина к шведскому читателю был нелегким и тернистым, проходил сквозь непонимание, предрассудки и предубеждения. Шведы не спешили переводить Пушкина, и его первые переводы на шведский язык были сделаны Ф. А. Платеном, Ф. Сигнеусом, Ю. Рунебергом, К. Г. Кремером в Финляндии, где шведский оставался основным языком в образованном шведском обществе.

Тем не менее Пушкина в Швеции читали (в том числе на немецком языке в переводе Роберта Липперта), им увлекались, с ним спорили, его творчеством интересовались. В 1841 г. в Упсальском университете доцентом Карлом Юлиусом Ленстрёмом была защищена первая в мире докторская диссертация, посвященная творчеству Пушкина, под названием «Александр Пушкин, русский Байрон». Ленстрём измерял величие поэта его духовной близостью с Байроном. Он не знал русского языка и читал Пушкина в посредственных немецких переводах, поэтому его диссертация не отличается глубиной и изобилует ошибками, порой курьезными*. В связи с этим известный русский переводчик и историк литературы Я. К. Грот заметил, что Ленстрём «говорит с голоса других и наугад». Тем не менее он отметил, что уже само появление его диссертации «составляет весьма примечательный для России факт в современной литературе. Давно ли в Европе знали понаслышке имена двух-трех представителей умственной деятельности русских, а теперь в древнейшем университете Севера предметом публичного прения избирается русский народный поэт».

В 1889 г. известный славист, первый шведский историк русской литературы Альфред Йенсен перевел на шведский язык «Евгения Онегина». Он посвятил Пушкину раздел в своей «Истории русской культуры» (1908). Йенсен

* «Душа» по-шведски — *själ* (шэль); название стихотворения Пушкина «Черная шаль» Ленстрём перевел как «Черная душа».

писал ее в то время, когда официальная Швеция проводила антирусскую политику, поэтому он не сумел объективно отнестись к патриотической теме в творчестве Пушкина. Он осуждал «антишведскую направленность» и «царистский сервилизм» поэта. Как певца национально-государственного величия России воспринимала Пушкина и Сельма Лагерлёф, которая полемизирует с ним в одной из глав своего знаменитого «Нильса Холгерсона».

В круг петербургских знакомых Пушкина входил секретарь шведского посольства Густав Нордин. Поэт пользовался услугами дипломата для приобретения запрещенных книг. В одном из своих писем Пушкин благодарит Нордина за «любезную контрабанду» и просит его достать ему запрещенную в России поэму Г. Гейне «Германия» («Зимняя сказка»). Дневниковая запись свидетельствует о том, что в 1834 г. Пушкин говорил с ним о русском дворянстве, о гербах и семействе Екатерины I. Сохранилась депеша Нордина в Стокгольм, в которой он характеризовал Пушкина как «писателя высоких достоинств и поэта, не имевшего соперников в стране», гибель которого была «национальной потерей» для России.

Одним из эпизодов шведской пушкинианы является посмертный портрет Пушкина, написанный по заказу друга поэта Павла Воиновича Нашокина шведским художником Карлом Петером Мазером в 1839 г. Работая над портретом, Мазер использовал принадлежавший Нашокину мраморный бюст работы Витали и маску поэта, сделанную русским скульптором со шведскими корнями Самуилом Хальбергом. Мазер написал также портрет Натальи Николаевны Пушкиной.

Пушкин и шведы — достаточно сложная проблема. В ней, как в капле воды, отразился асимметричный характер русско-шведских отношений в новое и новейшее время, на который указал А. С. Кан. Он отметил, что Россия и ее политика были гораздо важнее для Швеции, чем шведская политика для России. «В демографическом смысле малый народ противостоял большому, в политическом смысле — малая держава великой». Поэтому поколения шведов вырастали с предвзятым отношением к России,

в «страхе перед русскими» («Rysskräcken»), которых они считали своими «исконными врагами» (Arffiende Ryssen). В этих понятиях отразились предубеждение и некоторое культурное отчуждение, жертвой которых в какой-то мере стал Пушкин, который и сегодня для большинства шведов не так известен, как великие русские прозаики, и не является знаковой фигурой русской культуры.

Россияне по-разному относились к шведам, многовековое соперничество с которыми имело своим результатом ряд войн различной степени кровопролитности, тем не менее, они испытывали перед ними скорее не страх, а уважение. Для многих русских людей даже в периоды конфронтации Швеция была государством-образцом, не исконным врагом, а достойным противником, говоря пушкинскими словами, «шведом суровым», победа над которым досталась учением у него. Эта особенность русского восприятия шведов отразилась в творчестве поэта.

Литература

Шарынкин Д. М. Пушкин в шведской литературе//Пушкин. Материалы и исследования. Вып. VII. Л., 1974; *Фокин В. И.* Пушкинские дни в Скандинавских странах в 1937 г.//Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002; *Найдич Е. Е.* Письмо Пушкина к Густаву Нордину//Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1958; *Сванидзе А. А.* Люди Севера в творчестве А. С. Пушкина//Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001; *Черкашина Л.* Пушкин, потомок Рюрика. М., 2008; Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород, 2009; *Bodin P.-A.* En svensk i Pusjkins och Onegins Petersburg//Kysnen i Ryssland. Skelefteå, 2002; *Bodin P.-A.* Af Nordin; Pusjkin och Petesburg//Äldre svensk slsvistik. Uppsala, 1984; *Nilsson N. Å.* Hur den ryska litteraturen introducerades i Sverige//Äldre svensk slavistik. Uppsala, 1984.

Профессор
Стокгольмского университета.
Софья Ковалевская в Швеции

Среди русских людей, оставивших свой след в истории Швеции или вызвавших общественный интерес, были, по крайней мере, три женщины: профессор Софья Ковалевская, великая княжна Мария Павловна и посол Александра Коллонтай. Они формировали имидж русской женщины не только в Швеции, но и во всей Европе.

Софья Васильевна Ковалевская родилась в семье артиллерийского генерал-лейтенанта В. В. Корвин-Круковского в 1850 г., получила всестороннее домашнее образование и рано обнаружила незаурядные математические способности и склонности. Доступ женщинам в российские университеты в то время был закрыт. Поэтому для того, чтобы продолжить образование, в 1868 г. она вступила в фиктивный брак с В. О. Ковалевским, ставшим впоследствии видным палеонтологом, и уехала с ним за границу. В 1871 г. она представила в Геттингенский университет три работы, которые принесли ей известность в ученых кругах и степень доктора философии.

Однако все ее попытки получить место преподавателя в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Берлина и Парижа не увенчались успехом. После смерти мужа в 1883 г. известный шведский математик Магнус Густав Миттаг-Леффлёр пригласил ее на работу в Стокгольмский университет. Она приняла это предложение и писала Миттаг-Леффлёру: «Я стремлюсь применить свои позна-

ния и преподавать в высшем учебном заведении, чтобы навсегда открыть женщинам доступ в университет».

Молодой Стокгольмский университет (высшая школа) в то время находился под пристальным вниманием общественности и прессы. Вопрос о предполагавшемся назначении С. Ковалевской обсуждался особенно активно, поскольку подобного прецедента в истории Швеции еще не было. В то время как Миттаг-Леффлёр курил ей фимиам, консервативные круги шведского общества выступили против назначения женщины на должность профессора университета. В этом их невольно поддержал Август Стриндберг. В своей статье «Равенство и тирания» он писал, что женщина — профессор математики — это вредное и чудовищное явление, и только старомодной галантностью шведов можно объяснить приглашение женщины, которая «немного разбирается в математике», в страну, где так много мужчин-математиков, значительно превосходящих ее по уровню знаний. Этот выпад выдающегося писателя против выдающегося ученого не покажется чем-то необычным, если вспомнить отношение Стриндберга к женской эмансипации. Прочитав эту статью, Софья Васильевна сказала, что может согласиться с тем, что она чудовище, но не с тем, что в Швеции много мужчин-математиков, знания которых значительно превосходят ее знания.

По свидетельству биографа С. Ковалевской Марии Леке, в кругах, близких к высшей школе, будущего профессора ожидали «с долей недоброжелательства». «Не было ли в этом случае некоторой боязни конкурента, или, быть может, сказывался антифеминизм». В конце концов, она победила, победила благодаря своей естественности, интеллигентности и своему профессионализму. Ей удалось растопить лед недоверия, и постепенно иронические разговоры о «королеве математики» прекратились, и шведские газеты уже всерьез назвали ее «принцессой науки». Ожидаемая с таким недоверием женщина-математик вскоре стала гордостью высшей школы Стокгольма, где она получила должность доцента, а затем профессора и возглавила кафедру механики. За 8 лет работы в университе-

те она прочитала 12 курсов лекций, в том числе курс механики, была членом редколлегии шведского журнала «Акта математика». Кроме чтения лекций, она много и серьезно занималась научной работой и уже в первый год пребывания в Стокгольме написала одну из самых важных математических работ «О движении твердого тела вокруг неподвижной точки под влиянием силы тяжести». Вскоре она не только доказала свое право занимать должность профессора, но и завоевала признание европейской научной общественности. В 1888 г. ей была присуждена премия Парижской академии наук, в 1889 г. она получила премию Шведской академии и была избрана членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии Наук.

Однако, когда в 1885 г. Миттаг-Леффлёр выдвинул кандидатуру С. Ковалевской на открывшееся место академика Шведской академии, секретарь академии Георг Линдхаген сказал: «Если академия начнет пополнять свои ряды женщинами, то на ком из живых существ она в конце концов остановится!»* Сама Софья Васильевна просила Густава прекратить хлопоты о доставлении этого звания, чтобы не вызвать зависти и недоброжелательства.

Сразу по приезде в Стокгольм Софья Васильевна начала брать уроки шведского языка, и первые недели ничего другого не делала, как только занималась языком с утра до вечера. Когда Густав Леффлёр сообщил ей о намерении познакомить ее с местными учеными, она попросила его подождать две недели, надеясь, что за это время она в какой-то степени овладеет шведским языком. И действительно, через две недели она уже могла объясняться по-шведски, а через два месяца уже читала шведскую беллетристику, в том числе «Сагу о Фритьофе» Э. Тегнера.

Через год она настолько овладела шведским языком, что могла не только читать лекции, но и писать на нем научные работы и литературные произведения. На швед-

* В 1748 г. членом Шведской академии была избрана графиня Эва Экеблад за изобретение способа производства картофельной водки.

ском языке ею были написаны воспоминания о польском восстании, повесть «*Vae victis*» («Горе побежденным») и роман «*Семья Воронцовых*», сюжет которого относится к эпохе брожения в среде русской молодежи конца 1860-х годов.

По свидетельству Анны Леффлёр, «язык подчинялся ее личному настроению, и, будучи в хорошем расположении духа, она выражалась всегда необыкновенно легко и красиво. Шведы хвалили ее не только за оригинальность высказанных ею взглядов, но и за успешную передачу их на шведском языке. Тем не менее сама она не считала, что овладела языком в совершенстве и часто сожалела, что не может говорить по-русски со своими близкими друзьями в Швеции: «Я не могу передать вам по-шведски самых тонких оттенков моих мыслей».

Софья Васильевна не представляла, как можно жить в стране, не зная ее языка. Поэтому прежде чем привезти в Стокгольм свою дочь Соню она хотела обучить ее шведскому языку, для того, чтобы подготовить ее к жизни в Швеции.

Самыми близкими Софье Васильевне людьми в Швеции стали профессор Густав Миттаг-Леффлёр и его сестра писательница-феминистка Анна-Шарлотта Леффлёр-Каянелло-Эдгрен. Свою первую встречу с Софьей Васильевной она так описала в своих воспоминаниях: «Мне бросились в глаза ее серьезный, резко обрисованный профиль, густые каштановые волосы, небрежными волнами обрамлявшие ее лицо, тонкая стройная фигура, отличавшаяся какой-то особенной гибкостью и изяществом, но казавшаяся слишком маленькою сравнительно с большой головой, поражавшей своими монументальными размерами. У нее был большой рот с полными, извилистыми свежими губами, очень выразительными, и необыкновенно маленькие, точно детские, руки». Отношения между ними не всегда были безоблачными. Бывало и так, что Анна-Шарлотта запрещала подруге заходить в свою рабочую комнату, когда она работала. Вообще она считала Софью Васильевну непрактичной женщиной, которая махнула рукой на свою внешность, одежду, домашнее

хозяйство, не особенно интересовалась своей дочерью, оставленной ею в России.

Как бы отвечая на эти упреки в адрес Софьи Васильевны, ее дочь Соня писала в своих воспоминаниях: «Моя мать не хотела брать меня к себе в Швецию, пока еще была слишком поглощена своими новыми обязанностями профессора математики и домашней жизни могла посвятить лишь самое минимальное время... Она приехала за мной лишь после того, как создала себе прочное положение и обставила удовлетворительно свою домашнюю жизнь. Правда, некоторые шведские дамы и даже ее ближайшая приятельница Анна-Шарлотта не находили эту жизнь достаточно комфортабельной».

Анна-Шарлотта ввела Софью Ковалевскую в литературные круги Стокгольма. Софья живо интересовалась современной шведской литературой, хорошо знала ее. В письме редактору «Русской мысли» С. А. Юрьеву она писала: «В самые последние годы здесь развилась целая школа молодых писателей, напоминающих мне несколько по своему страстному и живому отношению к вопросам то, что было у нас в России лет 15 тому назад. Между ними есть несколько многообещающих: в главе их стоит, бесспорно, Стриндберг, человек чрезвычайно талантливый, но приверженец самого крайнего направления в литературе и в жизни, и потому сделавшийся страшлищем и «козлищем искупления» всей «благomyслящей» части общества. По мнению известного литературоведа Д. М. Шарыпкина, «никто из шведских деятелей культуры не был так близок С. Ковалевской духовно, как А. Стриндберг начала 80-х годов». В 1887 г. она писала Леффлёр-Эдгрен: «Как бы я желала встретиться со Стриндбергом, чтобы пожать ему руку».

В 1890 г. она присутствовала на празднике в честь Стриндберга, в связи с чем кто-то выразил удивление, поскольку всем было известно его негативное отношение к ее назначению на должность доцента университета. На это Ковалевская ответила: «Именно потому, что односторонний Стриндберг так несправедливо напал на меня, я счастлива, что могу выразить свое удивление

гениальному Стриндбергу. Мы, женщины, должны учиться у мужчин, а не допускать человеческим слабостям или ошибкам затемнять истинные заслуги». Софья Васильевна считала Стриндберга «гениальным писателем», была одним из первых русских читателей его произведений, первой упомянула его имя в русской печати и рекомендовала для издания его рассказы из цикла «В шхерах» редактору «Северного вестника» Б. Глинскому.

Она пропагандировала не только шведскую литературу в России, но и русскую в Швеции. Можно считать, что она познакомила шведов с Ф. М. Достоевским, которому посвятила отдельный очерк в своих воспоминаниях, изданных на шведском языке в 1889 г. под названием «Ur ryska livet» («Из русской жизни»), а также с М. Е. Салтыковым-Щедриным, очерк о котором был напечатан в газете «Стокхольмс дагblad» уже после смерти писателя.

Особый интерес для характеристики личности и творчества Софьи Ковалевской представляет написанная в соавторстве с Анной-Шарлоттой Леффлёр драма «Kampen för Lyskan, tvänne paralleldramer» (1887), изданная в 1892 г. в Киеве в переводе М. Лучицкой под названием «Борьба за счастье». Замысел, общая линия действия драмы, черты характера некоторых героев принадлежат Софье Васильевне, текст — Анне Леффлёр. Пьеса основана на работе А. Пуанкаре о дифференциальных уравнениях, в основу ее композиции положена математическая идея о том, что человеческое счастье — это функция, зависящая от многих переменных. Пьеса состоит из двух частей, в первой говорится о том, как было, а во второй — как должно быть. Ее основная идея состоит в том, что, несмотря на то, что поступки и действия людей заранее predeterminedены, в их жизни бывают такие моменты, когда возникают различные возможности для тех или иных действий, и тогда их судьба складывается сообразно их выбору. В главной героине драмы Алисе изображена сама Софья Ковалевская.

Работа над пьесой «Борьба за счастье» стала импульсом к возобновлению начавшейся еще в России литературной деятельности, результатом чего стали автобиогра-

фический роман «Из русской жизни» («Сестры Раевские») и повесть «Вера Воронцова» о террористах.

Прошло немного времени, и Софья Ковалевская (Sonja Kovalevsky) стала желанным гостем в ученых и литературных кругах Стокгольма. По воспоминаниям шведской писательницы Элен Кей, «без малейшего желания учить или первенствовать она делалась всегда центром, вокруг которого собирались заинтересованные слушатели. Своей безыскусственной простотой и сердечностью она делала людей общительными: умела слушать, хотя это ей редко приходилось, охотнее слушала, а еще больше рассказывала. Ее верное литературное чутье умело подметить в лице, положении, происшествии все выдающееся и замечательное и со свойственными ей силой и искусством оживить виденное небольшим художественным описанием».

Среди друзей и знакомых Софьи Ковалевской были знаменитый полярный путешественник Нильс Норденшельд, археологи Ханс Гильдебрант и Оскар Монтелиус, зоолог Вильгельм Лекке, писательница Элен Кей, политик Яльмар Брантинг. Она познакомилась также с известным норвежским зоологом и полярным исследователем Фритьофом Нансеном и увлеклась им. Она также произвела на него сильное впечатление, и они оба считали, что если бы не было препятствий, то эта взаимная симпатия могла бы оказать решающее влияние на их последующую жизнь. Но у Нансена была невеста, а Софья Васильевна к тому времени уже встретила Максима Ковалевского.

Ее дальний родственник, известный юрист Максим Максимович Ковалевский, отстраненный от преподавательской работы в Московском университете за «отрицательное отношение к русскому государственному строю», приехал в Стокгольм в 1887 г. для чтения публичных лекций по общественным наукам. Здесь он познакомился с Софьей Ковалевской. Она считала его самым даровитым из всех людей, когда-либо встреченных ею в жизни. Уже при первой встрече она прониклась к нему симпатией и восхищением, вскоре эти чувства переросли в страстную любовь. Он также заинтересовался ею как женщиной и крупным ученым, хотя не скрывал от нее своих сомне-

ний в ее литературном таланте. Вскоре он предложил ей стать его женой, но при этом потребовал, чтобы она отказалась от профессуры. Она отказалась, так как считала, что его влечет к ней преклонение перед ее умом, а не любовь, и старалась употребить все усилия, чтобы внушить ему такую любовь, какую она чувствует к нему. На этой почве они ссорились, мирились и вновь рвали все отношения. Эта внутренняя борьба во многом определяла ее жизнь двух последних лет.

Перед отъездом в Швецию в 1883 г. С. Ковалевская писала Г. Миттаг-Леффлёру: «Я глубоко благодарна Стокгольмскому университету за то, что он так любезно открыл передо мною свои двери, и готова всей душой полюбить Стокгольм и Швецию как родную страну. Я надеюсь долгие годы прожить в Швеции и найти в ней новую родину». По всей вероятности, это были искренние слова, и Софья Васильевна, действительно, надеялась обрести в этой северной стране свою вторую родину. Но уже вскоре она поняла, что Швеция родины ей не заменит, и уже летом 1884 г. она писала: «Я, конечно, очень счастлива, что мне предстоит такая прекрасная деятельность в Стокгольме... но тем не менее я чувствую себя там совсем чужой».

«Ее славословили, ею восхищались и гордились. Ее самолюбие находило ежедневное удовлетворение в похвалах, расточаемых на ее счет, — пишет М. Ковалевский. — Но достаточно было нескольких встреч, чтобы убедиться, как одиноко чувствовала себя эта женщина на чужбине».

Прожив в Швеции последние годы своей недолгой жизни, С. Ковалевская описывает их спокойно и взвешенно. В письме к редактору русского журнала, предложившего ей написать статью о Швеции, она писала, что «составить себе ясное представление о шведской жизни, об отличительных чертах шведского национального характера — дело далеко не легкое». «Насколько я теперь знакома со Швецией, я смело могу сказать, что нет такой радикальной реформы в экономическом и социальном отношении, которая не могла бы осуществиться в ней... Интерес к общественным делам развит здесь сильнее, чем в других странах, чем, например, у нас в России».

С. Ковалевская являлась активной сторонницей всякого рода просветительных начинаний в пользу народных масс, например народных университетов, деятельность которых она описала в статье «Три дня в крестьянском университете в Швеции».

О своем восприятии шведского общества С. Ковалевская писала также своим друзьям в Россию. «Все здешнее интеллигентское общество и профессора, и студенты приняли меня очень хорошо и относятся ко мне крайне сочувственно. Но между профессорами в Упсале у меня, говорят, есть много недоброжелателей. Упсальский университет представляет самое ортодоксальное, традиционалистское и нетерпимое направление в науке, а Стокгольмский университет сосредоточил в себе все молодые, свежие и преобразовательные силы Швеции. Вы можете себе представить, какой между этими двумя университетами существует антагонизм. Вообще во всем шведском обществе идет теперь оживленная борьба нового со старым, за которой я слежу с большим интересом. Швеция — одна из самых свободных стран Европы; здесь можно говорить и писать решительно все что угодно. Но зато здесь, как отчасти и в Англии, очень сильно влияние старых традиций в обществе, и гнет общественного мнения давит здесь очень тяжело».

«Все шведы, с которыми мне приходится встречаться здесь, народ довольно либеральный. Вопрос о равноправии женщин ужасно живо интересуется шведское общество в данную минуту. Социальный вопрос тоже стоит на очереди».

«Я вполне согласна подчиниться во всех мелочах жизни мнению стокгольмского общества, и как относительно своего костюма, так и в своем образе жизни и в выборе своих знакомств и т. д. тщательно избегать всего, что могло бы оскорбить самого строгого судью — скорее, судью женского пола. Но когда дело идет о столь важном для меня вопросе, как благо дочери, то я должна поступать вполне по своему разумению».

Здесь речь идет о том, что некоторые шведские знакомые упрекали Софью Васильевну в том, что она якобы пренебрегает своими непосредственными материнскими

обязанностями и оставляет свою дочь на попечение чужих людей. В этой связи она писала Г. Миттаг-Леффлёр, что охотно подчинится всем требованиям шведских дам в мелких вещах, но не уступит в том, что ей кажется существенным. Он был с ней согласен и ответил, что вовсе нет надобности прислушиваться к мнению этого «шведского курятника».

Как вспоминает ее ближайшая подруга Анна-Шарлотта, жизнь в Стокгольме вскоре надоела Софье Васильевне. «Она говорила, что знает наперечет всех стокгольмских жителей и начинает чувствовать потребность в новых умственных стимулах. В том-то и заключалось ее несчастье, что она не могла освоиться в Стокгольме, как и вообще нигде в целом свете. Будничная жизнь с ее серыми сторонами была ей глубоко ненавистна, у нее была цыганская натура, и мещанские добродетели были ей отвратительны». Быть может, поэтому она имела обыкновение говорить, что дорога Стокгольм — Мальмё (из Швеции за границу) самая восхитительная, а обратная дорога Мальмё — Стокгольм самая удручающая.

Была еще одна причина, которая заставляла ее думать об отъезде из Швеции. Вот что пишет о ней Анна Леффлёр. «Она мечтала о таком союзе между двумя людьми, который представлял бы союз двух умов, взаимно поддерживающих друг друга. Совместная работа при любовном союзе сделалась для нее идеалом жизни, и она только и мечтала о том, чтобы встретить человека, который мог бы сделаться ее вторым «я» в этом смысле. Убеждение, что она никогда не может встретить его в Швеции, способствовало возникновению у нее нелюбви к этой стране, куда она приехала с такими пылкими надеждами и такими блестящими ожиданиями».

Поэтому в последние два года жизни Софья Васильевна серьезно думала о том, чтобы поселиться во Франции. «Как я была бы счастлива, если бы могла найти там (в Париже) такое же поле деятельности, как в Стокгольме! Но нечего и думать об этом! Французы не так скоро примут женщину-профессора. Они считают, что это хорошо за границей, но не у них дома».

Зимой 1890 г. Софья Васильевна поехала на рождественские каникулы к М. Ковалевскому во Францию на Ривьеру. На обратном пути при переезде из Дании в Швецию она простудилась и по приезде в Стокгольм слегла. 29 января 1891 г. она скончалась в Стокгольме от воспаления легких.

На прощальной панихиде в Стокгольме М. Ковалевский сказал: «Швеция приняла вас. Честь этой стране, другу науки! Особенно же честь молодому Стокгольмскому университету!» С. Ковалевская похоронена в Стокгольме на Северном кладбище на скате Линдхагеского холма. Открывающийся с него вид чем-то неуловимо напоминает российский пейзаж.

Литература:

Ковалевская С. Воспоминания и письма, М., 1951, 1961; *Sonja Kovalevsky.* Ur ryska livet. Stockholm, 1889; *Полубаринова-Кочина П. Я.* Жизнь и деятельность С. В. Ковалевской, М.; Л., 1950; *Воронцова Л.* Софья Ковалевская. 1850–1891. М., 1959; *Шарыпкин Д. М.* Август Стриндберг и Софья Ковалевская//Вопросы литературы. 1966/8; *Чернышова О. В.* Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004; *Nilsson S.* En ryska i Sverige//Rysskräcken i Sverige. Örebro, 1990.

Легенда о Сигтунских вратах

Летом 1911 г. в Новгороде проходил XV Археологический съезд, в работе которого принимали участие известные шведские ученые: специалист по древней истории северных стран профессор Оскар Альмгрен, археолог Туре Арне и профессор Густав Хальстрем. На одном из последних заседаний к участникам съезда обратился член Русского военно-исторического общества капитан Петр Иванович Белавенец. От имени Трофейной комиссии, занимающейся сбором вещественных памятников боевой славы России, он попросил участников съезда дать ответ, какие врата Софийского собора в Новгороде можно считать реликвией морского похода новгородцев на Сигтуну в 1187 г.

Вопрос о происхождении бронзовых врат Новгородского Софийского собора, которые называли то Сигтунскими, то Корсунскими, то Магдебургскими, до сих пор остается открытым. Истоки же происхождения сигтунской легенды можно установить на основании изучения шведских источников.

Устное предание о Сигтунских вратах существует в Швеции с глубокой древности. Его записал со слов своей бабушки, слышавшей его от своих родителей и дожившей до 120 лет, шведский священник и антикварий Мартин Ашанеус. В своем «Описании Сигтуны» он рассказал, что, согласно старинному преданию, городские врата из Сигтуны были увезены в Москву или Новгород русскими, раз-

рушившими город. В Смутное время Ашанеусу довелось побывать в России. Увидев в Новгороде врата Софийского собора, латинские надписи на которых свидетельствовали об их западноевропейском происхождении, он отождествил их с теми, о которых ранее рассказал в своем сочинении*.

Каким-то образом об этих вратах стало известно Густаву II Адольфу, и он приказал Якобу Делагарди доставить их в Швецию. Однако Делагарди, понимая, к каким последствиям может привести оскорбление главной святыни новгородцев, не рискнул выполнить этот приказ короля. К тому же, как следует из его письма канцлеру Акселю Оксеншерне, он не разделял уверенности короля относительно шведского происхождения бронзовых врат Софийского собора. Вот что он писал: «Относительно медных врат, которые Его Королевское Величество желает, чтобы ему прислали из Новгорода ради их достопримечательности, тем более что Его Королевскому Величеству сообщили, что они, вероятно, некогда были взяты из Сигтуны, то я бы очень желал исполнить приказание Его Королевского Величества, но так как эти врата, о которых русские уверяют, что они как дар вывезены из Греции, служат входом в главный храм митрополита, то вызовет много шума,

* 325 лет спустя свои «исторические права» на бронзовые врата Софийского собора были намерены предъявить немцы. «Искусствовед» из СС Краут, занимавшийся разысканием культурных ценностей на оккупированной территории на предмет их вывоза в Германию, 18 июля 1941 г. сообщал в штаб-квартиру СС, что он надеется «привезти домой» изумительные бронзовые ворота высотой в 11 футов, находящиеся в древнем соборе Новгорода. Он знал, что они были сделаны мастером в Магдебурге в XII в. для польского собора в Плоцке. А поскольку Плоцк был занят немцами, то он считал эти врата собственностью рейха. Краут предупреждал своих коллег, чтобы их не вводил в заблуждение тот факт, что в Новгороде их называют Корсунскими, «что создает впечатление того, что это работа древних греков, что скрывает их немецкое происхождение» (*Lynn H. Nicholas. The Rape of Europa. The Fate of Europe's Treasures in the Third Reich and the Second World War, New York, 1995. P. 192.*

жалоб и беспокойства, если мы при настоящих обстоятельствах, когда идут переговоры с русскими, силой выломаем и увезем эти врата». Таким образом, в начале XVII в. легенда о Сигтунских вратах была зафиксирована в двух источниках. Возродиться ей было суждено спустя столетие.

В 1722 г. в Новгороде побывал шведский ориенталист Генрих Бреннер, который более 20 лет прожил в России. Семь лет спустя в письме к шведскому историку Георгу Валлину он описал Сигтунские, или Сартунские, врата Софийского собора. Это описание Валлин опубликовал в своем сочинении о древней Сигтуне «*Sigtuna stans et cadens*» («Расцвет и падение Сигтуны»). Позднее эта легенда была изложена в «Истории Шведского государства» известного шведского историка Улофа Далина. Перевод его сочинения на русский язык способствовал распространению легенды в России. Именно на него ссылался в 1911 г. П. И. Белавенец на Археологическом съезде в Новгороде.

В 1823 г. в Берлине была издана работа Фридриха Аделунга о западных наружных вратах Софийского собора, которые он назвал Корсунскими и сделал вывод об их германском происхождении. В той же работе он описал и внутренние врата Софийского собора, которые называл Сигтунскими.

В 1907 г. шведский исследователь Якоб Аренберг высказал предположение, что наружные врата Софийского собора, в некоторых деталях которых он увидел скандинавские черты, могли попасть в Новгород из Магдебурга через Сигтуну, которая в XII в. имела тесные связи с Новгородом.

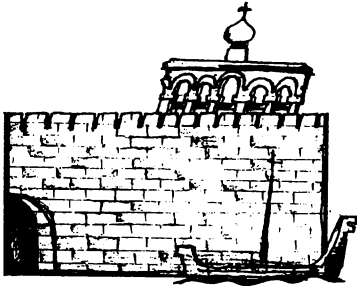
В какой-то мере на запрос Трофейной комиссии о вратах Софийского собора попытался ответить участник Археологического съезда профессор Оскар Альмгрен. Он передал в Новгородское общество любителей древности свою статью «К легенде о Сигтунских вратах в Новгородском Софийском соборе», которая в переводе М. Ф. Ласковской была опубликована в Новгороде в 1912 г. В этой статье он опроверг легенду о шведском происхождении наружных врат Новгородской Софии. По его мнению, они были вывезены в Новгород из польского города Плоцка как военная добыча. Однако в то время Альмгрену не были

известны ни письмо Деллагарди Оксеншерне, ни сочинение Асканеуса. На них ему указали капитан П. И. Белавенец, русский священник в Стокгольме Павел Румянцев и граф К. Стенбок. После ознакомления с ними Альмгрен опубликовал в Швеции новый вариант статьи о Сигтунской легенде «Sägnet om Sigtunaporen i Novgorod» («Легенда о Сигтунских вратах в Новгороде»), в которой связал ее возникновение с пребыванием шведов в Новгороде в начале XVII в.

Таким образом, легенда о Сигтунских вратах Новгородского Софийского собора имеет чисто шведское происхождение. Русскими источниками она не подтверждается. Шведы, побывавшие в России в XVII и XVIII вв., сопоставили бытовавшее в Швеции предание с тем, что они увидели в Новгороде, и создали свою версию, прочно укоренившуюся в обыденном сознании шведов, а впоследствии и русских. Для шведов она служила доказательством того, что им в конце концов удалось отыскать одну из своих реликвий. Для русских же она подтверждала сам факт похода 1187 г. на Швецию и участие в нем новгородцев. Не случайно Трофейная комиссия обратила внимание на эти врата как на памятник боевой славы русского оружия. По иронии судьбы ее обращение к XV Археологическому съезду дало импульс к развенчанию легенды, которая устраивала как шведов, так и русских.

Литература:

Аделунг Ф. Корсунские врата, находящиеся в Новгородском Софийском соборе. М., 1843; *Альмгрен О.* К легенде о Сигтунских вратах в Новгородском Софийском соборе//Сборник Новгородского общества любителей древности. VI. Новгород, 1912; Известия XV Археологического съезда в г. Новгороде. М., 1911; *Понне А.* К истории романских дверей Софии новгородской//Средневековая Русь. 1976; *Ahrenberg J. C.* Några meddelanden om «Sigtunaportarna» i Novgorod//Fornvännen. 1907; *Almgren O.* Sägnet om Sigtunaporen i Novgorod//Upplands fornminnesförenings tidskrift. XXXVII. Uppsala, 1922—1923; *Askanei M.* Beskrifning om Sigtuna//Upplands fornminnesförenings tidskrift. XL. Uppsala, 1925—1926.

«Новгород дает много интересного
для скандинавского исследователя».
Туре Арне в России

Среди гостей проходившего в Новгороде XV Археологического съезда были три шведских археолога: Оскар Альмгрен, Туре Арне и Густав Хальстрем. Они приехали в Новгород не случайно. В той или иной степени их научные интересы были связаны с Россией. Особый интерес к ней проявлял выпускник Упсальского университета археолог Туре Арне, занимавшийся изучением контактов викингов с Востоком.

22 июля он присутствовал на открытии съезда в зале мужской гимназии, а вечером 26 июля в зале Офицерского собрания прочитал доклад «Сношения Руси со Швецией в эпоху викингов по свидетельствам археологии». На следующий день в зале Дворянского собрания он выступил с докладом «Новгород во времена шведского владычества по Балтийскому побережью 1611–1617 гг. по старым картам из Стокгольмского военного архива». В нем он представил три старинных плана Новгорода из Королевского военного архива в Стокгольме, которые являются самыми древними из известных планов Новгорода и имеют большое значение для изучения топографии города. Фотокопии этих планов он передал в Новгородское общество любителей древности. В том же году он вместе с другими шведскими участниками съезда был избран членом этого общества, о чем его уведомил председатель общества И. В. Аничков. В ответном письме Арне писал: «Многоуважаемый господин Иван Васильевич! Приношу мою

искреннюю благодарность за избрание меня членом Новгородского общества любителей древности. Для меня всегда приятно содействовать усилиям общества. Осенью я буду в России и 17 сентября посету Новгород, который дает много интересного для скандинавского исследователя».

Поездка в Россию, о которой он писал Аничкову, состоялась. В конце 1912—1913 г. Арне вместе с женой Идой совершил исследовательскую поездку в Россию для изучения русских археологических памятников. Он осмотрел Михайловский могильник в Ярославской губернии, побывал в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ольвии, Саратове, Астрахани.

О впечатлениях от поездки можно судить по черновым наброскам, сохранившимся в архиве Арне. «В России меня часто спрашивали: «Что Вы думаете о нашей стране и нашем народе?» На это я отвечал, что не могу дать исчерпывающего ответа на такой вопрос; 15-месячного пребывания в России недостаточно для того, чтобы составить достоверное представление о жизни народа, впрочем, даже не одного народа, а более чем 100 народов, населяющих эту огромную страну. Что вообще можно сказать о России, так это то, что она — страна контрастов, полная противоречий, обнаруживающая величайшее богатство и глубочайшую бедность, высокую образованность и безмерное невежество, изысканный вкус и варварскую культуру, любовь к свободе и энтузиазм с одной стороны, и рабскую психологию, жестокость и мошенничество — с другой».

В 1914 г. увидела свет его книга «Швеция и Восток», в которой он выдвинул теорию норманнской колонизации, согласно которой шведские викинги, переселившиеся в Восточную Европу, создали свои колонии вдоль торговых путей в наиболее важных в экономическом и стратегическом отношении пунктах. Он считал, что государство, основанное норманнами в Восточной Европе, сохраняло тесные политические связи со Швецией и было частью «Великой Швеции».

В это же время с целью изучения русско-скандинавских языковых контактов Россию посетил профессор славян-

ских языков Упсальского университета Рихард Экблум. Результатом его поездки по Северо-Западу России стало исследование о скандинавских заимствованиях в русском языке «Русское и варяжское в географических названиях Новгородской земли» (1915), в котором он доказывал скандинавское происхождение многих русских географических названий этого региона. Местные названия от корня «рус-» он считал доказательством расселения скандинавов на этой территории. Таким образом, теория Арне, основанная на археологических источниках, в определенном смысле получила поддержку со стороны лингвистов. Эта теория, ставшая главной концепцией норманизма в археологии, получила развитие в трудах французского историка М. Таубе, датчанина А. Стендер-Петерсена, шведа Х. Арбмана, американца С. Кросса, финна Э. Кивикоски.

В 1920-х годах концепция Арне подверглась критике со стороны советских археологов В. Равдоннака, А. Арциховского, Я. Станкевича. В послевоенные годы его критиковали Д. Авдусин, Б. Рыбаков, Б. Колчин. Тем не менее в первые послевоенные годы Арне занимал ведущее место среди норманистов-археологов. И до сих пор российские археологи по-прежнему обращаются к его работам, не утратившим научной значимости.

Арне был не только археологом, но и крупнейшим шведским специалистом по русской истории, ее активным популяризатором. Арне считал, что Россия — это «большая дверь в Азию» для шведской экономики и науки. Он отмечал, что «через Россию идут пути для изучения греческой и исламской культуры. Русская земля и русские архивы хранят сокровища для изучения шведской истории».

В 1917 г. была опубликована его книга «Великая Свитьюд»*, представляющая собой очерки по истории русско-шведских культурных связей с древнейших времен до XIX в. Импульсом к написанию одного из очерков послужило его пребывание в Новгороде в 1911 г. Осма-

* Великая Свитьюд (Stora Svitjod) — легендарная держава, расположенная на стыке Юго-Восточной Европы и Азии, откуда предки скандинавов переселились на север.

тривая город, он обратил внимание на то, что так богатый в прошлом церквями и монастырями, а следовательно, и колоколами, современный Новгород располагал лишь незначительным числом колоколов, датированных ранее Столбовского договора. Задавшись вопросом о том, куда же делись новгородские колокола, Арне написал статью о русских колоколах в Швеции, в которой проследил судьбу попавших в Швецию новгородских колоколов.

В предисловии к книге он высказал мысль о том, что развитию научного и культурного сотрудничества могло бы способствовать Шведско-русское культурное общество с центром в Стокгольме и филиалами по всей стране. Такое общество было создано в мае 1924 г., и Арне стал его вице-председателем, а затем и председателем.

Арне живо интересовался научной и культурной жизнью в СССР. В его архиве сохранились неопубликованные статьи о русских музеях, о направлениях в русской археологии, о положении ученых в СССР, материалы по русским ремеслам и промыслам начала 1920-х годов. В одной из статей он пишет о Новгороде: «В Новгороде Софийский собор изнутри подвергается большим разрушениям из-за недостатка отопления и разрушения системы отопления. Сырость разрушает фрески и иконы. Близлежащая от Новгорода церковь Спаса на Нередице начала разрушаться от плесени. После 1918 г. в Новгород приезжали многочисленные комиссии из Москвы и Ленинграда, которые интенсивно занимались консервационными и реставрационными работами с фресками и иконами, в результате чего было получено новое представление о древней русской живописи».

В 1926 г. Арне принял участие в археологическом съезде в Керчи, он был его единственным иностранным участником. В 1928 г. он вновь побывал в России. На этот раз он посетил Ленинград, Москву, Киев, Чернигов. В ходе этих поездок Арне имел возможность наблюдать строительство нового общества в России. Своими впечатлениями о поездках он поделился со слушателями Рабочего университета Стокгольма и описал их в книге «Современная Россия» (1929). В следующем году маршрут его путе-

шествий проходил по Средней Азии и включал Ташкент, Самарканд, Бухару, Ашхабад. Тогда же он пытался получить разрешение на проведение археологических раскопок в Западном Туркестане, но получил отказ. Последний раз Арне побывал в СССР в 1935 г.

В 1940-е годы русская тема стала актуальной в Швеции. Была издана книга Арне «Европа открывает Россию», в основу которой были положены лекции, прочитанные им осенью 1942 г. в Рабочем университете Стокгольма, а в книге «Советский Союз в иллюстрациях» — его статья «Наука в СССР».

В апреле 1947 г. газета «Дагенс нюхетер» публикует статью Арне «Теория о том, что в России было государство еще до викингов, не имеет оснований». Ответом на нее стала статья Б. Д. Грекова «О роли варягов в истории Руси». В ней, в частности, говорилось: «Роль варягов в Европе IX в. хорошо известна. Ее отрицать никто не собирается. Новгородская Русь их знает прекрасно. Но от этого признания далеко до утверждения, будто Рюрик в 862 г. создал Русское государство. Государственная жизнь началась на Руси так же, как и у других народов, на известном этапе развития общественных отношений. Рюрик застал в Новгороде государственный строй уже существующим. Это не «националистический» домысел, а обоснованное доброкачественными фактами положение. И в свете этих фактов статья профессора Арне не может не вызывать удивления». Если принимать во внимание время написания этой статьи, то следует признать, что критика Б. Д. Грекова носит довольно умеренный характер.

Более жесткую критику вызвала статья Арне «Викинское Гнездово — предшественник Смоленска» (1952). Реакцией на нее была статья Д. А. Авдусина «Неонорманистские изыскания буржуазного историка». В ней автор расценивал публикацию Арне как «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой». Такие отклики на работы Арне создали ему репутацию «злого норманиста». Для чиновников от науки в СССР он был *persona non grata*, но для большинства русских археологов и историков Туре Арне был серьезным авторитетным

ученым, чей интерес к русской истории и культуре был постоянным и не зависел от политической конъюнктуры. Работы Туре Арне не утратили своего научного значения и по сей день, и к ним будут обращаться новые поколения исследователей, занимающихся историей отношений между нашими странами.

Литература:

Арне Т. Сношения Швеции с Россией в эпоху викингов по свидетельствам археологии//Труды XV Всероссийского археологического съезда. Ч. 1. М., 1914; *Арне Т.* Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью. 1611–1617//Там же; *Arne T. J.* Det Stora Svitjod. Stockholm, 1917; *Arne T. J.* Det moderna Ryssland. Stockholm, 1929; *Arne T. J.* Gotland–Kiev under vikingatiden//Gotländsk arkiv. 1943; *Arne T. J.* Europa upptäcker Ryssland. Stockholm, 1944.

Альфред Йенсен и «русские шпионы»

С 1812 г. во внешней политике Швеции доминировала ориентация на Россию и Австрию. Против этой так называемой «политики 1812 года» резко протестовали либералы. Их критика встречала понимание со стороны Оскара I (1844–1859), стремившегося к переориентации внешней политики. В ноябре 1855 г. он подписал договор с Англией и Францией, в соответствии с которым они обязались защищать Швецию и Норвегию от России. С этого времени в Швеции наблюдается рост антирусских настроений. Именно в это время второе рождение обретает миф о русской угрозе, в формировании которого приняли участие крупнейшие интеллектуальные силы Швеции, в частности, известный либеральный историк Густав Гейнер, знаменитое высказывание которого о русском гиганте, повсюду ищущем жизненное пространство, было усвоено не одним поколением шведов. По мнению В. В. Похлебкина, распространению этого мифа способствовал известный шведский геополитик Рудольф Челлен. Его указание на то, что в XVI—XVIII вв. Русское государство росло в среднем на 140 кв. миль в день, произвело сильное впечатление на современников. Русская экспансия, представленная такими цифрами, казалась неотвратимой. Не удивительно, что во многих действиях русского правительства шведы усматривали скрытый смысл. Даже в интенсивном железнодорожном строительстве в Финляндии они видели грозный признак русской экспансии в Северной Европе.

В начале XX в. все скандинавские государства усилили свои оборонительные приготовления. Шведское правительство выделило значительные средства на укрепление северной границы с Россией. Одновременно расширялось военно-морское строительство, был увеличен срок действительной военной службы. Высшие военные и придворные круги склонялись к сближению с Германией и добивались увеличения ассигнований на оборону. Милитаристская кампания сопровождалась антирусской пропагандой, одним из звеньев которой стало дело о русских пильщиках. В начале XX в. в Швеции появились русские крестьяне, предлагавшие шведам свои хозяйственные услуги, в том числе и по заготовке дров. Многие из них несли с собой свой нехитрый инструмент, из которого бросались в глаза прежде всего длинные пилы. Поэтому в Швеции их прозвали *sågfilarna* (пилоставами, пильщиками). В их появлении не было ничего необычного. Миграция рабочей силы в поисках дополнительного заработка была в то время обычным явлением в Европе.

Однако их услугами воспользовались не столько простые шведы, для того чтобы заготовить дрова, сколько «тайные друзья» пильщиков — шведские ястребы — чтобы заставить налогоплательщиков раскошелиться на модернизацию армии. Благодаря им по всей Швеции распространился слух, что пильщики — это русские шпионы, которых заслали в Швецию для подготовки русского вторжения. В октябре 1900 г. корреспондент газеты «Стокхольмс тиднинген» сообщал из Сёдертёрна, что появившихся там двух русских пильщиков можно с полным основанием принять за русских офицеров, бродящих по окрестностям и изучающих обстановку. Они одеты в пиджаки и красные рубашки, за спиной у них кожаные мешки. Один из них немного говорит по-шведски. Несколько дней назад их видели в Стокгольме на вокзале, где они изучали карты генштаба.

Полковник Кнут Бильдт писал кронпринцу Густаву: «Надо, чтобы этот страх, пусть пока сам по себе и беспочвенный, стал первым шагом к осознанию того, что реальная угроза уже на пороге нашего дома». Шпиономания охватила всю страну, миф об угрозе со стороны «русского

медведя» обрел новую жизнь. Несмотря на то, что никаких доказательств их шпионской деятельности не было, многие шведы поверили пропаганде, убеждавшей их в том, что русские пильщики, наводнившие страну, обследуют все ее уголки, зарисовывают и наносят на карты стратегические объекты, а дрова пилят только для отвода глаз.

По поручению министерства внутренних дел известный шведский ученый, знаток славянских языков, эксперт Нобелевского комитета по славянской литературе Альфред Йенсен побеседовал с некоторыми пильщиками, чтобы установить их социальное происхождение, и обнаружил, что они простые крестьяне из Новгородской губернии, которые прибыли в Швецию в поисках заработка. Но, очевидно, его выводы не убедили шведов. Антирусская пропаганда в Швеции, казалось, обрела второе дыхание, и слухи о русских шпионах еще долго будоражили шведское общественное мнение.

В 1912 г. в Швеции, население которой составляло пять с половиной миллионов человек, миллионным тиражом было напечатано сочинение Свена Хедина о русской угрозе «Слово предостережения», в котором автор описал грядущую оккупацию Швеции русскими войсками. Оно появилось именно тогда, когда в стране широко обсуждались планы строительства крейсеров. Обращаясь к истории Северной войны и русско-шведской войны 1808–1809 гг., Хедин писал, что Швеция всегда должна быть готова к отражению агрессии с Востока, где стоят вооруженные до зубов русская армия и флот.

Тема русской агрессии и оккупации Швеции получила также воплощение в романах «Когда говорят боги войны» и «Завоеванная страна» («Вторжение») шведского офицера Ивана Аминова, писавшего под псевдонимом Ратша*.

* Иван Тённессон Аминов (1868–1928) — подполковник Карлскрунского гренадерского полка, сотрудник Шведского телеграфного бюро, статистического отдела Генштаба. Псевдоним Ратша он избрал потому, что его род вел свое начало от правнука Радши — летописного героя Гаврилы Олексича, отличившегося в битве со шведами в 1240 г.

Ведущим консервативным участником прений по вопросам шведской внешней политики в годы Первой мировой войны был историк Харальд Йерне. Для него Россия была историческим противником, против которого Швеция должна иметь сильную оборону. Но при этом он утверждал, что царизм, в отличие от революционеров, является гарантом мира в Европе. Поэтому Швеция должна поддерживать хорошие и по возможности дружественные отношения с Россией.

Шведские консервативные круги все настойчивее требовали увеличения сроков обучения призывников и военных ассигнований, в частности на строительство флота. Их поддержал новый король Густав V (1907–1950). Несмотря на то, что в планы России не входило нападать на Швецию, благодаря пильщикам Швеция укрепила свою оборону. Кроме того, страх перед русскими в известной мере способствовал сплочению шведской нации перед реальной угрозой войн и революций, которыми было ознаменовано начало XX столетия.

Карл Берхардсон, автор книги о борьбе с иностранным шпионажем в Швеции, вышедшей в 1952 г. в годы холодной войны, очевидно, не был согласен с выводами А. Йенсена и писал о том, что наиболее энергично шпионской деятельностью в Швеции накануне Первой мировой войны занималась Россия. «Шведы могли убедиться в этом на примере деятельности так называемых пильщиков. Там, где у Швеции были укрепления или важные стратегические пункты, под видом честных шведских рабочих можно было встретить переодетых русских шпионов*, которые просачивались всюду, преимущественно в Норланде, и делали подробные заметки обо всем, что видели. Многие из них были говорящими по-шведски профессиональными военными, подготовленными в Финляндии. Они покупали карты Генштаба и дополняли их собственными наблюдениями. Подъемная сила мостов, состояние

* Судя по сохранившимся фотографиям, у них было типично русское обличье, и своим внешним видом они совсем не походили на шведских рабочих.

дорог, крестьянские дворы, которые можно было использовать в военных целях, — все было в их записных книжках. Цель была одна — подготовить русское вторжение. Разоблачение этих пильщиков и других шпионов в эти годы породило страх перед русскими, что сделало государство и общество союзниками в борьбе со шпионской опасностью».

В начале 1980-х годов «пильщики» вновь вернулись в Швецию, на этот раз в виде русских подводных лодок, в безрезультатной охоте за которыми в 1992 г. принял участие даже премьер-министр Карл Бильт. Они перестанут посещать Швецию тогда, когда образ России-врага, извечно противостоящего шведским интересам на Балтике, окончательно уйдет в прошлое.

Литература:

Nerman T. Svensk och ryss. Ett umgänge i krig och handel Stockholm, 1946; *Berhardsson C. O.* Spionpolisen går på jakt. Stockholm 1952; *Nilsson S.* Rysskäckeni Sverige. Orebro, 1990; *Похлебкин В. В.* СССР— Финляндия. 260 лет отношений. 1713—1973. М., 1975; *Аселиус Г.* Зеркало «русской угрозы»//Родина. 1997/10; *Табаровская К. Л.* «Слово Предостережения» в контексте российско-шведских отношений в 1912 г. //Северная Европа. 6. М., 2009.

Русская принцесса в Швеции

Как известно, первый династический брак в истории Русско-шведских отношений был заключен между Ярославом Мудрым и шведской принцессой Ингигерд. Следующий династический брачный проект был реализован через девять столетий. Брачный союз между племянницей Николая II великой княжной Марией Павловной и вторым сыном Густава V герцогом Вильгельмом Сёдерманландским должен был послужить нормализации русско-шведских отношений, заметно ухудшившихся после того, как в 1905 г. Россия поддержала Норвегию в ее конфликте со Швецией, а шведы неизменно сочувствовали противникам России, в том числе и во время русско-японской войны.

Мария Павловна была дочерью младшего сына Александра II — Павла Александровича. Ее мать греческая принцесса Александра Георгиевна умерла при рождении сына Дмитрия. Отец вступил в новый брак, и Мария воспитывалась в семье дяди — московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и тети Эллы — Елизаветы Федоровны. Она росла жизнерадостным и веселым, но капризным и своенравным ребенком.

Сергей Александрович погиб от бомбы террориста Каляева в 1905 г., а через два года в Россию приехал герцог Сёдерманландский, чтобы просить ее руки. Он сделал это в довольно своеобразной форме, сказав: «Не угодно ли Вам поехать со мной в Швецию?» Высокий, худой, застен-

чивый, молчаливый Вильгельм не произвел на 16-летнюю Марию должного впечатления. Тем не менее, следуя настояниям родственников и желая вырваться из-под их опеки, она приняла его предложение. Свадьбу отложили до совершеннолетия невесты.

Готовясь к замужеству, Мария начала учить шведский язык и довольно быстро заговорила на нем. Вместе с тем ее стали одолевать сомнения, в конце концов, она поняла, что между ними стена, и даже хотела расторгнуть помолвку, которую не одобрили ее отец и дед — король Греции. Однако все это не было принято в расчет. Для императора было важно породниться с королевским домом Швеции, страны хоть и небольшой, но стратегически важной для России. В центре Стокгольма в парке Юргорден на берегу Русского залива для молодоженов уже начали строить виллу Оук Хилл (Дубовый холм), и тетя Элла заставила Марию написать Вильгельму письмо с уверениями в своей любви.

Свадьбу, ставшую мероприятием государственного значения, сыграли в Царском Селе весной 1908 г. Приехавшим на нее шведским сановникам и королю Густаву V был оказан самый сердечный прием, в свою очередь шведы сделали все возможное, чтобы примениться к русскому церковному церемониалу.

После свадьбы молодожены через Германию и Италию отправились в Париж, чтобы повидаться с отцом Марии, и уже оттуда на военном корабле прибыли в Стокгольм, где поселились в довольно скромном доме в Стенхаммаре, а в 1910 г. переехали на виллу Оук Хилл. В мае 1909 г. у них родился сын Леннарт. Принц Вильгельм подолгу отсутствовал, поскольку был морским офицером, и предоставленная сама себе герцогиня Сёдерманландская (такой титул носила Мария Павловна в Швеции) страдала от тоски по родине и безделья, пыталась завести друзей, найти хоть какие-то развлечения в довольно унылой и размеренной жизни шведского двора. Она хотела заняться благотворительностью, но оказалось, что все шведы живут так хорошо, что заниматься этим нет никакой возможности.

Она играла в бенди с женой кронпринца Густава Адольфа Маргаритой, ездила с королем охотиться на лосей, совершала конные прогулки с молодыми кавалерийскими офицерами. Однажды она приказала русскому военному атташе в Стокгольме графу Игнатьеву сопровождать ее в одной из таких прогулок. Но он сказал ей, что это не входит в круг его обязанностей и на своем посту он обязан выполнять приказания только императора. Тогда она пожаловалась шведским офицерам, что граф оскорбил ее, и те стали демонстративно избегать общения с ним. Ситуация была урегулирована только после вмешательства короля.

Граф А. Игнатьев не забыл этого эпизода и много лет спустя писал в своих мемуарах: «Мария Павловна вышла замуж, главным образом, для того, чтобы бежать из московского монастыря... Небольшого роста, малоинтересной наружности, но зато талантливая и острая на язык, она была заражена необыкновенным самомнением, основанным, прежде всего, на своем близком родстве с самодержцем. Уже в силу этого маленькая Швеция должна была целиком оказаться у ее ног. Подобный взгляд не вполне отвечал разрешению той задачи, ради которой был устроен этот брак».

Довольно быстро Мария Павловна стала заметной фигурой в шведской столице и давала шведам массу поводов посудачить о ней. К всеобщему изумлению она стала учиться в Высшей школе прикладных искусств, и даже писала недурные картины. Из уст в уста передавались рассказы о том, как она, вспоминая проделки детства, скатывалась с лестницы на серебряном подносе, или о том, как, усадив короля в пролетку, она не смогла сдержать лошадь и на всем скаку пронеслась с ним по улицам шведской столицы. Поведение русской принцессы, вызывавшей восхищение и сплетни, не укладывалось в рамки шведского придворного этикета, и газетчики нередко намекали на то, что герцогиня позволяет себе слишком много. Может быть, именно поэтому она стала популярной в Швеции, как впоследствии принцесса Диана в Англии.

Пожалуй, больше всех ее любил король Густав V, считавший, что его очаровательная русская невестка может позволить себе иметь причуды и странности, которые только украшают ее. Впоследствии она тепло вспоминала о нем: «Мой свекор баловал меня, и мы были такими добрыми друзьями, что я порой позволяла себе подшучивать над ним... С ним я всегда чувствовала себя свободно. Мы испытывали друг к другу полное доверие».

Как и английская принцесса Диана, она не была счастлива в браке. Для того чтобы укрепить брачные узы, в 1911 г. решено было отправить молодых супругов в длительное путешествие в Сиам, где они должны были представлять Швецию на коронации короля Махи Вичировута. Однако по возвращении из поездки пропасть между супругами стала еще глубже, так как в Сиаме Мария Павловна познакомилась с герцогом Монпасье, в объятиях которого, как писал биограф Романовых Стаффан Скотт, «она поняла, как много потеряла в своем безрадостном браке». «Мне только 22 года, но я смотрю в будущее с полной безнадежностью», — писала она.

В 1913 г. вместе с мужем и сыном она ездила в Москву на празднование 300-летия династии Романовых. Это была их последняя семейная поездка. Еще раз окунувшись в светскую жизнь, она больше не хотела жить «год за годом с молодым стариком и его идиотским семейством». Узнав к тому же о том, что в Стокгольме решили поселить ее на Капри, на обратном пути она встретила в Берлине с братом Дмитрием и вместе с ним поехала к отцу в Париж, сказав мужу, что никогда не вернется обратно. Жившая тогда же во Франции княгиня Зинаида Юсупова писала сыну Феликсу: «Мария Павловна Шведская — печальный пример безалаберной жизни без всяких принципов и основ».

Ее сын Леннарт писал впоследствии в своих мемуарах: «В наши дни трудно представить себе последовавший за этим скандал. Члены королевской семьи при всех обстоятельствах должны быть счастливыми и демонстрировать образцовую семейную жизнь». Король Густав V с сожалением написал Николаю II, что надежды свести их вместе

почти нет и «надо сделать все возможное, чтобы избежать скандала». Вероятно, оба двора испытывали угрызения совести за этот брак без любви, поэтому проблема была улажена довольно быстро, и уже в конце 1913 г. было официально объявлено о расторжении брака.

В 1914 г. началась Первая мировая война, и Мария Павловна вернулась в Россию, чтобы отправиться на фронт сестрой милосердия. В 1916 г. она узнала о том, что ее брат Дмитрий участвовал в убийстве Распутина. Октябрь 1917 г. застал ее вместе с новым мужем князем С. Путятиным в Москве. Отсюда они бежали в Украину, потом в Румынию. Из Румынии она приехала в Париж, а затем в Лондон. Муж не принимал участия в материальном обеспечении семьи, поэтому она развелась с ним и сама обеспечивала себя. Время от времени ей помогал Густав V, сохранивший привязанность к своей бывшей невестке. В 1937 г. она получила шведское подданство, но уехала в Аргентину, где ее навестил сын Леннарт. Со своим бывшим мужем Вильгельмом, так и не вступившим во второй брак, она встретилась только через 35 лет в 1949 г. В декабре 1958 г. она скончалась от воспаления легких в пограничном городке Констанц на острове Майнау в Боденском озере, где и была похоронена рядом с прахом брата Дмитрия, к которому была очень привязана.

Собрание ее русских книг было передано кафедре славянских языков Стокгольмского университета, а впоследствии в библиотеку Бернадотов в Королевском дворце в Стокгольме. В особняке Оук Хилл сегодня размещается итальянское посольство.

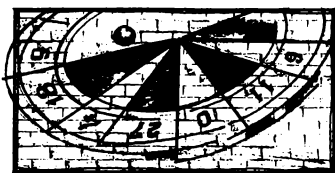
Сын Марии Павловны Леннарт, впервые побывавший в России четырехлетним ребенком, в 1990 г. представил в Петербурге выставку своих фоторабот.

Об этом эпизоде русско-шведских отношений вспомнили в начале нашего столетия, когда в России были изданы мемуары Марии Павловны и книги о ней. В Петербурге открылась выставка «Романовы и Бернадоты», на которой прозвучали имена Марии Павловны, Вильгельма и Леннарта. В это же время по инициативе Шведского консульства в Мурманске, Петрозаводске, Вологде, Пскове и дру-

гих городах была проведена выставка «Русско-шведская судьба». Представленные на ней экспонаты рассказали об истории отношений династий Романовых и Бернадотов и об удивительной и причудливой судьбе принцессы Марии.

Литература:

Мария Павловна. Воспоминания. М., 2004; *Игнатъев А. А.* 50 лет в строю. Т. 1. М., 1959; *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999; *Скотт С.* Романовы. М., 2000; *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм — СПб., 2003; *Арсеньева Е.* Блистательные изгнанницы. М., 2005; *Хорватова Е.* Мария Павловна. Драма великой княгини. М., 2005; *Табаровская К.* Династический брак — попытка сближения России и Швеции в начале XX в. (по мемуарной литературе)//Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2005; *Nilsson S.* När Sverige hade en rysk prinsessa//Ryssskräcken i Sverige. Örebro, 1990.

Дело Гурко — Лидваля

В книге известного шведского исследователя русской литературы и культуры Бенгта Янгфельдта «Шведские пути в Санкт-Петербург» немало страниц посвящено представителям семейства петербургских шведов Лидваль. Своим появлением в Петербурге они были обязаны Юхану (Юну)-Петеру Лидвалю. В конце 1850-х гг. он покинул небольшое селение в северной Швеции и отправился на восток. Известный финский поэт Юхан Рунеберг подарил ему на счастье серебряный рубль. Очевидно, рубль Рунеберга оказался действительно счастливым, ибо уже в 1881 г. Юн-Петер был поставщиком Императорского двора. В начале XX в. основанная им швейная фирма стала крупнейшей, если не во всей Европе, то, во всяком случае, в России. По стопам отца пошли Эдвард и (Пауль) Павел. Старший сын Фредрик стал одним из самых знаменитых петербургских архитекторов.

Однако у Юна Лидваля был еще один сын Эрик Леонард, который не упоминается в книге Бенгта Янгфельдта. Эрик Лидваль был владельцем торговой фирмы «Лидваль и Компания» с уставным капиталом в полторы тысячи рублей. Он торговал американскими унитазами, занимался шоу-бизнесом и игровым бизнесом. Эрик стал основателем первого легального казино в Санкт-Петербурге на Малой Конюшенной улице, где играли в «лошадки» — один из вариантов рулетки, впервые разрешенный в России по ходатайству Лидваля.

В 1906 г. имя этого мелкого бизнесмена прогремело на всю Россию. 18 ноября газета «Русское слово» писала: «Дело Гурко — Лидваля постепенно разрастается, захватывая все новых и новых лиц». В тот же день в «Новом времени» появилось сообщение: «Государь Император в 17 день сего ноября по всеподданнейшему докладу председателя Совета Министров о суждении Совета Министров по делу о сдаче торговой фирме Лидваль поставки хлеба для местностей, пострадавших от неурожая, Высочайше повелеть соизволил: расследование всех обстоятельств означенного дела возложить на члена Государственного совета действительного тайного советника Голубева при участии сенаторов действительного тайного советника Шрейбера и тайного советника Кони, санкт-петербургского предводителя дворянства, в должности шталмейстера, графа Гудовича и председателя санкт-петербургского биржевого комитета, действительного тайного советника Прозорова».

В связи с чем же предпринимателем средней руки занимались Совет министров, Государственный совет и лично император? Дело в том, что летом 1906 года в нескольких губерниях России случился недород, вызванный не только засухой, но и так называемыми «иллюминациями» — полыхавшими в Европейской России помещичьими усадьбами, подожженными мужиками. Урегулировать ситуацию было поручено товарищу министра внутренних дел Владимиру Иосифовичу Гурко. Известный в Петербурге мот и бонвиван Владимир Гурко любил бывать в увеселительном саду «Аквариум», где и познакомился с Эриком Лидвалем. Знакомство не было случайным, ибо на следствии выяснилось, что содержательница женского хора в театре и саду «Аквариум» госпожа Сытова, жившая по соседству с Лидвалем на Каменноостровском проспекте, получила от него 50 000 рублей «за знакомство с одним высокопоставленным лицом ввиду поставки хлеба голодающим». Очевидно, знакомство было приятным, поскольку вскоре Гурко заключил с Лидвалем договор на поставку 10 миллионов пудов зерна в голодающие губернии: Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Самарскую и Тульскую. Лидваль получил значительную денежную сумму, но своих

обязательств не выполнил: вместо 10 миллионов поставил лишь 915 тысяч пудов. Правительству пришлось срочно искать новых поставщиков, заключать новые контракты, в результате чего казна понесла значительный убыток.

В этом скандале оказался замешанным представитель еще одного известного в России семейства Ромейко-Гурко товарищ министра внутренних дел Владимир Иосифович Гурко. Представители этого белорусского дворянского рода появились в России на три столетия раньше Лидвалей. Многие из них прославились на полях сражений. Его отец генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко был героем русско-турецкой войны, брат Василий Иосифович участвовал в русско-японской войне. А вот Владимир Иосифович, которого С. Ю. Витте характеризует как умного, знающего, талантливое, но совершенно беспринципного человека, приобрел известность, главным образом, благодаря коррупционному скандалу.

Газетчики обвиняли пензенского губернатора Александровского и нижегородского губернатора барона Фредерикса в том, что именно они рекомендовали Лидвалью министерству внутренних дел как надежного поставщика. В любом случае, как писал Витте, «все это было сделано с нарушением законов и при таких обстоятельствах, которые ясно указывали на корыстные цели». Действительно, что могло заставить Гурко единолично, не объявляя тендера, заключить такой крупный контракт с человеком, которому как неисправному должнику и контрагенту вменялось множество исков и взысканий и который к тому же никогда не занимался хлебной торговлей. Как пишет историк криминального Петербурга А. Константинов, «в этой истории товарищ министра внутренних дел предстает либо полным идиотом, либо, что все-таки, видимо, более вероятно, он что-то имел с подряда, данного Лидвалю». Конечно, Гурко не мог предположить, что Лидваль совсем сорвет хлебные поставки в голодающие губернии, но даже если бы Лидваль выполнил условия контракта, то он немало заработал бы на этом подряде, который был рассчитан на то, чтобы с каждого пуда можно было нажать до 15 копеек. Подрядные цены были 85 копеек

за пуд, а рыночные — 70 копеек. С 10 миллионов пудов это составило бы крупную сумму.

Гурко думал, что все сойдет ему с рук, тем более что в его защиту выступил его непосредственный начальник — могущественный министр внутренних дел Столыпин. Но поскольку деятельность Гурко и Лидваля привела к существенному сокращению пайков голодающего населения, и слухи о скандале просочились в прессу, дело получило широкую огласку и было передано в сенатский суд.

На суде Лидваль говорил, что поставкам ржи воспрепятствовал беспорядок на железных дорогах, Гурко оправдывал свои действия «борьбой с трясинной формализма». Выбор Лидваля в качестве делового партнера он объяснял его деловой американской хваткой и положительными рекомендациями нижегородского губернатора барона Фредерикса. Следствие опровергло его показания. По мнению прокурора, действия Гурко имели особо важные последствия, поскольку «они были совершены господином Гурко в годину бедствия нашего народа, переживавшего ужасы неурожая, изнемогавшая от голода родина вправе была ожидать от товарища министра внутренних дел помощи, при высочайшей осторожности и полном напряжении сил». Однако сенатский суд решил, что действия товарища министра имели важные, а не особо важные, как считал прокурор, последствия. Поэтому Гурко был признан виновным только в превышении власти и нерадении и приговорен к отрешению от должности. По мнению С. Ю. Витте, «если бы это был не Гурко, а кто-нибудь другой, то наказание было бы гораздо более строгим». Дело о помощи голодающим сломало успешную карьеру Гурко, но ненадолго. Вскоре он вновь появился на политической арене: в 1910 г. император назначил его камергером, а в 1912 г. Тверским земством он был избран членом верхней палаты российского парламента — Государственного совета.

О судьбе Эрика Лидваля практически ничего не известно. Современник событий публицист Виктор Обнинский, автор первой биографии Николая II пишет, что «Лидваль

скрылся в Лондоне и охотно рассказывает о роли Гурко, бывшего инициатором всей эпопеи». Обнинский пишет о Гурко и Лидвале как типичных фигурах николаевской эпохи, появление которых, по его мнению, было одним из проявлений агонии самодержавного строя.

Литература:

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960; *Обнинский В. П.* Последний самодержец. М., 1992; *Константинов А.* Коррупцированный Петербург. СПб., 2001; *Лурье Л., Хитров А.* Лидвалиада. Корни российской коррупции//Родина. 2000/6; *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм — СПб., 2003.

Ленин и Швеция

Читатель уже знает о том, что в 1574 г. шведский переводчик Энгельберт Нильссон был задержан русскими властями на границе и обвинен в «лазутчестве» за то, что пытался вывезти в Швецию царские родословцы, которые уже в то время были строго засекречены. На официальном уровне изучение генеалогических корней царей, императоров, генсеков, как правило, не поощрялось, поскольку у них могли оказаться нежелательные предки и родственники. Именно по этой причине в Советском Союзе о немецких и шведских корнях Ленина тоже не принято было распространяться.

В официальной биографии В. И. Ленина, изданной Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС, сообщалось, что он вырос в русской интеллигентской семье, а из его предков были названы только отец Илья Николаевич Ульянов и мать Мария Александровна. Ее девичью фамилию Бланк безымянные авторы биографии не сообщали. О зарубежных предках вождя мировой революции советские граждане впервые смогли узнать из книги Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых», изданной в 1957 г. Оказалось, что генеалогическое древо Ульяновых своими корнями уходит в мещанско-чиновничий род Бланков и купеческо-чиновничий род Эстедов. Однако этот сюжет предпочитали не обсуждать, и в книгах Ю. Дашкова «По ленинским местам Скандинавии» (1971) и П. В. Московского и В. Г. Семенова «Ленин

в Швеции» (1974) о шведских предках Ленина не было сказано ни слова.

Шведы узнали о шведской родословной Ленина в 1970 г. из брошюры директора Королевской библиотеки Уно Виллера «Ленин в Стокгольме», выпущенной к его столетнему юбилею. Более подробно его шведские корни изучала шведская исследовательница Кристина Бакман. Она установила, что в 1730 г. в Стокгольме появился ученик перчаточника Карл Рейнхольд Эстед (Östedt), фамилия которого образована от местечек, встречающихся в Швеции и Финляндии, но может также происходить и от названий населенных пунктов в Ливонии и других немецкоговорящих землях. Поэтому она считает, что трудно сказать, в какой степени эти Эстеды были действительно шведами.

Сын Карла Рейнхольда Карл Фредрик, родившийся в Упсале, в 1782 г. переселился в Петербург, где работал ювелиром. Он женился на Анне Кристине Борг*, дед которой Симон Новелиус был известным в Упсале шляпником. Старшая дочь Карла Фредрика и Анны Кристины — Анна Беата вышла замуж за немецкого купца Иоганна Готлиба Гросшопфа**. Их дочь Анна Ивановна, вышедшая замуж за крещеного еврея Александра Дмитриевича (Израиля Моисеевича) Бланка, была бабушкой Владимира Ильича по материнской линии. Марии Александровне было 12 лет, когда умерла ее бабушка, которая рассказывала ей о ее шведских предках и, возможно, учила ее шведскому языку.

Владимир Ильич был в Швеции в 1905, 1906, 1907, 1910 и 1917 гг. Он приезжал сюда не для генеалогических исследований или встреч с родственниками. Стокгольм был для него то местом проведения партийного съезда,

* По сообщению газеты «Катриенхольмс курирен», она родилась в местечке Беттна (Bettna) на берегу озера Юнгарен (Yngaren).

** Как отметил М. Г. Штейн, род Гросшопфов имел давние связи со Швецией. Первой в этом ряду выступает Тельзике Крузельман (1505—1576), дочь купца Беренда Крузельмана, одного из кредиторов шведского короля Густава Васы.

то кратковременной остановкой на пути в эмиграцию или из эмиграции.

После поражения революции 1905–1907 гг. Скандинавия становится базой русского революционного движения. Укрывавшиеся от преследования полиции российские политэмигранты создали здесь обширную подпольную сеть. Через Швецию и Финляндию в Россию шли издававшаяся в Швейцарии «Искра», нелегальная литература, оружие и деньги. Как считает шведский исследователь Ханс Бьёркегрен, реконструировавший деятельность российских социал-демократов на территории Швеции в 1906–1917 гг., именно в скандинавских странах (прежде всего в Швеции) следует искать ответы на многие загадки истории русской революции.

Впервые Ленин побывал в Швеции в ноябре 1905 г. по пути из Женевы в охваченную революцией Россию. Об этом его пребывании в Стокгольме почти ничего не известно. Ю. Дашков предполагает, что здесь он встречался с представителями левого крыла шведской социал-демократии, которое возглавлял Хинке Бергегрен, и финляндскими «активистами», а также читал прессу в Королевской библиотеке. Последнее представляется вполне вероятным, поскольку известно, что Ленин был заядлым читателем и, бывая за границей, имел обыкновение посещать крупнейшие библиотеки.

В следующий раз он приехал в Стокгольм весной 1906 г. на IV съезд РСДРП. Биографам Ленина не удалось установить каких-либо подробностей его пребывания в шведской столице. Известно лишь, что в один из дней они с Н. К. Крупской устроили загородную прогулку.

В декабре 1907 г. после поражения революции, спасаясь от преследования полиции, он уходит через Финляндию в Стокгольм, где останавливается на одной из центральных улиц в ныне не существующей гостинице «Мальмстен». Известно, что в этот раз он встречался с радикальным публицистом социалистического толка Хинке Линдбергом и студентом-юристом Хуго Линдбергом. Они сопровождали Ленина и Крупскую в прогулках по городу. Вместе с ними 28, 30 и 31 декабря они побывали в Коро-

левской библиотеке. Впоследствии один из тех столов, что в то время стояли в читальном зале Королевской библиотеки, был передан в дар Библиотеке им. В. И. Ленина.

3 января Ленин уехал из Швеции в Германию в эмиграцию, продолжавшуюся 10 лет. В сентябре 1910 г. он вновь приехал в Стокгольм, чтобы в последний раз встретиться с Марией Александровной, отмечавшей здесь свою 75-летнюю годовщину. Перед отъездом он заглянул в Королевскую библиотеку.

Швеция была последней зарубежной страной, в которой побывал Ленин. В пятницу 13 апреля 1917 г. поездом из Швейцарии через Германию Ленин прибыл в Стокгольм. На вокзале его встречали бургомистр Стокгольма Карл Линдхаген, депутат риксдага Фредрик Стрём, представители шведских левых социал-демократов, русские политэмигранты. Ленин и его спутники остановились на несколько часов в гостинице «Регина» и вечером того же дня уехали поездом на Хапаранду в Россию. Ленин сожалел, что на этот раз он не смог посетить Королевскую библиотеку, но зато в универмаге PUB успел купить костюм, в котором руководил Октябрьским вооруженным восстанием.

Как известно, сигналом к нему послужил выстрел «Авроры», но мало кто знает, что ее проводкой к Зимнему дворцу по невскому фарватеру руководил лейтенант русского флота Николай Эриксон, швед по национальности.

Залп «Авроры» эхом отозвался в странах Запада, в том числе и в Швеции, где под влиянием русской революции началась социализация шведского капитализма и его превращение в «капитализм с человеческим лицом», в так называемую «шведскую модель», сочетавшую капиталистическую форму производства с коммунистической формой потребления.

Швеция стала одной из первых стран, вступивших в торговые контакты с Советской Россией. Уже в 1920 г. было подписано соглашение о поставках 1000 паровозов. Значение этого соглашения Ленин видел, прежде всего, в политическом эффекте, в том резонансе, который он вызвал

в мире: «Придаем заключенному договору значение главным образом с целью воздействия на крупные паровозостроительные заводы Европы и Америки». Об этой крупной торговой сделке в 1972 г. был снят советско-шведский фильм «Человек с другой стороны» с Вячеславом Тихоновым и Биби Андерссон в главных ролях.

Незадолго до кончины Ленина в марте 1923 г. его посетил известный шведский невропатолог Соломон Хеншен, приглашенный на консилиум вместе с немецкими врачами. Хеншен поставил ему диагноз атеросклероз. После смерти Ленина он получил из России документ за подписью наркома здравоохранения Семашко, подтверждавший правильность его диагноза.

По иронии судьбы империю, у истоков которой стоял легендарный скандинав Рюрик, сокрушил человек, в генеалогическом древе которого также есть скандинавские корни.

Литература:

Бекстрём К. Ленин в Швеции в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1960/2; *Дашков Ю. Ф.* По ленинским местам Скандинавии. М., 1971; *Московский П. В., Семенов В. Г.* Ленин в Швеции. М., 1974; *Бакман К.* Новое о шведских предках Ленина // Новая и новейшая история. 1997/3; *Штейн М. Г.* Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России // Исторические записки. 10 (128). М., 2007; *Бьёркегрэн Х.* Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007; *Willer U.* Lenin i Stockholm. Stockholm, 1970; *Nilsson S.* Lenins resa genom Sverige // Rysskräcken i Sverige. Örebro, 1990; *Backman K.* Lenins svenska anor // Släkt och hävd. 1995.

Список литературы

- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники. М., 2009.
- Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970.
- Кан А. С. Швеция глазами русских путешественников (1817–1917 гг.) //Новая и новейшая история. 1983/4.
- Кан А. С. Россия и Швеция в прошлом и настоящем. М., 1999.
- Коваленко Г. М. Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. СПб, 1999.
- Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М., 2006.
- Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М., 1993.
- Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке. Каталог выставки. М., 2001.
- Свердлов М. Б., Шаскольский И. П. Культурные связи России и Швеции IX–XVI вв. //Скандинавский сборник. Вып. XXX. Таллин, 1986.
- Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999.
- Чернышова О. В. Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004.
- Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980.
- Шарыпкин Д. М. Русская литература в Скандинавских странах. Л., 1975.
- Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.
- Шведы в Москве. М., 2002.
- Широкоград А. Швеция. Гроза с Балтики. М., 2008.
- Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003.

* * *

Arne T. J. Det Stora Svitjod. Essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm, 1917.

Arne T. J. Europa upptäcker Ryssland. Stockholm, 1944.

Bodin P.-A. Ryssland och Europa. En kulturhistorisk studie. Borås, 1994.

Burgman T. Rysslandsbilden i Sverige. Från Ivan den förskrecklige till Vladimir Putin. Riga, 2001.

Jangfeldt B. Svenska vägar till S:t Petersburg. Trelleborg, 1998.

Kan A. Sverige med ryska resenäres ögon 1817–1913//Historiska arkiv. 18. Stockholm, 1986.

Kan A. Sverige och Ryssland — ett 1200-årigt förhållande. Stockholm, 1996.

Kan A. Den ryska synen på Sverige från Ivan den förskrecklige till tsarrikets fall.//Från stormakt till smånationen. Sveriges plats i Europa från 1600-tal till 1900-tal. Stockholm, 1995.

Nerman T. Svensk och ryss. Ett umgänge i krig och handel. Stockholm, 1946.

Nilsson S. Ryssskräcken i Sverige. Fördomar och verklighet. Örebro, 1990.

Tarkiainen K. «Vår gamle Arffiende Ryssen». Synen på Ryssland i Sverige 1595–1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Studia historica Upsaliensia. 54. Uppsala, 1974.

Tarkiainen K. Se Vanha Vainooja. Helsinki, 1986.

Tsar Peter och kung Karl. Två härskare och deras folk. 1998.

Tengström L. «Muschoviten... Turcken icke olijk». Ryssattribut, och deras motbilder i svensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova. Del I–II. Jyväskylä, 1997.

Åberg A. Fångarnas elände. Karolinerna i Ryssland 1700–1723. Lund, 1991.

Den kände svenske historikern och publicisten Erik Gustaf Geijer skrev år 1838: «Sverige och Ryssland! – Hvad ligger ej i sammanställningen af dessa ord, – så föga sammanställande, att de synas ömsesidigt uppressa sig emot den lilla konjunktionen och, som förbinder dem likt en klen spång, slagen över bråddjup, ur hvilket svallet höres och töcknet stiger upp af en månghundraårig fiendskap».

Icke desto mindre har redan flera generationer av historiker både från den ena och den andra sidan skrivit vetenskapliga verk och populärvetenskapliga böcker och givit ut källskrifter för att slå en spång över detta bråddjup.

Dessa korta populära essäer om rysk-svenska förbindelser från 800-talet till 1900-talet utgör ytterligare ett försök att sätta konjunktionen och mellan Ryssland och Sverige.

I boken presenteras ca fyrtio föga kända, okända eller glömda episoder ur de rysk-svenska förbindelsernas tusenåriga historia. Kamp har flätats samman med samarbete, kontakter med konflikter.

Содержание

От автора	5
Рюрик — легенда и символ	10
Жена Ярослава Мудрого	22
Упырь или Эпир?	31
Ярл и князь	35
Новгородский инцидент 1557 года	40
Перебежчик Афанасий Шемякин	43
Спор о «посольском обычае»	49
Жених Ксении Годуновой	57
Первый шведский кремленолог и норманист	62
Второе призвание варягов	66
Псковский «анабасис» Густава Адольфа	74
Катарина Стопия – первая женщина-дипломат в России	80
Русский двор в Стокгольме	86
«По-свейски говорит и грамоту свейскую знает...»	94
«Муж ума несравненного»: диссидент или шпион?	102
«Венец» шведской московитики	109
Неизвестная война	113
«Для проводывания всяких вестей...»	120
Предупреждение, не услышанное королем	126
Шведская модель для Петра I	130
Культурная миссия каролоинов	135
Странная война	145

Шведы в русском фольклоре	154
Екатерина II и Густав III	162
Мир во время войны	173
Падение «Северного Гибралтара»	178
Союз 1812 года	184
Неожиданный визит. Николай I в Стокгольме	191
«Скандинавия неистошима в северных исторических памятниках». С. В. Соловьев в Швеции	196
Пушкин и Швеция	200
Профессор Стокгольмского университета. Софья Ковалевская в Швеции	208
Легенда о Сиггунских вратах	219
«Новгород дает много интересного для скандинавского исследователя». Туре Арне в России	223
Альфред Йенсен и «русские шпионы»	229
Русская принцесса в Швеции	234
Дело Гурко-Лидваля	240
Ленин и Швеция	245
<i>Список литературы</i>	250

Коваленко Г.

К56 Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты / Геннадий Коваленко. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 256 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-004-8

Книга популярных очерков ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Геннадия Коваленко рассказывает о малоизвестных, неизвестных или забытых эпизодах из тысячелетней истории отношений между Россией и Швецией, в которых соперничество тесно переплелось с сотрудничеством, а контакты с конфликтами. Непредвзятый взгляд русского ученого, охватывающий все многообразие русско-шведских взаимосвязей в экономической, культурной, политической, а порой и военной сферах, демонстрирует, как много общего между Россией и Швецией.

УДК 327

ББК 26.89

История. География. Этнография

Коваленко Геннадий Михайлович

Русские и шведы
от Рюрика до Ленина

Контакты и конфликты

Редактор В. Петров
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка А. Кашафудиновой

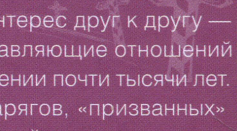
Подписано в печать 24.02.2010.
Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1966.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
117296, Москва, ул. Молодежная, д. 5, пом. XII
Тел. (495)930-51-20. E-mail: info@lomonosov-books.ru
Сайт издательства www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.ооошпк.ру тел.: (495) 745-84-28 (49638) 20-685

Геннадий
Коваленко
Русские и шведы
от Рюрика
до Ленина

Соперничество и острый интерес друг к другу — вот, пожалуй, главные составляющие отношений России и Швеции на протяжении почти тысячи лет. Чаще всего вспоминают варягов, «призванных» править Русью, и Северную войну, в результате которой было прорублено «окно в Европу», но этим связи двух стран не исчерпываются. Частью их общей истории стали и превращение шведского рунорезца Эпира в новгородского священника Упыря Лихого, и планы Бориса Годунова породниться со шведским королевским двором, и великая княжна Мария Павловна, чья популярность в Швеции была сродни популярности в Великобритании много лет спустя принцессы Дианы, и шведские корни Ленина...

Автор книги Геннадий Коваленко — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук, доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

ISBN 978-5-91678-004-8

9 785916 780048